

ГЕНДЕРНАЯ ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

Учебное пособие

Саранск
Издательство Мордовского университета
2005

УДК 37.013 : 159.922.1 (075.8)

ББК 74.00я73

Г 34

Рецензенты: кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Московского педагогического государственного университета **Л. В. Попова;**

кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой дошкольной педагогики и психологии Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева **Р. А. Еремина**

Издание осуществлено в рамках проекта «Гендерная толерантность» при поддержке РГНФ и Правительства Республики Мордовия (№ 05-06-23600а/В)

Гендерная педагогика и психология: учеб. пособие / под общ. ред. О. И. Ключко. – Саранск: Издательство Мордовского университета, 2005. – 156 с.

В учебном пособии предпринята попытка реализации гендерного подхода в психолого-педагогическом знании, рассматриваются основные институты, факторы и содержание гендерной социализации. Особое внимание уделяется гендерным стереотипам, их трансформации и влиянию на личность ребенка в современном обществе. Предлагаются рекомендации по снижению негативного влияния гендерной асимметрии на подрастающее поколение.

Предназначено для студентов педагогических специальностей, а также воспитателей, учителей, школьных психологов, руководителей системы образования, родителей.

УДК 37.013 : 159.922.1 (075.8)

ББК 74.00я73

© Оформление. Издательство
Мордовского государственного
университета, 2005

© О. И. Ключко, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
Глава 1. Введение в гендерную психологию и педагогику.....	
1.1. Предмет, задачи, проблемы гендерной психологии и педагогики.....	
1.2. История развития гендерной проблематики в психолого-педагогическом знании.....	
Глава 2. Гендерный подход к изучению личности.....	
2.1. Основные подходы к пониманию гендера.....	
2.2. Гендер как категория социального познания.....	
Глава 3. Гендерная социализация.....	
3.1. Теории половой социализации.....	
3.2. Основные факторы гендерной социализации.....	
3.3. Гендерные стереотипы: содержание, функции.....	
Глава 4. Семья как институт гендерной социализации.....	
4.1. Семья как предмет гендерного анализа.....	
4.2. Гендерный анализ взаимоотношений родителей и детей.....	
Глава 5. Конструирование гендера в средствах массовой информации.....	
5.1. Гендерные образы в художественной и периодической литературе.....	
5.2. Телевидение как инструмент гендерных технологий.....	
5.3. Роль рекламы в формировании гендерных стереотипов.....	
Глава 6. Гендерная социализация в образовании.....	
6.1. Гендерное измерение в образовании.....	
6.2. Школьные учебники и детская литература как предмет гендерного анализа.....	
Глава 7. Барьеры самоактуализации у женщин и мужчин.....	
7.1. Психологические ограничения традиционных гендерных ролей.....	
7.2. Гендерный подход к изучению агрессии и насилия.....	
7.3. Гендерный конфликт.....	
Практикум по гендерной педагогике и психологии.....	
1. Программа курса «Гендерная педагогика и психология».....	
2. Программа социально-психологического тренинга гендерной толерантности для родителей.....	
3. Программа социально-психологического тренинга гендерной толерантности для старшеклассников.....	
4. Программа курса «Гендерная психология» для общеобразовательных школ.....	

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед Вами результат многолетней работы коллектива единомышленников. Преподаватели кафедры специальной и прикладной психологии Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева предприняли попытку реализации гендерного подхода в современном психолого-педагогическом знании. Не будет преувеличением сказать, что эта работа началась в 1996 году, когда представитель нашей кафедры Ж. В. Коробанова приняла участие в Первой Российской летней школе по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96». Актуальность гендерной проблематики для нас была столь высока, что практически сразу образовалась группа горячих «поклонников» гендера. С тех пор члены кафедры успешно защитили несколько диссертационных исследований по гендерной тематике, апробировали ряд курсов по своему выбору, интегрировали гендерный подход в содержание профессиональной подготовки педагогов-психологов.

В 2003-2005 годы силами кафедры специальной и прикладной психологии МГПИ имени М. Е. Евсевьева в рамках республиканских научно-практических семинаров проводились мероприятия по формированию гендерной культуры для работников образовательных учреждений Мордовии, которые вызвали большой интерес, подтвердили огромную значимость разработки гендерной проблематики, необходимость внедрения гендерного компонента в содержание образования педагогов различных специальностей, развития гендерной толерантности всех участников образовательного процесса. Все вышеперечисленное привело к созданию учебного пособия, в котором мы попытались обобщить и систематизировать информацию по применению гендерного подхода в педагогике и психологии, причем не только изложить результаты исследований, но и сформулировать рекомендации для решения каждодневных проблем обучения и воспитания в гендерном преломлении. Мы видим нашу задачу в продвижении гендерных знаний в профессиональную подготовку работников сферы образования.

Предлагаемое учебное пособие состоит из семи глав, каждая из которых посвящена актуальной проблематике в гендерологии. Первая глава содержит определения предмета, задач, краткую историю развития гендерного подхода в психологии и педагогике. Во второй главе рассмотрены основные подходы к пониманию гендера, а также особенности изучения гендера как социального явления. Третья глава посвящена анализу теорий половой социализации, достижения которых мы не считаем возможным игнорировать, хотя в них и не используется гендерная терминология. Мы рассматриваем основные факторы и институты гендерной социализации, особое внимание уделяем содержанию и функциям гендерных стереотипов. Следует отметить, что мы сознательно избегаем пристального изучения гендерных различий, так как считаем, что заострение внимания на этой теме часто приводит к выводу о диаметральной противоположности женщин и мужчин. Мы же придерживаемся мнения о том, что межиндивидуальные различия превышают межполовые. Кроме того, вопросы гендерных различий подробно рассмотрены в появившихся в последнее время

работах отечественных психологов Е. П. Ильина и Т. В. Бендас.

В четвертой, пятой и шестой главах анализируются ведущие факторы гендерной социализации: семья (Ж. В. Коробанова), средства массовой информации (И. В. Галанова), институты образования – детский сад и школа (О. И. Ключко), и их влияние на психическое развитие мальчиков и девочек. В седьмой главе изучаются негативные последствия гендерной социализации и возможности их преодоления (О. И. Ключко). Особое внимание уделяется гендерному подходу в изучении агрессии (Н. Ф. Сухарева).

В практикуме представлены программа и методические рекомендации к курсу «Гендерная педагогика и психология», разработанные преподавателями нашей кафедры и апробированные в школах г. Саранска программы по формированию гендерной толерантности родителей (Ж. В. Коробанова) и старшеклассников (И. В. Галанова), программа курса «Гендерная психология» для общеобразовательных школ (А. Н. Яшкова).

Издание учебного пособия осуществилось благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Республики Мордовия в рамках проекта «Гендерная толерантность» (№ 05-06-23600a/В). Программа курса «Гендерная педагогика и психология» была подготовлена в качестве итоговой работы по результатам дистанционного обучения «Теория и методология гендерных исследований» в рамках проекта Московского центра гендерных исследований «Аналитико-информационный ресурсный центр для сообщества экспертов по гендерному равенству» при поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров. Мы выражаем благодарность руководителю проекта О. А. Ворониной и координатору учебных программ Л. Г. Луняковой. В пособии мы широко использовали материалы, подготовленные и любезно нам предоставленные сотрудниками Московского центра гендерных исследований, а также Института социальной и гендерной политики.

Особую признательность мы выражаем Л. В. Поповой за идеи, которыми она щедро делилась со своими учениками и которые положены в основу данного пособия; И. С. Клециной, чьи труды по праву считаются основополагающими в гендерной психологии; Л. В. Штылевой, работы которой мы интенсивно использовали, а ее критические замечания были для нас весьма полезны.

Мы благодарим всех преподавателей кафедры специальной и прикладной психологии, которые своей доброжелательностью и искренним интересом помогали реализации нашего проекта, а также студентов отделения «Педагогика и психология» факультета коррекционной педагогики МГПИ имени М. Е. Евсевьева, которые стали экспериментальной группой для апробации данного курса.

О. И. Ключко

Будем рады отзывам о книге и предложениям о сотрудничестве. Ждем их по адресу: olga_kliutchko@rambler.ru

Ключко О. И.

ГЛАВА 1. ВВЕДЕНИЕ В ГЕНДЕРНУЮ ПСИХОЛОГИЮ И ПЕДАГОГИКУ

1.1. Предмет, задачи, проблемы гендерной психологии и педагогики

В традиционной науке до недавнего времени различали пол биологический — как совокупность генетически обусловленных признаков индивида и пол социальный — как комплекс социокультурных характеристик человека в зависимости от его половой принадлежности.

Современная социальная наука дифференцирует понятия «пол» (sex) и «гендер» (от англ. «gender» - род, пол). Традиционно первое из них используется для обозначения тех анатомо-физиологических особенностей людей, на основе которых человеческие существа определяются как мужчины или женщины. Долгое время пол, т. е. биологические особенности человека, считался фундаментом и первопричиной психологических и социальных различий между женщинами и мужчинами. По мере развития научных исследований стало ясно, что с биологической точки зрения между мужчинами и женщинами гораздо больше сходства, чем различий. Хотя в основе половой дифференциации лежит половой диморфизм, она никоим образом не сводится только к нему и зависит от множества исторических и социальных факторов.

Хотелось бы подчеркнуть, что множество индивидуальных вариаций человеческого развития показывает невозможность однозначного выведения такой дифференциации из наследственных свойств, и особенностей воспитания. Что касается разделения социальных ролей, форм деятельности, различий в поведении и эмоциональных характеристиках между мужчинами и женщинами, то антропологи, этнографы и историки давно установили историческую и культурную относительность представлений о «типично мужском» или «типично женском». Существующее в мире разнообразие социальных характеристик женщин и мужчин и принципиальное тождество биологических характеристик людей позволяют сделать вывод о том, что биологический пол не может быть объяснением различий их социальных ролей, существующих в разных обществах. Таким образом, появился термин «гендер», обозначающий в самом общем виде совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола.

Гендерные исследования, появившиеся в 70-е годы за рубежом, а позднее и в России, выявили резко асимметричный характер социализации по отношению к мальчикам и девочкам, мужчинам и

женщинам во всех институтах общества – в семье, религии, экономике, институте права, образовании. Феминистская философия называет такую гендерную асимметрию дискриминацией по половому признаку, или сексизмом.

Гендерный подход в любой сфере знания предполагает, что различия в поведении, психике, деятельности мужчин и женщин определяются не столько их анатомо-физиологическими особенностями (которые не отрицаются), сколько социально-культурными факторами. Такой конструктивистский подход предполагает изживание негативных гендерных стереотипов: поскольку они не врожденные, а сконструированные обществом, значит их можно изменить, меняя сознание общества. Таким образом, практически каждая научная дисциплина может учитывать гендерный подход.

Гендерный подход в психолого-педагогическом знании относится к числу наименее разработанных вопросов в отечественных гендерных исследованиях, несмотря на то что редкий российский вуз не имеет в своем учебном плане курса по выбору или хотя бы факультатива по гендерной тематике. Наиболее полно разработанными и представленными в содержании современного образования можно считать междисциплинарные курсы типа «Теория и методология гендерных исследований», «Основы гендерных исследований», «Теория и история феминизма». Они появились во многом благодаря масштабной просветительской работе Института социальной и гендерной политики, Московского и Харьковского центров гендерных исследований, Ивановского государственного университета и ученых-энтузиастов (О. А. Ворониной, И. А. Жеребкиной, Е. А. Здравомысловой, И. С. Клециной, М. М. Малышевой, А. А. Темкиной, Н. Л. Пушкаревой и многих др.).

Гендерный подход в психолого-педагогическом знании направлен на изучение психологических особенностей, обусловленных социокультурными требованиями к мужчине и женщине, механизмов формирования гендерных характеристик, влияние институтов социализации и прежде всего образования на развитие мальчиков и девочек, создание условий для развития способностей и склонностей независимо от пола ребенка, гендерное просвещение общества.

Гендерная педагогика – это совокупность подходов, направленная на снижение негативного влияния гендерной асимметрии и гендерных стереотипов на подрастающее поколение. Для определения взаимодействия педагогики и гендерного подхода вводится понятие «гендерное измерение в образовании». Этот термин подразумевает оценку последствий и результатов воздействия воспитательных усилий на положение и развитие мальчиков и девочек, осознание ими своей

идентичности, выбор жизненных целей, их статус и прочие характеристики.

Предметом гендерной психологии в самом широком смысле являются особенности психики, которые связаны с полом. Конкретизация этого положения содержится в разных разделах этой области психологии. Можно выделить пять больших разделов:

- 1) психология сравнения мужчин и женщин;
- 2) психология женщины;
- 3) психология мужчины;
- 4) гендерная социализация;
- 5) психология гендерных отношений.

1. *Психология сравнения мужчин и женщин.* По ходу истории гендерной психологии этот раздел носил различные названия: половой диморфизм, половой дипсихизм, половые различия, гендерные различия. Нам кажется, что данное название, предложенное Т. В. Бендас, наиболее точно отражает суть этого раздела¹. Мужчины и женщины, мальчики и девочки сравниваются по различным параметрам — от психофизиологических и нейропсихологических до социально-психологических особенностей психики.

Цель этого сравнения — установить своеобразие полов, специфические особенности мужчин и женщин. Этот раздел гендерной психологии наиболее развит, ему посвящен ряд фундаментальных работ как за рубежом, так и в России, в частности обзорные учебные пособия «Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины» Е. П. Ильина² и «Гендерная психология» Т. В. Бендас. Большинство исследователей подчеркивают необходимость смены парадигмы — от установления различий до установления специфики и своеобразие (включая и сходство полов). Исследовательский потенциал новой отрасли психологии очень велик: можно повторить практически все исследования в психолого-педагогической науке.

2. *Психология женщины* изучает особенности психики и поведения женщин, которые не стали предметом первого раздела. Традиция изучать женщин и мужчин в сравнении делает размытой границу между обоими разделами, однако у психологии женщин существует и свой специфический предмет: те особенности психики, которых нет у мужчин, связанные с женской физиологией. Здесь изучается психическое состояние женщин во время менструального цикла, дефлорации, беременности, родов, климакса. Помимо этого, предметом психологии женщины становятся материнство (особенно в ситуации неполной семьи),

¹ См.: Бендас Т. В. Гендерная психология: учеб. пособие. СПб., 2005. 431 с.

² См.: Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб., 2002. 544 с.

женская занятость и так называемые женские профессии (те, где мужчин крайне мало), женская безработица, специфические женские заболевания.

3. *Психология мужчины* делает первые шаги. Здесь предметом являются те особенности психики, которых нет у женщин. В частности, изучается влияние мужских гормонов на способность мужчин решать разного рода задачи. Часто сравнение с женщинами нерелевантно, так как самая маскулинная женщина отличается от самого фемининного мужчины. Также существуют специфические мужские заболевания (например, связанные с половой сферой), которые влияют на психику мужчин, и которых нет у женщин. Важно изучить психологические факторы мужской смертности. Можно исследовать мужские профессии, где нет ни одной женщины (или их чрезвычайно мало), а также мужские группы: деловые, профессиональные, клубы, компании, куда женщин не допускают. И. С. Кон неоднократно подчеркивает, что «настоящий мужчина» не меньший миф, чем «идеальная женщина», а традиционный канон маскулинности претерпевает существенные изменения³. При этом данную дисциплину не следует воспринимать как протест против «психологии женщины» — это нормальная стадия развития науки. И психология женщины, и психология мужчины имеют свою широкую проблематику от психофизиологии до социальной психологии.

4. *Гендерная социализация*. Предметом этой области гендерных исследований является социализация, заключающаяся в формировании гендерной идентичности и освоении гендерных ролей, изучение влияния на этот процесс гендерных стереотипов. Особое внимание следует уделять негативным последствиям традиционной гендерной социализации — барьерам самоактуализации мужчин и женщин, распространению агрессивного поведения, дискриминации по половому признаку.

5. *Психология гендерных отношений*. Предмет этой области достаточно широк, так как гендерные отношения — это взаимоотношения не только между полами, но и внутри каждого пола⁴. Люди иначе ведут себя в однополых и смешанных по полу группах. Интерес представляет общение в интимных группировках — дружеских, сексуальных, супружеских. Наконец, активно изучаются девиантные отношения между полами, в частности связанные с насилием.

В настоящее время наиболее остро стоит проблема разработки методов исследования гендерных характеристик личности. В настоящее время в гендерной психологии и педагогике используется весь арсенал методов: наблюдение, эксперимент, анкетирование, интервьюирование,

³ См.: Кон И. С. Теория и история «мужских исследований»// Гендерный калейдоскоп: Курс лекций / под общ. ред. М. М. Малышевой. М., 2001. С. 241.

⁴ См.: Клецина И. С. Психология гендерных отношений: Автореферат дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2004.

тесты, моделирование, биографический метод и т. п. Однако не все методики пригодны для изучения гендерной проблематики. При сравнении эффективности решения задач мужчинами и женщинами необходимо применять такие задачи, которые были бы сформулированы на языке, понятном и удобном для обоих полов, были бы интересны мужчинам и женщинам. Если данные особенности не учитываются, то это приводит искажению результатов. Например, при изучении мотивации достижения мужчины показывают более высокие показатели, чем женщины. Если составить выборки из мужчин и женщин, ориентированных на карьеру, различий не обнаружится, или они будут минимальны. Кроме того, если внести изменения в представления о мотивации достижения, например, рассматривать достижения не только в профессии, но и в рамках семьи, воспитания детей, хобби и т. п., картина изменится принципиально.

Таким образом, особенности методик и пол экспериментатора, а также его/ее научные воззрения влияют на получение эмпирических данных. Недостаточно подсчитать средние значения по различным параметрам, так как мужчины и женщины не являются однородными выборками. Поэтому ряд исследователей настаивают на таких качественных методах, как глубинное интервью и анализ биографии. Широко могут быть использованы психодиагностические методики, представленные в практикуме по гендерной психологии под редакцией И. С. Клециной⁵.

В психологии гендерных различий широко используется такой метод исследований, как метаанализ⁶. Он пришел на смену так называемому качественному литературному обзору, который постепенно уходит в прошлое. Метаанализ был введен в социальные науки в 1976 году Дж. Гласом, а затем усовершенствован рядом авторов.

Это метод вторичной математической обработки независимых исследований, посвященных одной проблеме. Подбирается множество однородных работ (довольно часто проведенных с применением одних и тех же методик), после чего составляется база данных, куда включаются различные переменные, к примеру пол исследователя, год проведения исследования, возраст испытуемых и т. п. При этом везде присутствует статистический показатель половых различий. В одних случаях превосходство обнаруживается у мужчин, в других — у женщин, в третьих — различия отсутствуют. Затем эти данные подвергаются новой математической обработке, и в итоге вычисляется величина d — степень различий. Она может быть малой, средней и большой (даже при

⁵ См.: Практикум по гендерной психологии / под ред. И. С. Клециной. СПб., 2003. 480 с.

⁶ См.: Берн Ш. Гендерная психология. СПб., 2001. С. 86—89.

установлении малой степени это значимые различия). В итоге делается следующие заключения: имеются ли половые различия и насколько они велики. К сожалению, в отечественной науке этот метод пока не получил распространения — из-за технических причин и недостаточного объема гендерных исследований.

Во многих странах на основе гендерных исследований изменяется содержание учебников и образовательных программ детских садов, школ, вузов, идет перестройка воспитания с учетом гендерного подхода, проводится политика равных возможностей для мужчин и женщин. Таким образом, начато внедрение результатов гендерных исследований в образовательную и социальную практику.

1.2. История развития гендерной проблематики в психолого-педагогическом знании

Несмотря на то, что сам термин «гендер» появился лишь в 70-е годы прошлого века, в истории развития гендерных исследований условно можно выделить несколько этапов.

1. Разработка соответствующих идей в русле философии (с античных времен до конца XIX века). Платон и Аристотель, Фома Аквинский и Филон Александрийский, Ж. Ж. Руссо, И. Кант, Ф. Гегель и большинство философов рассматривали женщин как существо, производное от мужчины и низко развитое. Следует отметить, что в истории философской мысли были и исключения, например концепция Дж. Стюарта Милля, который настаивал на соблюдении гражданских прав женщин и необходимости образования⁷.

К. Маркс и особенно Ф. Энгельс вплотную подошли к проблеме гендерной иерархии и стратификации общества, хотя и рассматривали ее как следствие классового разделения. В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс отмечает, что появление частной собственности приводит к разделению труда между полами, появлению патриархальной семьи и «всемирному поражению женского пола»⁸.

Русская философия (В. Соловьев, Н. Бердяев, И. Ильин, П. Флоренский и др.) рассматривает понятия «мужского» и «женского», но как образы, аллегории, а не научные категории.

2. Фрейдовский этап, связанный с именем З. Фрейда, развитием психоанализа и его критикой (1930-1940-е годы).

⁷ См.: Теория и история феминизма: Курс лекций / под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков, 1996. 387 с.

⁸ См.: Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М., 1974. 240 с.

Теория Фрейда оказала глубочайшее влияние на развитие представлений о мужчине и женщине. Он считал, что личность определяется анатомическим строением, хотя даже его последователи и ученики не всегда соглашались с ним. Так, К. Хорни подчеркивала роль социокультурных факторов в развитии человека. Однако идеи Фрейда были позднее использованы в философии постструктурализма (М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Лакан) и феминизма.

М. Фуко в своей концепции микрофизики власти показал, что, начиная с середины XVII века, была установлена четкая взаимосвязь между понятиями «личность», «пол» и «сексуальность». Личность стала восприниматься и пониматься через призму дискурсивно оформленной сексуальности, а сексуальность, в свою очередь, стала одним из элементов властных отношений, с помощью которых стали возможны разнообразные формы контроля и подчинения.

Философ-психоаналитик Ж. Лакан связывал интерпретацию мужского и женского с символическим порядком культуры, а именно: с проблемами структурирования идентичности, следовательно, утверждал, что источник сексизма кроется не только в социальном или культурном устройстве общества, но и во внутренних структурах языка и мышления. А теория различий Ж. Деррида предлагает пересмотреть дихотомию мужского и женского в культуре как одну из основных оппозиций классического мышления, а вместо нее применять методологию множественности.

История взаимоотношений феминизма и психоанализа весьма неоднозначна. С одной стороны, исследователи очень много почерпнули из методологии этого направления, например модель психосексуального развития человека, с другой — исходные идеологические установки были подвержены решительной критике. Например, К. Миллет сделала попытку критического осмысления биологических детерминант в объяснении З. Фрейдом структур феминности и маскулинности.

3. Начало широких экспериментальных исследований и появление первых теорий, причем не только психолого-педагогических, но и социологических, антропологических (1940—1980 годы). На этом этапе выделяются идеи Талкотта Парсонса (теория структурно-функционального анализа и концепция разделения инструментальных и экспрессивных функций в семье), исследования Мартины Хорнер (феномен боязни успеха), Элеонор Маккоби (обзоры половых различий и собственные эксперименты), Сандры Бэм (концепции андрогинии и гендерной схемы), Нэнси Ходоров (работа о материнстве) и Кэрол Гиллиган (идея о ценности нравственных суждений женщин, отличных от взглядов мужчин).

В 1960-е годы активизировались отечественные исследования.

Ведущая роль в этих исследованиях принадлежала ленинградско-петербургской школе психологов под руководством Б. Г. Ананьева⁹, заложившего глубокие теоретические основы гендерной психологии: выделил глобальные различия женщин и мужчин, рассмотрел половой диморфизм в качестве общего принципа филогенеза, онтогенеза и социогенеза.

Широко известна работа И. С. Кона «Психология ранней юности», где целая глава посвящена особенностям взаимоотношений юношей и девушек, а также монография «Ребенок и общество», в которой представлен обзор и анализ зарубежной литературы по проблеме половых различий¹⁰. В настоящее время И. С. Кон известен как специалист по «мужским исследованиям».

4. Бурное развитие гендерных исследований и попытка интегрировать гендерный подход в социальные и гуманитарные науки (социологию, историю, экономику, правоведение, лингвистику и др.), в частности в психологию и педагогику, в содержание общего и высшего образования (с 1990-х годов по настоящее время). Признаки расцвета гендерных исследований: новый всплеск отечественных и зарубежных экспериментальных исследований (О. А. Воронина, М. М. Малышева, А. А. Темкина, Е. А. Здравомыслова, Т. А. Клеменкова, И. А. Жеребкина, С. Г. Айвазова, С. Бем, Дж. Лорбер, Дж. О'Нил и др.), теоретическое осмысление эмпирических фактов, начало кросс-культурных исследований во всем мире, адаптирование известных методов и методик для изучения гендерной проблематики и создание специфических гендерных методик. Интенсивно развивается сеть центров гендерных исследований на базе крупных российских вузов в Москве, Санкт-Петербурге, Иваново, Самаре, Твери. Растет количество публикаций и учебных изданий.

Исследования в области гендерной психологии и педагогики в нашей стране также развиваются, однако не так динамично, как за рубежом. Наиболее широко известны работы И. С. Клециной, Л. В. Поповой, Л. В. Штылевой. Для данного этапа характерны попытки практического применения разработок гендерной проблематики в обучении и воспитании детей.

⁹ См.: Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб., 2001. С. 138—161.

¹⁰ См.: Кон И. С. Ребенок и общество: Историко-этнографическая перспектива. М., 1988. 270 с.

ГЛАВА 2. ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЛИЧНОСТИ

2.1. Основные подходы к пониманию гендера

Дифференциация понятий «пол» и «гендер» означала выход на новый теоретический уровень осмысления социальных и психических процессов. В конце 80-х годов феминистски направленные исследовательницы постепенно переходят от критики патриархата и изучения специфического женского опыта к анализу гендерной системы. Женские исследования постепенно перерастают в гендерные исследования, где на первый план выдвигаются подходы, согласно которым все аспекты человеческого общества, культуры и взаимоотношений являются гендерными. В современной науке гендерный подход к анализу социальных, культурных, психических процессов и явлений используется очень широко. В ходе гендерных исследований рассматриваются роли, нормы, ценности, черты характера, которые предписывает общество женщинам и мужчинам через системы социализации, разделения труда, культурные ценности и символы, чтобы выстроить традиционную гендерную асимметрию.

Воронина О. А. выделяет несколько направлений разработки гендерного подхода (гендерной теории). К основным теориям гендера, принятым сегодня в социальных и гуманитарных науках, относятся теория социального конструирования гендера, понимание гендера как стратификационной категории и интерпретация гендера как культурного символа¹¹.

Теория социального конструирования гендера основана на двух постулатах:

1) гендер конструируется (строится) посредством социализации, разделения труда, системой гендерных ролей, семьей, средствами массовой информации;

2) гендер конструируется и самими индивидами на уровне их сознания путем гендерной идентификации, т. е. принятия заданных обществом норм и ролей и приспособления к ним (одежда, внешность, манера поведения, черты личности).

Эта теория активно использует понятия гендерной идентичности, гендерной идеологии, гендерной дифференциации и гендерной роли. Гендерная идентичность означает, что человек принимает определения мужественности — женственности, существующие в рамках своей культуры. Гендерная идеология — это система идей, посредством которых гендерные различия и гендерная стратификация получают социальное оправдание, в том числе с точки зрения «естественных» различий или сверхъестественных убеждений. Гендерная дифференциация определяется как процесс, в котором биологические различия

¹¹ См.: Теория и методология гендерных исследований: Курс лекций / под общ. ред. О. А. Ворониной. М., 2001. С. 101—105.

между мужчинами и женщинами наделяются социальным значением и употребляются как средства социальной классификации.

Гендерная роль понимается как выполнение определенных социальных предписаний, т. е. соответствующего полу поведения в виде речи, манер, одежды, жестов и пр. Когда социальное производство гендера становится предметом исследования, обычно рассматривают, как гендер конструируется через институты социализации, разделения труда, семьи, масс-медиа. Основными темами оказываются гендерные роли и гендерные стереотипы, гендерная идентичность, проблемы гендерной стратификации и неравенства.

Гендер как стратификационная категория рассматривается в совокупности других стратификационных категорий (класс, раса, национальность, возраст). Гендерная стратификация — это процесс, посредством которого гендер становится основой социальной стратификации, т. е. разделения по половому признаку.

Понимание гендера как культурного символа связано с тем, что пол человека имеет не только социальную, но и культурно-символическую интерпретацию. Иными словами, биологическая половая дифференциация представлена и закреплена в культуре через символику мужского или женского начала. Это выражается в том, что многие несвязанные с полом понятия и явления (природа, культура, стихии, цвета, божественный или потусторонний мир, добро, зло и многое другое) ассоциируются с «мужским/маскулинным» или «женским/феминным» началом.

Таким образом, возникает символический смысл «женского» и «мужского», причем «мужское» отождествляется с богом, творчеством, светом, силой, активностью, рациональностью и т. д. Следовательно, бог, творчество, сила и пр. символизируют маскулинность, мужское начало. «Женское» ассоциируется с противоположными понятиями и явлениями —природы: тьмой, пустотой, подчинением, слабостью, беспомощностью, хаосом, пассивностью и т. д., которые, в свою очередь, символизируют феминность, женское начало. Деление по признаку мужское/женское и половой символизм культуры отражают и поддерживают существующую гендерную иерархию общества в широком смысле слова¹².

Помимо этого, весьма популярным в отечественных работах остается псевдогендерный подход. Псевдогендерными исследованиями называют те, в которых это понятие считается якобы синонимом понятия «пол» или «социополовая роль». Такая ситуация складывается в том случае, когда авторы-исследователи осознанно или неосознанно стоят на биодетерминистских

¹² См.: Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. М., 2002. С. 24—29.

позициях, т. е. считают, что биология человека совершенно четко определяет мужские и женские социальные роли, психологические характеристики, сферы занятий и пр., а термин «гендер» используют как «более современное». Содержательно ситуация не меняется даже тогда, когда пол как биологический факт и гендер как социальная конструкция авторами все же различаются, но наличие двух противоположных «гендеров» (мужского и женского) принимается как отражение двух биологически разных полов. Типичным примером социополового, а не гендерного подхода является традиционный вопрос социологов, адресованный только женщинам: «Хотели бы Вы сидеть дома, если бы имели материальную возможность?» или пресловутые опросы на тему «Может ли женщина быть политиком?» Такого рода ученым просто невдомек, что результаты их исследований уже предreshены самой методологией.

Псевдогендерными исследованиями являются также и популярные исследования по социологии труда, в которых описание «мужских и женских» профессий или рабочих мест не сопровождается анализом причин и смысла этой дифференциации. С позиций социополового подхода невозможно объяснить, почему подавляющую часть врачей, судей или банковских служащих в СССР составляли женщины, а в Европе и США это были в основном мужчины. Ситуация проясняется только тогда, когда с позиций гендерной теории исследователь анализирует, каковы престижность той или иной профессии в обществе и размер оплаты труда. Очевидно, что женщин среди врачей в СССР больше было не потому, что они «от природы более милосердны и склонны к самоотверженности» (как сказали бы биодетерминисты), и не потому, что такова социальная роль представительниц их пола (как сказали бы приверженцы социополовой теории), а потому, что эта работа была низкооплачиваемой (по сравнению с работой в военно-промышленном комплексе) и в целом малопrestiжной (рабочие имели гораздо больше социальных льгот, чем врачи).

Итак, мы видим, что понятие «гендер» обозначает, в сущности, и сложный социокультурный процесс формирования (конструирования) обществом различий в мужских и женских ролях, поведении, ментальных и эмоциональных характеристиках, и сам результат — социальный конструкт гендера. Важными элементами создания гендерных различий являются противопоставление «мужского» и «женского» и подчинение женского начала мужскому.

Современная гендерная теория не пытается оспорить существование тех или иных биологических, социальных, психологических различий между конкретными женщинами и мужчинами. Более того, многие психологи отмечают тот факт, что межиндивидуальные различия больше, чем межполовые. Это означает,

что различия между двумя мужчинами или двумя женщинами могут оказаться больше, чем между мужчиной и женщиной. Наиболее часто подчеркиваются гендерные различия в математических способностях, агрессивном поведении (превалируют у мужчин), эмпатии, эмоциональности, конформности, лингвистических и коммуникативных способностях (превалируют у женщин)¹³, однако мы можем обнаружить конформного, эмоционального мужчину и агрессивную женщину-математика.

Гендерная теория утверждает, что сам по себе факт различий не так важен, как их социокультурная оценка и интерпретация, а также построение властной системы на основе этих различий. Гендерный подход основан на идее о том, что важны не биологические или физиологические различия между мужчинами и женщинами, а то культурное и социальное значение, которое придает общество этим различиям. Основой гендерных исследований является не просто описание разницы в статусах, ролях и иных аспектах жизни мужчин и женщин, но анализ власти и доминирования, утверждаемых в обществе через гендерные роли и отношения.

2.2. Гендер как социальная категория

Главными терминами, предложенными феминистскими исследователями и направленными на выявление особенностей социализации и объяснение поведения, умственных способностей, личностных особенностей представителей разных полов, а также анализ условий их развития и социального воспроизводства, являются «гендер», «гендерная система» и «гендерный контракт», которые появились в феминистской философии в 70-е годы. Термин «гендер» первоначально был заимствован из лингвистики и использовался для того, чтобы обозначить различие между биологическим (совокупность физиологических и морфологических особенностей) и социальным в развитии, ориентированном с самого начала на пол индивида, поскольку традиционные взгляды на роли мужчины и женщины в обществе сопровождают весь процесс социализации индивида¹⁴.

Термин «гендер» был введен в научный оборот американским психологом Робертом Столлером в конце 60-х годов XX века. На основе практики изучения идентичности транссексуалов он пришел к выводу, что легче хирургическим путем изменить пол пациента или пациентки, чем с помощью психологии – их личную идентичность как мужчины или

¹³ См.: Берн Ш. Гендерная психология. СПб., 2001. С. 83–120.

¹⁴ См.: Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова. 2-е изд. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Москва, Минск, 1998. С. 177–179.

женщины. Р. Столлер предложил использовать для обозначения социальных и культурных аспектов пола понятие «гендер» (по англ. gender – это род), которое до этого использовалось только для обозначения грамматического рода и поэтому не вызывало никаких коннотаций с биологией. Далее идею разграничения понятий «пол» и «гендер» поддерживали феминистские теоретики и антропологисты-структуралисты, которые постоянно обнаруживали значительные различия в понимании того, что есть мужчина и женщина в том или ином обществе¹⁵.

В 1972 году появляется довольно быстро ставшая знаменитой книга «Женщина, культура и общество», вышедшая под редакцией Розальдо и Ламфере. Напечатанная в ней статья Шерри Ортнер «Соотноится ли женское с мужским также, как природное с культурным» вызвала бурные дискуссии. В этой работе отмечается тот факт, что репродуктивная роль женщины не учитывается при определении ее социального статуса в обществе и что женщины вытеснены из сферы социального в сферу частного, потому что женщины ассоциируются с природным, а не с культурным.

Одной из первых публикаций, в которой появилось достаточно четко обоснованное различие понятий «пол» и «гендер», является работа Гейл Рабин «Обмен женщинами», вышедшая в 1974 году. Используя методы психоанализа и структурной антропологии, Рабин изучала символическое значение факта обмена женщин между мужчинами. В результате этого она пришла к выводу, что именно этот обмен женщин между племенами воспроизводит мужскую власть и структуры гендерной идентичности, при которой женщины оцениваются только как биологические существа и относятся исключительно к семейной сфере. На основе этого конструируется пологендерная система как набор соглашений, которыми общество трансформирует биологическую сексуальность в продукт человеческой активности¹⁶.

Впервые четкое определение понятия «гендер» появилось в работе психолога Роды Унгер «О редефиниции понятий пол и гендер», в которой она предложила использовать слово «секс» (sex) только тогда, когда говорят о специальных биологических аспектах человека. Использовать термин «гендер» (gender) предлагалось в тех случаях, когда обсуждаются социальные, культурные и психологические аспекты, т. е. черты, нормы, стереотипы, роли, считающиеся типичными и желаемыми для тех, кого общество определяет как женщин или мужчин.

Следующей важной работой была книга Андриенны Рич

¹⁵ См.: Бем С. Л. Линзы гендера. М., 2004. С. 14

¹⁶ Rubin G. The Traffic on Women // Relfer R., ed. Toward on Anthropology of Women. NY., 1975. 306 с.

«Рожденная женщиной: материнство как опыт и институт». Хотелось бы выделить в целях нашего анализа только одну из идей, взятую ею из работ «черных феминисток»: идею о том, что гендер не является монолитной категорией, которая делает всех женщин одинаковыми, что гендер скорее является знаком позиции субординации, который сопровождается и уточняется рядом властных вариаций ¹⁷.

Кроме того, анализируя механизмы контроля сексуальности и расовые проблемы, А. Рич приходит к утверждению о том, что гендер является своеобразной системой, продуцирующей различия и вписывающей эти различия в отношения власти и подчинения. Таким образом, понятие гендера у нее отличается от бинарной модели ранних версий и становится частью сложной сети властных структур.

В самом общем виде понятие «гендер» обозначает совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола. Не биологический пол, а социокультурные нормы определяют в конечном счете психологические качества, модели поведения, виды деятельности, профессии женщин и мужчин. Быть мужчиной или женщиной в обществе означает не просто обладать теми или иными анатомическими особенностями — это означает выполнять те или иные предписанные нам гендерные роли.

Смысл понятия «гендер» заключен в идее социального конструирования различий между женщинами и мужчинами. Гендер создается (конструируется) обществом как социальные модели женственности и мужественности, которые определяют положение и роли женщин и мужчин в обществе и его институтах (семье, политической структуре, экономике, культуре и образовании и др.). Система норм поведения, предписывающая выполнение определенных половых ролей, опирается на жесткие представления о том, что представляет собой «мужское» и «женское» в данной культуре.

Иногда говорят, что гендер это «культурная маска» пола, определяемая нашими социокультурными представлениями. Гендерные системы различаются в разных обществах, однако в каждом обществе эти системы асимметричны так, что мужчины и все «мужское/маскулинное» (черты характера, модели поведения, профессии и пр.), считаются первичными, значимыми и доминирующими, а женщины и все «женское/феминное» определяются как вторичное, незначительное с социальной точки и подчиненное.

¹⁷ См.: Хрестоматия феминистских текстов: переводы / под ред. Е. А. Здравомысловой, А. А. Темкиной. СПб., 2000.

Сущностью конструирования гендера является полярность и противопоставление. Гендерная система как таковая отражает асимметричные культурные оценки и ожидания, адресуемые людям в зависимости от их пола. В каждом обществе, где социально предписанные характеристики имеют два гендерных типа (ярлыка), каждому биологическому полу предписывается определенная социальная роль, причем система гендерных ролей построена на принципе бинарной оппозиции и иерархии. Социальные нормы меняются со временем, однако гендерная асимметрия сохраняется. Фактически гендерная система является социально сконструированной системой неравенства по половому признаку и оказывается одним из способов социальной стратификации общества, который в сочетании с такими социально-демографическими факторами, как раса, национальность, класс, возраст, организует систему социальной иерархии¹⁸.

Важную роль в развитии и поддержании гендерной системы играют коллективные представления. Конструирование гендерного сознания индивидов происходит через распространение и поддержание социальных и культурных стереотипов, норм и предписаний. Общество поощряет соответствие нормативному поведению и наказывает за нарушение или отклонение от него (например, ярлыки «мужеподобная женщина» или «мужик, а ведет себя как баба» весьма болезненно переживаются людьми и могут вызывать не только стрессы, но и различные виды психических расстройств). С момента своего рождения человек становится объектом воздействия существующей в данном обществе гендерной системы. Воплощая в своих действиях ожидания, связанные с их гендерным статусом, индивиды на микроуровне поддерживают (конструируют) гендерные различия и одновременно — построенные на их основе системы господства и властвования.

Теория гендерной системы подразумевает методологическое понимание гендера как одной из стратифицирующих функций общества и организующего окружающий мир начала. Термин «гендер» и его производные дают понимание того, что в дополнение к биологической основе существуют социально детерминированные представления о женщине и мужчине, которые оказывают мощнейшее влияние на культурный контекст развития мальчика и девочки, женщины и мужчины. В этом контексте понимается, что пол индивида влияет:

- на ее/его общественное положение и статус;
- на то, какое поведение считается нормальным или отклоняющимся для мужчин и женщин;

¹⁸ См.: Hirdman Y. The gender system // New Perspective on the Women's Movement. Aarhus Univ. Press. 1991. P. 208–220.

— на то, какие психологические качества присущи тому или иному полу.

Современные ученые говорят даже не о гендере, а о гендерах, подчеркивая употреблением множественной формы тот факт, что эта категория исторически и культурно изменяется. Антропологи доказали, что содержание выражения «быть женщиной» или «быть мужчиной», изменяется от поколения к поколению и различно для разных расовых, этнических, религиозных групп так же, как и для разных социальных слоев¹⁹.

В настоящее время гендер, который часто называют социальным полом в отличие от биологического, рассматривается как одно из базовых измерений социальной структуры общества наряду с классовой принадлежностью, возрастом и другими характеристиками, организующими социальную систему. Гендер потенцирует социальную роль и статус, которые определяют индивидуальные возможности в образовании, профессиональной деятельности, доступе к власти, сексуальности, семейной роли и репродуктивном поведении. Социальные статусы действуют в рамках культурного пространства данного общества. Это означает, что гендеру соответствует гендерная культура²⁰.

Идея стратификации предполагает, что гендер существует одновременно в структурном делении общества, в его символических значениях и в индивидуальных идентичностях. Другими словами, женщины и мужчины вместе и по отдельности производят и воспроизводят целостную человеческую жизнь, социальные и культурные структуры так же, как самих себя и друг друга как существ определенного пола. В свою очередь, система представляет собой функциональное целое, которое необязательно однородно или организовано, но содержит внутренние противоречия, несообразности и хронологические разрывы.

Понятие «гендерный контракт» применяется к анализу активности и проявлению субъективности человека на его/ее собственных условиях с учетом индивидуальных особенностей. Конструкция гендера(ов) есть одновременно продукт и процесс представления как о других, так и о самих себе. Смысл гендерной процессуальности состоит в том, что социальный пол обретается. Стадии обретения пола — это стадии оформления гендера в движении от биологического к социальному.

Одна из схем такого движения представлена Дж. Лорбер. Она показывает предпосылки и компоненты гендера, но нам представляется, что они могут быть рассмотрены и как этапы становления гендера в качестве статуса и структуры:

¹⁹ См.: Кон И. С. Ребенок и общество: Историко-этнографическая перспектива. М., 1988. 270 с.

²⁰ См.: Ключко О. И. Мужчины и женщины: проблемы современной социализации. Саранск, 2002. 99 с.

- пол (sex) как биологическая категория, непосредственно данное сочетание генов, определенный гормональный набор;
- пол (sex) как социальная категория – предназначение от рождения;
- половая (sex – gender) идентичность – осознание себя как представителя данного пола, ощущение своего мужского или женского тела, осознание своей принадлежности к полу в социальном контексте;
- пол (gender) как процесс – обучение, научение, принятие роли, овладение поведенческими действиями, уже усвоенными в качестве соответствующих определенному гендерному статусу;
- пол (gender) как статус и структура – завершение оформления гендерного статуса индивида как части общественной структуры предписанных отношений между полами, особенно структуры господства и подчинения²¹.

Образование гендера идет через несколько процессов, причем формирование половых различий является только одним из них. Джоан Экер выделяет пять взаимодействующих гендерных программ:

- построение разделения труда, места пребывания, физического пространства, дозволенного поведения, власти в зависимости от половой принадлежности.
- создание символов и образов, которые объясняют, выражают, закрепляют или противостоят этому разделению;
- различия во взаимодействиях женщина/мужчина, женщина/женщина, мужчина/мужчина, проявляющиеся в речи, ее прерывании, в очередности ведения диалога, в предложении тем для обсуждения, в невербальных компонентах поведения;
- формирование гендерных компонентов индивидуальной идентичности или, иначе говоря гендерных личностных структур;
- вовлечение гендера в фундаментальные продолжающиеся процессы создания и концептуализации социальных структур²².

Анализируя каждую из приведенных программ, мы приходим к выводу, что четыре из них тесно соприкасаются с социальной, возрастной, педагогической психологией, с психологией личности, а пятая (предыдущие частично тоже) входит в перечень фундаментальных проблем общество- и человековедения.

Мы используем категорию «гендер» как один из основных стратификационных показателей общества, несмотря на всю сложность использования этого феминистского термина в российском дискурсе, поскольку процесс институализации гендерных исследований в нашей

²¹ См.: Лорбер Дж. Возникновение и развитие гендерных исследований // Хрестоматия к курсу «Основы гендерных исследований» / под ред. О. А. Ворониной. М., 2001. С. 72–76.

²² См.: Acker J. Hierarchies, Jobs, bodies: A theory of gendered organizations // The Social Construction of Gender / Edited by J. Lorber & S. A. Farrel. L., 1991.

стране продолжается. Дискуссии об этом термине идут не только в отечественной, но и в западной литературе, однако мы не считаем возможным заменить термин «гендер» словосочетанием «полоролевые стереотипы» или «половая роль».

Гендер не исчерпывается понятием роли или совокупностью ролей, предписанных обществом по признаку пола, его содержание весьма широко и не всегда очевидно. Именно поэтому И. Гоффман, автор социологии драматургического интеракционизма, ввел понятие «гендерного дисплея», т. е. множества проявлений культурных составляющих пола: «Множественные размытые, зачастую незамечаемые культурные коды, проявляющиеся в социальном взаимодействии – суть гендерный дисплей»²³.

Гендерный дисплей – вариант дисплея идентичности, социально обусловленное многообразие проявления половой принадлежности на уровне межличностного общения; основной механизм создания гендера в процессе взаимодействия лицом к лицу. Гендерный дисплей проявляется в телесной идиоме, символической, стиле и содержании общения. Межличностная коммуникация в конкретной ситуации сопровождается фоновым процессом отнесения собеседника к категории мужчин или женщин, т. е. категоризации по признаку пола.

Человека относят к полу, получая разнообразную информацию, соответствующую конвенциональным правилам. Имя, внешний облик, тембр голоса, манера речи и движения, стиль выражения чувств – все эти множественные проявления представляют собой гендерный дисплей, который позволяет идентифицировать собеседника как мужчину или женщину. Приписывание к полу или категоризация по полу является неизбежной базовой практикой повседневного взаимодействия. Обычно она представляет собой неосознанный, нерелексированный фон коммуникации. Сама возможность категоризации индивида по полу является залогом коммуникативного доверия. Быть мужчиной или женщиной и проявлять это, значит быть социально-компетентным человеком, вызывающим доверие и вписывающимся в практики общения, принятые в данной культуре.

Гендерный дисплей не может быть сведен к сочетанию речи, мимики, костюма и грима. Это поистине виртуозная «игра», ориентированная на партнеров по пьесе и мизансцене; эта игра давно срослась с жизнью «актеров» и представляется игрокам и наблюдателям

²³ Goffman E. Gender Display // Studies In the Anthropology of Visual Communication. 1976. № 3. P. 69–77.

естественным проявлением их сущности. В этом и заключается загадка конструирования гендера: каждую минуту участвуя в «маскараде» представления пола, люди делают это таким образом, что игра по правилам кажется *естественным* проявлением человеческого «Я».

Каковы же доказательства того, что гендерный дисплей не является производным анатомо-физиологического пола? Аргумент прост: гендерный дисплей не универсален, а вариативен и изменяем, он детерминирован культурой и властными отношениями.

Итак, в настоящее время гендер рассматривается как одно из базовых измерений социальной структуры общества наряду с классовой принадлежностью, возрастом и другими характеристиками, организующими социальную систему. Несмотря на множественность подходов к пониманию данного термина, большинство ученых сходятся во мнении, что гендер – это модель социальных отношений между мужчинами и женщинами, характеризующая их межличностное общение и взаимодействие в семье, а также социальные отношения в основных институтах общества.

Использование гендерного подхода в гуманитарном и общественном знании в целом и в психолого-педагогическом в частности приводит к смене мировоззрения. Оппозиция мужского и женского утрачивает биологические черты, и акцент переводится с критики дискриминации по половому признаку на раскрытие внутренних механизмов взаимодействия полов в культурном контексте и формирование гендерного равенства.

ГЛАВА 3. ГЕНДЕРНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ

3.1. Теории половой социализации

Очевидно, что взаимоотношения мужчин и женщин, механизмы приобретения половой идентичности – темы для психологии и педагогики далеко не новые. Проблема полоролевой социализации, включающая вопросы формирования психического пола ребенка, психических половых различий и полоролевой дифференциации и лежащая на стыке ряда наук (философии, социологии, психологии, медицины и др.), – это одна из наиболее разработанных проблем в зарубежной науке. Долгое время в силу ряда объективных и субъективных причин эта проблема оставалась вне сферы исследования отечественных ученых, в то время как за рубежом со времени выделения психосексуальных стадий развития личности в теории З. Фрейда практически во всех психологических подходах были созданы концепции половой социализации. Мы воспользуемся анализом данных концепций, проведенным Т. А. Репиной²⁴.

Психоаналитическая концепция, как известно, приписывает основную роль в половой дифференциации биологическим факторам и считает ее основным механизмом процесс идентификации ребенка с родителями. Традиционный психоанализ признает, что мужская и женская модели диаметрально противоположны по своим качествам, и если для типично мужского поведения характерны активность, агрессивность, решительность, рассудочность, то для женского – пассивность, нерешительность, зависимость, конформность, отсутствие логического мышления, большая эмоциональность и социальная уравновешенность. Фрейд предполагал, что личность тогда развивается гармонично, полноценно, когда она следует этим моделям, и процесс половой идентификации не нарушается.

Как отмечают многие исследователи, современный психоанализ очень неоднороден: существует целый комплекс теорий, касающихся природы женственности и мужественности²⁵. Наиболее распространенные среди них – фаллоцентрическая и гиноцентрическая. Первая признает на начальной стадии половой идентификации мужскую ориентацию для детей обоего пола, вторая считает ранней и основной идентификацией как для девочек, так и для мальчиков – женскую²⁶.

²⁴ См.: Репина Т. А. Анализ теорий половой социализации в современной западной психологии // *Вопр. психологии*. 1987. № 2. С. 158–165.

²⁵ См.: *Теория и история феминизма: Курс лекций* / под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков, 1996. С. 224–229.

²⁶ См.: Хьелл Л. *Теории личности* / Л. Хьелл, Д. Зиглер. СПб., 1997. С. 118–126.

Многие авторы, справедливо возражая психоаналитикам, склоняются к тому, что в половой социализации девочек в современном обществе, как и у мальчиков, свой набор трудностей. Так, для мальчиков мужская модель выступает менее отчетливо: повсеместная феминизация воспитания в семье и при обучении в школе не представляет им наглядных конструктивных мужских моделей, но у них более сильная мотивация постигнуть эту роль (данный тип мотивации зарубежные ученые оценивают более высоко, чем женскую). У девочек, хотя они имеют более доступную модель, не столь сильная мотивация ей подражать в силу очевидных недостатков этой модели.

Теория социального научения и близкая ей теория моделирования, рассматривая механизмы формирования психического пола и полоролевых стереотипов, модифицировали основной принцип бихевиоризма – принцип обусловливания. Представители данных теорий вслед за Т. Парсонсом считают, что в развитии полоролевого поведения все зависит от родительских моделей, которым ребенок старается подражать, и от подкреплений, которые дают поведению ребенка родители (положительное – за поведение, соответствующее полу, и отрицательное – за противоположное)²⁷. Однако, как нам представляется, в данном ракурсе возникает вопрос о содержании половых представлений и стереотипов самих родителей и соответствия их общепринятым нормам.

Главный принцип научения полоролевому поведению – это дифференциация половых ролей посредством наблюдения, вознаграждения, наказания, прямого и косвенного обусловливания. Теория когнитивного развития утверждает, что положительное и отрицательное подкрепления, идущие от взрослого, и идентификация с ним действительно играют определенную роль в половой социализации ребенка, но главное в ней – это познавательная информация, которую ребенок получает от взрослого, а также понимание им своей половой принадлежности и того, что это свойство необратимо.

Л. Колберг полагает, что формирование полового стереотипа, в частности, в дошкольные годы, зависит от общего интеллектуального развития ребенка, и что этот процесс не является пассивным, возникающим под влиянием социально подкрепляемых упражнений, а связан с проявлением самокатегоризации, т. е. причислением себя к определенному полу. Подкрепление же и моделирование начинают оказывать существенное влияние на формирование психического пола, по мнению Л. Колберга, только после того, как половая типизация уже произошла.

²⁷ См.: Parsons T. & Bales R. Family, Socialization and Interaction Process. New York: Free Press, 1955. Parsons T. Social Structure and Personality. London, 1970.

Представители психологии пола считают, что основную роль в формировании психического пола и половой роли играют социальные ожидания общества, которые возникают в соответствии с конкретной социально-культурной матрицей и находят свое отражение в процессе воспитания.

Дж. Стоккард и М. Джонсон, опираясь на основные положения теории социальных ожиданий, выдвигают важное утверждение о том, что пол биологический (хромосомный и гормональный), т. е. пол врожденный, может лишь помочь определить потенциальное поведение человека, а главное – пол психологический, социальный, который усваивается прижизненно. На его формирование оказывают большое влияние расовые, классовые, этнические вариации половых ролей и соответствующие им социальные ожидания.

В качестве одного из распространенных доказательств важности социальных факторов ученые приводят данные исследования М. Мид, проведенного ею в Новой Гвинее еще в 1935 году в трех разных племенах, в двух из которых преобладал феминный либо маскулинный тип воспитания детей обоего пола, в третьем же племени роли мужчин и женщин были противоположны традиционным европейским ролям²⁸.

Критикуя фрейдистов за идеализацию традиционных половых ролей и, в частности, за их положение о трагичности развивающейся личности при отклонениях в ее формировании от традиционных стандартов феминности или маскулинности, Дж. Стоккард и М. Джонсон утверждают, что эти стандарты не являются идеальной моделью современных мужчины и женщины. Например, воспитание девочки, основанное на традиционном понимании женственности, может сделать ее плохой матерью – беспомощной, пассивной и зависимой.

Своеобразной революцией, происшедшей в психологии половых ролей и приведшей к возникновению «новой психологии пола», стали, как считает ряд авторов, три фундаментальных исследования, выводы которых опровергают основные положения традиционной теории. Это работы Е. Маккоби и К. Джеклин, Дж. Мани и А. Эрхарда, показавших могущество социализации, и исследование С. Бем, доказавшей несостоятельность противопоставления традиционной психологией маскулинности и феминности.

Проанализировав 1600 исследований психологических половых различий, проведенных за семь лет, Е. Маккоби и К. Джеклин пришли к выводу, что, по существу, нет фундаментальных врожденных различий в психологических особенностях мужчин и женщин во многих областях, в

²⁸ См.: Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения / пер. с англ.; сост. И. С. Кон. М., 1988. 429 с.

которых раньше эти различия признавались; те же различия, которые имеются у маленьких детей, по крайней мере, недостаточны, чтобы обосновать традиционное неравенство половых социальных ролей, существующее в современном обществе²⁹.

Исследования Дж. Мани и А. Эрхарда, в которых изучались, с одной стороны, анатомо-физиологические индикаторы (хромосомный набор, баланс мужских и женских гормонов и др.), а с другой – фактор, приписывания индивидом себя к тому или другому полу, показали, что если у большинства детей этот фактор и анатомо-физиологические индикаторы имели прямую корреляцию, то даже для детей, имеющих анатомо-физиологические задатки обоих полов, решающим в полоролевом развитии являлось отнесение себя к мужскому или женскому полу³⁰.

С. Бем и ее коллеги в противоположность взгляду традиционной психологии о том, что мужчины и женщины, чтобы быть приспособленными в жизни, должны иметь традиционно установленные, соответствующие полу характеристики, показали малую приспособленность индивидов, обладающих только такими характеристиками. Наиболее приспособленным к жизни оказался андрогинный тип, имеющий черты того и другого пола и самый распространенный³¹. Опросник, разработанный С. Бем, широко известен и применяется в самых разных областях. Однако в 1990-е годы С. Бем имела смелость отказаться от своих взглядов и пересмотреть концепцию гендерной схемы. Она утверждает, что понятия «маскулинность» и «феминность» имеют разное содержание для представителей даже разных социальных групп (возрастных, профессиональных), тем более в разных обществах и культурах. «Мы диагностировали то, чего нет», – утверждает С. Бем³².

Все модели социализации отражают стремление авторов каким-то образом преодолеть ограниченность и жесткость биотерминистских конструкций, однако предлагаемые различные комбинации традиционных ролей не предполагают выхода за рамки противопоставления мужского и женского в поведении и психике. Пожалуй, только теория С. Бем пытается преодолеть когнитивные стереотипы исследователей в рассмотрении мужчин и женщин как диаметрально противоположных и неравных.

²⁹ См.: Maccoby E. E., Jacklin C. N. The psychology of sex differences. Stanford, CA: Stanford University Press, 1974.

³⁰ См.: Кон И. С. Ребенок и общество: Историко-этнографическая перспектива. М., 1988. С. 195-196.

³¹ См.: Bem S. L. Gender schema theory: A cognitive account of sex typing. Psychological Review, 88, 1981, P. 354–364.

³² Бем С. Л. Линзы гендера. М., 2004. С.

3.2. Основные факторы гендерной социализации

В общем смысле термин «социализация» обозначает усвоение и принятие индивидом общественных социокультурных норм и правил поведения.

Гендерная социализация – процесс усвоения индивидом культурной системы гендера того общества, в котором он живет, своеобразное общественное конструирование различий между полами. Социальные психологи также используют термин «дифференцированная социализация», подчеркивая тем самым, что в общем процессе социализации мужчины и женщины формируются в различных социально-психологических условиях. Гендерная социализация включает две взаимосвязанные стороны:

а) освоение принятых моделей мужского и женского поведения, отношений, норм, ценностей и гендерных стереотипов;

б) воздействие общества, социальной среды на индивида с целью привить ему определенные правила и стандарты поведения, социально-приемлемые для мужчин и женщин. Усваиваются, прежде всего, коллективные, общезначимые нормы, они становятся частью личности и подсознательно направляют ее поведение.

Вся информация, касающаяся дифференцированного поведения, отражается в сознании человека в виде гендерных схем. Выделяются две фазы гендерной социализации:

1) адаптивная (внешнее приспособление к существующим гендерным отношениям, нормам и ролям);

2) интериоризации (сущностное усвоение мужских и женских ролей, гендерных отношений и ценностей).

Основные социализирующие факторы (агенты) – социальные группы и контексты: семья, сверстники, институт образования, СМИ, работа, клубы по интересам, церковь. Механизмами для осуществления гендерной социализации служат:

а) дифференциальное усиление, когда приемлемое гендернорольное поведение поощряется, а неприемлемое – наказывается социальным неодобрением;

б) дифференциальное подражание, когда человек выбирает гендерные модели в близких ему группах – семье, среди сверстников, в школе и т. д. И начинает подражать принятому там поведению.

Гендерная социализация продолжается в течение всей жизни человека, но по мере взросления растет самостоятельность выбора

ценностей и ориентиров. В некоторых ситуациях взрослые люди могут переживать гендерную ресоциализацию, т. е. разрушение ранее принятых ценностей и моделей и усвоение новых.

Существует тенденция обучать и обучаться поведению, соответствующему гендеру, хотя в зависимости от конкретного общества есть различия в том, чему именно учат. Исследования выявили, что поведение родителей и учителей в процессе социализации детей дифференцировано по признаку пола: мальчикам предоставляется больше, чем девочкам, возможностей для самостоятельного решения проблем. Для девочек акцент делается на послушании, ответственности и трудолюбии, для мальчиков – на стремлении к достижениям, соревновании и опоре на собственные силы. Если ребенок не делает того, что ожидается от его пола, то его дразнят, высмеивают, укоряют, иногда применяют и физические наказания. В обществе, где женщины менее зависимы экономически, соответственно менее выражена тенденция воспитания девочек в покорности и послушании. Предположительно, гендерная социализация в разных культурах является схожей до той степени, в какой схоже разделение труда по признаку пола³³.

Процесс гендерной социализации «запускает» чисто биологический признак – пол ребенка, однако усвоенные гендерные роли могут основываться не только на традиционных представлениях о жесткой закреплённости поведения и психологических особенностей за представителями того или иного пола, но и на андрогинии. Понятие «андрогиния» описывает такую ситуацию, когда гендерные роли становятся гибкими и позволяют всем людям женского и мужского пола вести себя в соответствии с индивидуальными особенностями, а не с гендерными предписаниями. В андрогинном поведении отражается реальное отсутствие чисто мужских или чисто женских качеств: девочки и мальчики, женщины и мужчины могут быть эмоциональными и не очень, самостоятельными и зависимыми, мягкими и жесткими, болтливыми и неразговорчивыми, боязливыми и бесстрашными. Более того, исследования показали, что люди андрогинного типа более всего приспособлены к жизни и гораздо реже испытывают стрессы, связанные с гендерными конфликтами.

Период первичной социализации связан в основном с бессознательными и пассивными механизмами усвоения культуры, в то время как вторичная социализация предполагает включенность когнитивных механизмов, в том числе механизма «распредмечивания» (освоения, усвоения и присвоения) ценностей культуры и цивилизации и

³³ См.: Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. М., 2002. С. 178.

возможность творческого преобразования среды. По данным психологов, гендерная идентичность – константа – формируется в возрасте 3–5 лет, а в дальнейшем идет ее развитие и содержательное насыщение за счет опытов и практик³⁴.

Важнейшим этапом вторичной гендерной социализации является возраст между 17–25 годами, когда формируется мировоззрение личности и ее представление о собственном предназначении и смысле жизни. Это период юности, в течение которого усваивается опыт поколения. События, пережитые и осмысленные в этом возрасте, становятся базовыми детерминантами ценностной доминанты.

Значимость агентов социализации на различных этапах жизненного пути различна. В период младенчества и детства (первичной социализации) главную роль играют семья, группы сверстников, соответствующие средства массовой информации, школа, «значимые другие». В дальнейшем, в период вторичной социализации, когда уже социализированный индивид входит в новые сектора объективного мира своего общества. Особенно значимы образовательные институты (учебные заведения), общественные организации, средства массовой информации. Именно в этот период формируется среда, которую воспринимает индивид, с которой он себя идентифицирует, существование которой он поддерживает.

Л. В. Попова выделяет основные проявления гендерной социализации, оказывающие то или иное влияние на самоактуализацию личности на разных этапах жизненного пути через формирование «Я-образа»:

- половая идентификация в детстве;
- стереотипы общества относительно мужчин и женщин;
- собственные ожидания мужчин и женщин;
- представления и ожидания родителей;
- мать и отец как ролевые модели;
- опыт, полученный в образовании;
- влияние сверстников³⁵.

Следует отметить, что это лишь общие характеристики без учета индивидуальных особенностей. Например, ряд исследователей отмечает, что формирование гендерного стереотипа зависит от общего интеллектуального развития. Сформированный в ходе гендерной социализации «Я-образ» является составной частью общей «Я-концепции», которая также формируется под воздействием гендерных представлений в обществе.

³⁴ См.: Юферева Т. И. Формирование психологического пола // Формирование личности в переходный период: От подросткового к юношескому возрасту / Под ред. И. В. Дубровиной. М., 1987. С. 130–146.

³⁵ См.: Попова Л. В. Гендерные аспекты самореализации личности: Учеб. пособие к спецсеминару. М., 1996. 42 с.

Для гендерного подхода чрезвычайно значимо понятие «ресоциализация». Это процесс, в результате которого происходит разрушение ранее усвоенных норм и образцов поведения, вслед за которым идет процесс усвоения или выработки иных норм. Как правило, ресоциализация происходит в связи с попаданием в критическую и нерелевантную прежним нормам ситуацию. Такая ситуация может быть связана с вхождением в соответствующую среду в подростковом или юношеском возрасте, с созданием семьи и рождением детей, карьерным ростом и сменой профессии, с переездом в другой город, страну.

Особенно важно понимать, что ресоциализация, в том числе и гендерная, наиболее вероятна в период современной трансформации в России и во всем мире. В процессе ресоциализации возникают новые нормы (эмерджентные нормы), которые регулируют социальное взаимодействие в новых условиях.

В конце XX начале XXI веков появились новые подходы к пониманию проблем гендерной социализации, которые объясняют своеобразность развития гендерных ролей и убеждений в современной России. Например, весьма интересная и своеобразная работа Ю. Е. Алешиной и А. С. Волович убедительно показывает нестандартность и даже атипичность российских гендерных конструкций. По их мнению, из-за широкого распространения в России традиционных патриархальных идей о большей значимости мужчин мальчики испытывают большее социальное давление, чем девочки: окружающие требуют от них соответствия их гендерной роли, не показывая при этом, как им нужно себя вести. Это усугубляется тем, что большинство взрослых, оказывающих сколько-нибудь важное влияние на мальчиков – воспитатели, врачи, учителя, – чаще всего женщины³⁶.

В результате в обычных условиях у мальчиков очень мало возможностей развить в себе традиционно мужские качества. Кроме того, по сравнению с другими странами в России мальчики почти не занимаются спортом, не ходят в кружки, не могут найти себе интересного дела (этому немало способствует кризис системы образования, здравоохранения, физкультуры и спорта) и поэтому в большинстве случаев не могут проявить эти качества.

Таким образом, приобретение мужественности (в позитивном смысле) дается в России очень трудно, по мнению авторов, из-за недостаточности моделей поведения взрослых мужчин, ясных примеров для подражания, а также необходимых для этого условий при постоянном требовании вести себя «как мужчина». В итоге мальчики либо становятся

³⁶ См.: Алешина Ю. Е. Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины / Ю. Е. Алешина, А. С. Волович // *Вопр. психологии*. 1991. № 4. С. 74–82.

пассивными, чтобы не принимать участия в женской деятельности, либо дают вовлечь себя в «гипермужественные» неформальные группы с преувеличенно грубоватыми представлениями о мужественности и скептическим отношением к женственности.

Ю. Е. Алешина и А. С. Волович признают, что девочки тоже сталкиваются с проблемами в приобретении гендерных ролей, но утверждают, что их трудности не настолько серьезны благодаря относительно хорошим условиям социализации и большому количеству образцов. В то же время быстрое выяснение незначимости женских ролей: двойная нагрузка на работе и дома, сложности в получении престижной работы и т. д. (подробнее в главе 7) и осознание этой несправедливости является дополнительным стимулом для поощрения в себе высокой активности и желания преобладать.

По нашему мнению, данная теория адекватно показывает, что гендерная социализация и условия культурного, политического и социального кризиса в России ведут к тому, что мальчики и девочки развивают в себе черты поведения, которые противоречат основным традиционным стандартам гендерных ролей: девочки учатся быть более активными, а мальчики становятся пассивными или вступают в конфликт с обществом.

Экономика и политика как факторы гендерной социализации являются наиболее гендернодифференцированными. В обществе существуют как явные, так и скрытые формы дискриминации по признаку пола, которые проявляются в преимущественно женской безработице при высоком уровне образования и квалификации женщин, в принижении роли и значимости домохозяйки в процессе воспроизводства новых поколений людей, в трудностях при приеме на работу и в доступе женщинам руководящих должностей, более низкой по сравнению с мужчинами оплате труда, особенно в частном секторе³⁷.

Кроме того, включенность женщин в политический процесс характеризуется как низкая и не силовая, что рельефно проявляется в их электоральном поведении. На данный момент женщины практически отсутствуют в органах власти, на руководящих постах политических партий и профсоюзов. Отсутствие полноценной государственной политики относительно женщин ведет к углублению их кризисного положения. Негативные факторы глобализации усиливают гендерную иерархию, наблюдается феминизация

³⁷ См.: Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики / отв. ред. и сост. М. Е. Баскакова. М., 2004. 336 с.

бедности³⁸. Несмотря на то что большинство рассматривает эти проблемы как чисто женские, давно пора признать, что это болезненные вопросы нашей общей – мужской и женской – нелегкой жизни и истории.

Мужчины оказываются в не менее сложном положении из-за кризиса традиционной роли кормильца семьи и ее главы как вследствие увеличения активности женщин на профессиональном поприще и соответственно большей самостоятельности и независимости, так и в случае сохранения патриархального уклада в семье, из-за трудностей выполнения этой роли в условиях³⁹.

В связи с тем что поток литературы по изучению гендерной социализации чрезвычайно разнороден, целесообразно выделить несколько направлений исследований:

- анализ политико-правовых аспектов социализации: политических ориентаций, политического статуса и поведения, реализации политических прав и свобод мужчин и женщин (Н. В. Иванчук, Т. Э. Ковалева, Е. В. Кочкина, Н. А. Кузнецова, М. М. Малышева, С. В. Поленина, Г. Г. Силласте, В. И. Успенская);

- гендерный анализ экономики как фактора социализации: соотношения мужской и женской занятости в различных отраслях экономики, безработицы и ее причин, профессиональной реализации, карьеры и активности мужчин и женщин (Л. В. Бабаева, О. М. Здравомыслова, Л. В. Корель, М. М. Малышева, Л. С. Ржаницина, А. С. Чирикова, З. А. Хоткина);

- анализ семьи как основного института социализации: изучение влияния взаимоотношений в семье и ближайшем социуме на развитие мальчиков и девочек, мужчин и женщин, а также трансформация супружества, родительства (Т. А. Араканцева, М. Ю. Арутюнян, М. Е. Баскакова, Ю. В. Градскова, Т. А. Гурко, О. В. Заводилкина, О. М. Здравомыслова, И. В. Игнатова, Ж. В. Коробанова, А. А. Логинов, Л. В. Попова, Л. И. Савинов, Н. С. Юлина);

- выявление конструирования определенных гендерных идентичностей через политику репрезентации в таких идейно-значимых и ценностно-контролирующих сферах социализации, как средства массовой информации, религия, язык, искусство, мода и т. д. (Н. И. Ажгихина, О. А. Воронина, Н. М. Габриэлян, И. В. Галанова, С. И. Голод, Т. А. Клименкова, Е. И. Кравченко, М. И. Либоракина, Н. Л. Пушкарева, Е. И. Трофимова, С. А. Ушакин, А. Е. Чучин-Русов);

³⁸ См.: Гендер и глобализация: теория и практика международного женского движения / под общ. ред. Е. А. Баллаевой. М., 2003. 292 с.

³⁹ См.: Ушакин С. Видимость мужественности // Рубеж. 1998. № 12. С. 106–131.

– анализ гендерной социализации в образовании и его основных институтах – детских садах, школах, вузах (М. Е. Баскакова, О. И. Ключко, Л. В. Попова, М. Л. Сабунаева, А. И. Савенков, И. А. Тупицына, Л. В. Штылева, Е. Р. Ярская-Смирнова).

Мы полагаем, можно выделить несколько направлений развития гендерной системы в современной России. Наблюдается значительное распространение традиционных представлений о мужчине и женщине, причем рост патриархальных настроений достаточно интенсивен особенно в слоях с высокими доходами и в сельской местности. Одновременно отмечается некоторое снижение жесткости гендерных стандартов и увеличение вариативности моделей поведения как для женщин, так и для мужчин практически во всех институтах социализации: резко выросла активность девушек и женщин в получении образования и стремлении сделать карьеру; выявлена пока незначительная тенденция в переориентации мужчин на семью; мужская социализация сопровождается значительными трудностями в связи с нарушением традиционного баланса ролей⁴⁰. Исследователям гендерной социализации предстоит в дальнейшем изучить специфику регионов, а также влияние этнических, религиозных и других аспектов на этот сложный процесс.

3.3. Гендерные стереотипы: содержание, функции

Как уже отмечалось, процесс возникновения жесткой дифференциации по половому признаку традиционно связывают с разделением труда. Вполне очевидно, что на ранних стадиях развития человечества разделение труда было неизбежно и прогрессивно: использование физической силы мужчин было важно для выживания в суровых условиях, а необходимость кормления младенцев и ухода за ними больше привязывало женщин к месту обитания. Такое разделение сыграло положительную роль в сохранении человека как вида.

С развитием технологии такое разделение стало постепенно утрачивать свое положительное значение, но было закреплено и приобрело оценочную маркировку. Жизнь в обществе способствует стандартизации нашего восприятия: оно формируется под воздействием его ценностных установок и верований. Мы склонны думать и действовать как члены определенной культуры, к которой принадлежим. Так появляются **гендерные стереотипы** – устойчивые, эмоционально окрашенные представления, которыми часто пользуются без достаточно объективного основания, которые удовлетворяют потребности человека в

⁴⁰ См.: Ключко О. И. Мужчины и женщины: проблемы современной социализации. Саранск, 2002. 99 с.

неком обобщении и классификации того, что мужчина/женщина воспринимает, думает и чувствует, и выражают требования общества к людям разного пола. Гендерные стереотипы играют ведущую роль в гендерной социализации.

Следует отметить, что изучение стереотипов относительно поведения, психологических особенностей, способностей мужчин и женщин в разных сферах жизни проводились с 1960-х годов, исследователи пользовались термином «пол», однако его содержание уже в то время рассматривалось во многих аспектах как социально-детерминированное. Поэтому для более полного анализа гендерных аспектов социализации нам представляется необходимым обобщить имеющиеся материалы по исследованиям содержания психологических и социальных полоролевых (следуя терминологии исследований тех лет) стереотипов и их функций, показать резкую гендерную асимметрию стереотипов и очертить главные тенденции развития данной проблемы на современном этапе. Мы воспользуемся обзором зарубежных исследований 60–80-х годов, проведенных В. С. Агеевым⁴¹.

Изучение широкого круга вопросов, связанных с различными аспектами гендерных стереотипов, имеет несомненно не только теоретическое, но и огромное практическое значение: достаточно назвать в этой связи лишь две сферы - семейные отношения и воспитание подрастающего поколения.

Первые исследования полоролевой стереотипизации были связаны с попытками вычлнить типичные различия, относящиеся к представлениям женщин и мужчин друг о друге и о себе. Подытоживая эти исследования, в 1957 году Дж. Мак Ки и А. Шеррифс пришли к следующим выводам. Во-первых, что типично мужской образ - это набор черт, связанный с социально-неограниченным стилем поведения, компетенцией и рациональными способностями, активностью и эффективностью. Типично женский образ включает социальные и коммуникативные умения, теплоту и эмоциональную поддержку.

При этом чрезмерная акцентуация как типично маскулинных, так и типично феминных черт приобретает уже негативную оценочную окраску: отрицательными качествами мужчины признаются грубость, авторитаризм, излишний рационализм и т. п., женщин - формализм, пассивность, излишняя эмоциональность и т. п. Во-вторых, авторы пришли к выводу, что в целом мужчинам приписывается больше положительных качеств, чем женщинам. В-третьих, эти авторы обнаружили, что мужчины демонстрируют гораздо большую

⁴¹ См.: Агеев В. С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопр. психологии. 1986. № 1. С. 9–101. Агеев В. С. Психологические и социальные функции полоролевых стереотипов // Вопр. психологии. 1987. № 2. С. 152–157.

согласованность в отношении типично мужских качеств, чем женщины – женских.

Начиная с 60-х годов большую популярность приобретают исследования стереотипных представлений о способностях мужчин и женщин, их компетентности в различных сферах деятельности и причинах их профессиональных успехов. Так, П. Голдберг обнаружила известную долю предубежденности женщин против самих себя в научной деятельности: студентки колледжей более высоко оценивают статьи, написанные мужчинами, чем женщинами. Приблизительно такие же данные были получены и в эксперименте, где испытуемые обоего пола должны были оценить предлагаемые им на обозрение картины, одни из которых якобы были написаны женщинами, а другие – мужчинами. Здесь также отмечалась переоценка картин, написанных мужчинами.

Получив сходные с предыдущими результаты, К. Доу попыталась интерпретировать их с помощью теории каузальной атрибуции. В соответствии с ней успех или неудача в какой-либо деятельности объясняются по-разному в зависимости от того, являются ли они неожиданными или, напротив, ожидаемыми, вероятными. Ожидаемому поведению обычно приписываются так называемые стабильные причины, а неожиданному – нестабильные. Поэтому в соответствии с полоролевыми стереотипами хорошее выполнение задачи и высокий результат в чем-либо, достигнутый мужчиной, чаще всего объясняются его способностями (пример стабильной причины), а точно такой же результат, достигнутый женщиной, объясняется ее усилиями, случайной удачей или другими нестабильными причинами.

Более того, сама типология стабильных и нестабильных причин оказывается неодинаковой в зависимости от того, чье поведение объясняется – женщин или мужчин. В частности, С. Кислер установила, что и «способности», и «усилия» могут иметь различные оценки при объяснении поведения мужчин и женщин. Так, например, при объяснении успеха женщины фактор усилий рассматривается чаще всего как нестабильный и в целом имеет некоторую отрицательную окраску, а применительно к профессиональным успехам мужчины этот фактор интерпретируется как стабильный, имеющий положительную оценочную валентность, как необходимое условие «естественной мужской потребности в достижении», как средство преодоления барьеров и трудностей, возникающих на пути к цели.

В реальном межличностном взаимодействии и в чисто личностном плане компетентность оказывается для женщин скорее отрицательным, чем положительным фактором: высококомпетентные женщины не пользуются расположением ни мужчин, ни женщин. Такой вывод логически следует из экспериментального исследования, в котором было

показано, что в целом и мужчины, и женщины стремятся исключить из своей группы компетентных женщин, причем эта тенденция наблюдается в условиях и кооперативного, и соревновательного взаимодействия.

Авторы интерпретируют полученные ими данные так: высокая компетентность женщины опровергает соответствующие стереотипы. При этом возникает несколько способов отреагировать на это противоречие: изменить стереотип; опровергнуть факт наличия компетентности; вообще устранить противоречие путем фактического исключения компетентной женщины из группы.

Два последних используются чаще всего, причем не только в экспериментальной ситуации, но и в реальной жизни. Проигрыш женщине в соревновании, особенно для мужчины с консервативными традиционными установками на взаимоотношения полов, почти всегда означает снижение самооценки, поскольку в соответствии с неписаными нормами, существующими в традиционной западной культуре, «настоящий мужчина превосходит женщину и всегда должен ее обыгрывать».

Подобные исследования – пример попыток объяснить существующие гендерные стереотипы, апеллируя к более широкому социальному контексту. Исследования этого рода ставят своей задачей не просто описание содержания гендерных стереотипов, но и выяснение их функций. Наиболее важными из таких функций большинство исследователей считает оправдание и защиту существующего положения вещей, в том числе фактического неравенства между полами.

Так, например, О. Лири прямо пишет о существовании в американском обществе норм предубежденности против женщин, имеющих какой-либо приоритет над мужчинами того же возраста и социального положения. Она исследовала связь между полоролевыми стереотипами и оправданием задержки продвижения женщин по служебной лестнице в промышленности. По мнению автора, без объективных оснований женщинам приписываются следующие установки на работу: они работают только ради «булавочных» денег, в работе их больше интересуют эмоциональные и коммуникативные моменты, женщинам больше нравится работа, не требующая интеллектуальных усилий, они ценят самоактуализацию и продвижение по службе меньше, чем мужчины. Основа всех этих, по мнению автора, абсолютно необоснованных взглядов – расхожие полоролевые стереотипы, согласно которым у женщин отсутствуют черты, связанные с компетенцией, независимостью, соревновательностью, логикой, притязанием и т. д., и которые, напротив, постулируют у них подчеркнутую выраженность

эмоциональных и коммуникативных характеристик⁴².

Нередко для обоснования оправдательных функций полоролевых стереотипов обращаются к далекому прошлому, пытаясь понять существующую асимметрию на основе культурно-исторического опыта. Так, анализируя образ женщины в истории, Дж. Хантер пришла к выводу, что в целом – это образ неполноценности, а процесс женской эмансипации с глубокой античности однозначно и прямо связывался с деструктивными социальными последствиями, с распадом морали и разрушением семьи. Например, одна из главных причин падения Римской империи связывалась именно с далеко зашедшим процессом женской эмансипации. Дж. Хантер считает также, что большое влияние на содержание современных полоролевых стереотипов оказала христианская традиция, рассматривающая женщину как источник зла. Не случайно именно женщины составили основной контингент жертв инквизиции.

Эти и другие факторы культурно-исторического порядка, по мнению ряда исследователей, повлияли на то, что С. Бем и Д. Бем назвали «бессознательной идеологией» о естественном месте женщины в обществе, а также на связанные с этой идеологией тонкие, закомуфлированные формы неравенства и дискриминации. Гендерные стереотипы призваны оправдать и эту идеологию, и эту практику, что и определяет их смысловое и оценочное содержание.

Специальная область исследований, где, по убеждению специалистов, с особой наглядностью демонстрируется защитная и оправдательная функция полоролевых стереотипов, – это исследования изнасилований. Широкое изучение этой проблемы началось с середины 70-х годов, за очень короткое время проведено более трехсот исследований, расширился и спектр изучаемых аспектов. Так, например, Г. Филд установила, что в целом мужчины по сравнению с женщинами приписывают гораздо большую ответственность за случившееся самой жертве. При этом мужчины с консервативными взглядами склонны интерпретировать изнасилование как, прежде всего, промах самой жертвы и при этом считают, что изнасилованная женщина теряет свою привлекательность. Мужчины с более либеральными взглядами приписывают жертве приблизительно такую же степень ответственности, но не отказывают ей в известной привлекательности.

Однако в ряде других работ было показано, что женщины приписывают жертве большую ответственность, чем мужчины; хотя в большей степени, чем мужчины, склонны считать жертву заслуживающей уважения, снисхождения и сострадания. Фактор привлекательности

⁴² См.: Бондаренко Л. Ю. Мир, в котором мы живем. Ролевые сходства и различия между российскими и американскими женщинами // ОНС. 1997. № 3. С. 184–188.

жертвы также оказался далеко не однозначным. Разноречивость таких данных объясняется различной модальностью понятия ответственности, которое нередко обозначает два различных аспекта: вероятность самого факта насилия (каузальный аспект) и вину за случившееся (моральный аспект). Результаты исследования показали следующее:

- соблазнительность жертвы (в одежде и манере поведения) увеличивает приписываемую ей вину и воспринимаемую вероятность изнасилования, т. е. и моральную, и каузальную ответственность жертвы;
- замужним женщинам по сравнению с незамужними приписывается большая вина, но не более высокая вероятность быть изнасилованной;
- привлекательность жертвы увеличивает вероятность изнасилований, но не вину за него;
- в целом женщины рекомендуют более длительные сроки заключения для насильников, чем мужчины.

Интерпретация полученных данных сводится к констатации закономерной, но не всегда естественной асимметричности в позиции женщин и мужчин по отношению к ситуации изнасилования: женщины «вынуждены» идентифицироваться с жертвой, а мужчины — с насильником. Поэтому применительно к данной ситуации полоролевые стереотипы выполняют одновременно защитную функцию для женщин и оправдательную для мужчин, хотя и само формулирование данного определения звучит далеко не однозначно.

Защитная функция представлений, типичных для женщин, по сравнению с мужчинами заключается не только в снижении моральной ответственности (вины) и преувеличения каузальной ответственности (вероятности), приписываемой жертве, но и в стремлении как можно сильнее отличаться от жертвы по используемым в эксперименте критериям: привлекательности, провокационности поведения и одежды, социальному статусу.

Оправдательная функция представлений, свойственных мужскому контингенту испытуемых, напротив, проявляется не только в преувеличении по сравнению с женщинами, моральной и каузальной ответственности, приписываемой жертве, но и в более снисходительном отношении к преступнику. Психологическому анализу подвергался также ряд других функций полоролевых стереотипов, например регулятивная, объяснительная, трансляционная. Кратко проиллюстрируем наиболее интересные из них.

В. С. Агеев полагает, что понятие полоролевых стереотипов может быть применено не только к описанию когнитивно-эмоциональной сферы человека, но и к непосредственно наблюдаемому поведению людей. В

качестве важной задачи при этом выдвигается изучение типичных различий между мужчинами и женщинами в манере поведения, в «проигрывании» половых ролей и ритуалов.

Например, методом естественного эксперимента изучались различия в манере женщин и мужчин переходить улицу на красный свет, в нарушении правил уличного движения. Было установлено, что женщины реже, чем мужчины, переходят дорогу на красный свет, но чаще нарушают правила вслед за более решительным нарушителем. Главный вывод сводится к тому, что женщины более податливы к требованиям, запрещающим нарушение правил, но одновременно и более конформны к групповому давлению в подобной ситуации.

Другим примером исследования регулятивной функции полоролевых стереотипов является изучение влияния этнической и половой принадлежности человека на оказание помощи другим людям. Четверо белых англичан (двое мужчин и две женщины) и четыре выходца из Латинской Америки просили белых англичан разменять монету для телефона-автомата. Результаты показали, что и женщины, и мужчины одинаково часто демонстрируют расовую дискриминацию, но чаще по отношению к представителям своего пола, а не противоположного⁴³.

Все более популярными становятся также исследования ретрансляционной функции полоролевой стереотипизации. В частности, обсуждаются очень важные вопросы о том, каким образом различные социальные институты, литература, искусство, средства массовой информации и т. д. способствуют (или препятствуют) формированию и распространению полоролевых стереотипов. Так, для выяснения того, существуют ли различия в изображении потребителей и потребительниц, и если да, то в чем они заключаются, изучались образы мужчин и женщин в рекламных программах британского телевидения. В целом суть обнаруженных различий совпадала с традиционными линиями полоролевой стереотипизации. Мужчины чаще всего изображаются как рассуждающие и оценивающие товар, понимающие объективные причины его покупки, занимающие автономные роли и связанные с практическим использованием приобретаемых предметов. Женщин, напротив, представляют как движимых субъективными причинами в его приобретении (эмоциями и желаниями), занимающих дополнительные зависимые роли (жены, любовницы, подруги) и связанных с престижным и символическим значением покупаемых предметов. Подобные исследования появились и в отечественной психологии и социологии⁴⁴.

Весьма интересна попытка применить теорию социальной

⁴³ См.: Майерс Д. Социальная психология / пер. с англ. СПб., 1996. С. 442–448.

⁴⁴ См.: Кравченко Е. И. Мужчина и женщина: взгляд сквозь рекламу // СОЦИС. 1993. № 2. С. 117–131.

идентичности, разработанную Г. Тежфелом и Дж. Тернером, к объяснению процесса полоролевой стереотипизации. Большое внимание в этой теории отводится дифференцирующей функции социальных стереотипов, заключающейся в тенденции минимизировать различия между членами одной группы и максимизировать различия между членами противоположных групп.

Основываясь на этой теории, К. Гуичи считает, что мужчины и женщины могут быть рассмотрены в целом как социальные группы, обладающие различным социальным статусом со всеми вытекающими последствиями. Высокостатусные группы чаще всего оцениваются в терминах компетентности и экономического успеха, а низкостатусные – в терминах теплоты, добросердечия, гуманности и т. д.

По мнению многих авторов, все позитивные черты женского стереотипа – лишь типичная компенсация за отсутствие достижений в «силовой» позиции. А обнаруженные в ряде исследований данные о том, что женщины разделяют с мужчинами тенденцию переоценивать мужские достижения и достоинства и недооценивать свои собственные, также интерпретируются гендерологами как прямое следствие различий в социальном статусе: женщины как бы принимают точку зрения более высокостатусной группы – мужчин. И именно поэтому как у членов низкостатусной группы, у женщин меньше развито чувство идентификации со своей группой, чем и объясняются многие содержательные и структурные характеристики полоролевых стереотипов, в том числе меньшая согласованность представлений женщин о себе, менее высокая самооценка⁴⁵.

Таким образом, можно говорить о выделении нескольких групп гендерных стереотипов. К первой относятся стереотипы маскулинности-фемининности. В стереотипном представлении маскулинности приписываются «активно-творческие» характеристики, такие инструментальные черты личности, как активность, доминантность, уверенность в себе, агрессивность, логическое мышление, способность к лидерству. Феминность, наоборот, рассматривается как «пассивно-репродуктивное начало», проявляющееся в таких экспрессивных личностных характеристиках, как зависимость, заботливость, тревожность, низкая самооценка, эмоциональность. Маскулинные характеристики обычно противопоставляются феминным, рассматриваются как противоположные, взаимодополняющие. Феминные характеристики традиционно приписываются образу женщины, маскулинные – стереотипно связаны с образом мужчины.

Вторая группа гендерных стереотипов включает представления о

⁴⁵ См.: Берн Ш. Гендерная психология. СПб., 2001. С. 219–230.

распределении семейных и профессиональных ролей между мужчинами и женщинами. Для женщины наиболее значимой социальной ролью считается роль домохозяйки, матери. Женщине предписывается нахождение в приватной сфере жизни – дом, рождение детей, на нее возлагается ответственность за взаимоотношения в семье. Мужчинам предписывается включенность в общественную жизнь, профессиональная успешность, ответственность за обеспечение семьи. Наиболее значимыми социальными ролями для мужчины являются именно профессиональные роли.

Третья группа гендерных стереотипов определяется спецификой содержания труда. В соответствии с традиционными представлениями предполагается, что женский труд должен носить исполнительский, обслуживающий характер, быть частью экспрессивной сферы деятельности. Женщины чаще всего работают в сфере торговли, здравоохранения, образования. Для мужчин возможна творческая и руководящая работа, их труд определяется в инструментальной сфере деятельности⁴⁶.

Итак, традиционно в общественном сознании мужчины и женщины считаются совершенно разными: принято говорить о мужских и женских нормах и правилах поведения, занятиях и обязанностях, особенностях психологии и, наконец, о женской и мужской логике. Гендерные стереотипы – часть господствующего социального сознания.

Как было показано выше, психологи начали изучать половые различия еще в конце XIX века, но вплоть до конца 1970-х годов они большей частью занимались тем, что демонстрировали различия полов и обосновывали этим разное отношение к мужчине и женщине. Однако понимание того, что не все особенности психики мужчин и женщин биологически детерминированы, а также использование новых инструментов изучения гендера привело к сомнению, что такие различия действительно фундаментальны.

Наиболее показательны метааналитические исследования математических способностей, агрессии, альтруизма, конформности, экспрессивности. Результаты, полученные с помощью метаанализа, говорят о том, что средние половые различия по этим показателям в настоящее время очень малы, а те, которые можно было назвать статистически значимыми 10–20 лет назад, имеют тенденцию стремительно сокращаться⁴⁷.

Однако общепринятые стереотипы продолжают настаивать, что

⁴⁶ См.: Клецина, И. С. Самореализация и гендерные стереотипы / И. С. Клецина // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 2 СПб., 1998. С. 188–202.

⁴⁷ См.: Hyde J. S., Linn M. C. The psychology of gender: Advances through meta-analysis. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.

гендерноролевые различия между мужчинами и женщинами основываются на фундаментальных отличиях полов, а не на особенностях социализации, что весьма напоминает фундаментальную ошибку атрибуции, которая показывает, как мало мы учитываем ситуационный фактор и требования социальных ролей. Кроме того, тенденция преувеличивать различия между полами скрывает от нас многочисленные сходства, которые часто просто игнорируются, следуя традиционной когнитивной схеме.

Ученые постепенно приходят к выводу о том, что различия между женщиной и мужчиной создаются в сложном процессе взаимодействия природы и общества. Более того, внимание исследователей наконец обратилось и к изучению общего в психике людей разного пола. Культура способна смягчать или усиливать биологически заложенные различия, а поскольку культура постоянно меняется, логично ожидать, что и величина гендерных различий тоже будет меняться. Безусловно, вопрос о соотношении влияния природы и общества на гендерные различия остается открытым, однако нельзя не учитывать следующие факты:

- во-первых, большинство обнаруженных на сегодняшний день гендерных отличий относительно невелико;
- во-вторых, исследования в разных странах экспериментально доказывают существование различных культурных ожиданий для мужчин и женщин;
- в-третьих, мы видим, что эти культурные ожидания со временем меняются, и соответствующие им гендерные различия сглаживаются, например в математических способностях и формах выражения агрессии;
- в-четвертых, метааналитические работы в области гендерных различий с внушающим доверие постоянством показывают, что факт обнаружения отличия в какой-либо области определенно зависит от огромного количества факторов, таких, как методы описания и измерения, условия проведения и социальный контекст эксперимента, половая принадлежность и гендерная идентичность экспериментатора и особенности его когнитивных схем.

Итак, мы должны помнить, что, даже если гендерные различия удастся обнаружить, они недостаточно велики, чтобы считать, что мужчины и женщины «диаметрально противоположны», и тем более они не дают нам права стереотипно относиться к представителям разных полов настолько по-разному, как мы нередко делаем.

ГЛАВА 4. СЕМЬЯ КАК ИНСТИТУТ ГЕНДЕРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

4.1. Семья как предмет гендерного анализа

Гендерный подход к изучению семьи разрабатывает целый ряд направлений, каждое из которых имеет собственную проблематику. Перечислим некоторые из них.

1. Гендерный подход к изучению материнства, отцовства, рассматривает такие проблемы, как стиль поведения и воспитания, взаимоотношения отцов/матерей с сыновьями/дочерьми, субъективные опыты матерей и отцов-одиночек, этапы развития родительства, ценностные ориентации отцов и матерей-одиночек, влияние гендерных установок родителей на интеллектуальное и личностное развитие детей разного пола.

2. Гендерный подход к изучению супружества и сексуальности предполагает анализ гендерных ролей и гендерных контрактов в семьях разного типа как традиционных, так и эгалитарных, сексуального опыта женщин и мужчин, «домашнего насилия», влияния на развитие сексуальности права на аборт, контрацепцию и т. п.

3. Гендерный подход к анализу домашнего труда, власти и распределению доходов в семье. Идеология семейного предназначения женщин и определение их первичной гендерной роли как домохозяйки имеют важные социальные последствия. С одной стороны, первостепенная ответственность женщин за дом является ключевым фактором усиления их эксплуатации и подчинения в публичной сфере. С другой стороны, это приводит к двойной нагрузке женщин, которые все активнее вовлекаются в производственную сферу⁴⁸.

Для более полного анализа гендерной социализации в семье необходимо исследовать такой социальный институт, как «родительство», которое определяется И. С. Коном как «система взаимосвязанных явлений:

- а) родительские чувства, любовь, привязанность к детям;
- б) специфические социальные роли и нормативные предписания культуры;
- в) обусловленные тем и другим реальное поведение, отношение родителей к детям, стиль воспитания и т. д.»⁴⁹. Прежде всего, нас интересует специфика отношения мальчиков и девочек к отцам и матерям,

⁴⁸ См.: Теория и методология гендерных исследований: Курс лекций / под общ. ред. О. А. Ворониной. М., 2001. С. 322–350.

⁴⁹ См.: Кон И. С. Ребенок и общество: Историко-этнографическая перспектива. М., 1988. С. 211.

а также обратный процесс, и распределение родительских ролей в семьях различных типов.

Нет необходимости доказывать, что родительские установки, реализуемые через не прямое «программирование», – один из важнейших факторов в конструировании гендера. Т. А. Гурко провела комплексное исследование на выявление доминирующей ориентации родителей: конформизм (ориентация на внешние правила и авторитеты), развитие личности (ориентация на внутренние стандарты поведения).

Хотя взгляды опрошенных матерей нельзя свести к какой-либо доминанте, автор условно их классифицирует на пять типов. 29 % матерей считают, что, когда юноша или девушка вырастут, оба они должны создать семью и получить специальности, иногда упоминается необходимость заботы о своих родителях. В какой-то мере это воспроизведение «идеального» советского варианта распределения гендерных ролей. 28 % матерей очень определенно представляют роль девушки, которая в первую очередь должна стать матерью и хозяйкой, мужская же роль выглядит туманно. В их понимании мальчик должен стать «мужчиной», и в это понятие вкладываются самые различные характеристики: от галантности (например, «подавать руку при выходе из троллейбуса») до «отслужить в армии». Более того, мужчина мыслится или находящимся где-то на периферии повседневной жизни, или даже как предмет интерьера (на диване). В этом случае в известной степени вырисовываются «матриархальные» элементы, которые в нашей стране существовали в действительности, по крайней мере, в частной семейной сфере.

По мнению ряда исследователей, положение женщины в постсоциалистическом обществе таково, что тематика дискриминации и подавления по признаку пола часто диссонирует с действительностью. Во многих российских исследованиях образ «сильной женщины и сильной матери» оказывался едва ли не важнейшим для становления гендерного самоопределения, а образ мужчины откровенно слаб, о чем свидетельствуют следующие высказывания авторов:

«У женщин в руках бюджет, мужчина у нее деньги выпрашивает на обед, женщина выполняет ту работу, которая ей, в общем-то, не свойственна, а мужчина теряет ответственность за семью. И мужчины становятся мягкими, слабовольными, неустойчивыми, получая женское воспитание...».

«Проблема матери – очень болезненная, существует сильная зависимость от матери, идет ориентация на мать, жену... В нашей культуре мать – управляющая, сильная, фаллическая, мужчины очень

зависимы, сильные, мощные женщины хотят быть главой семьи»⁵⁰.

Третий тип (10 %) ответов соответствует взаимодополнительной модели распределения семейных ролей: мальчику предписывается в будущем роль хозяина и главы, имеющего высокооплачиваемую работу и способного «обеспечить семью», а девушка должна «удачно» выйти замуж, быть ласковой и женственной, поддерживающей мужа в трудную минуту, заботящейся о детях. В этом типе в какой-то мере представлена западная семья среднего класса 60-х годов (знакомая нам, скорее, по кинофильмам) или идеальная модель семьи имущих в России.

Два других выделенных типа не включают семейные роли. 14 % матерей указывают на сходные личностные черты, девушка и юноша должны стать хорошими, разносторонними людьми, уметь работать. 19 % описывают женские (мягкая, аккуратная и т. д.) или мужские (сильный, смелый, ответственный и т. д.) качества⁵¹.

На наш взгляд, наиболее сложный аспект родительской социализирующей роли – ценностный. Сегодняшние родители подростков, являющиеся носителями традиционных гендерных представлений, могут испытывать проблемы в воспитании детей в новом обществе⁵². Отметим, что матери ставят на первое место по важности (независимо от пола ребенка) такие качества, как честность и правдивость (заметим, что и в других культурах именно матери, а не отцы ставят эти качества на первое место, но такие сравнения заслуживают специального рассмотрения), в то время как отцы – целеустремленность и усердие в достижении успеха⁵³. Процесс трансформации ценностей как мужчин, так и женщин нуждается в более глубоком осмыслении.

По мнению Э. Эриксона, потребность в родительстве – критический период в развитии личности взрослого и его социализации. Осознавая свою новую роль в качестве образца для подражания, матери и отцы могут стараться лучше себя контролировать, усваивать новые знания и жизненные стратегии. Кроме того, дети сами могут выступать воспитателями своих родителей, особенно в периоды социальных трансформаций.

⁵⁰ Феминистская теория и практика: Восток – Запад // Материалы международной научно-практической конференции. С. Петербург. Репино 9–12 июня 1995 г. СПб., 1996. С. 10–11.

⁵¹ См.: Гурко Т. А. Родительство в изменившихся социокультурных условиях // СОЦИС. 1997. №. С. 72–79.

⁵² Ключко О. И. Ценностные ориентации как вариант гендерного стереотипа/ Ключко О. И., Курдюкова Ю. Г. // Миф. Традиция. Культура: Материалы XXXIX Евсевьевских чтений / Мордов. гос. пед. институт. Саранск, 2003. С. 31–35.

⁵³ См.: Дадаева Т. М. Приоритетные социальные ценности женщин в условиях трансформации российского общества (на примере республики Мордовии): автореф. дис. ... к. социол. н. Саранск, 1998. 16 с.

Расхождение ценностей, отношение детей к родителям сказывается и на подростковой идентификации. Как отмечают педагоги, родители и сами подростки, лишь очень немногие хотят быть похожими на мать или отца и еще меньше – на обоих родителей. Безусловно, ориентация на саморазвитие очень важна, особенно в условиях посттоталитарного общества. В то же время крайне ограничено число положительных героев и образцов. Например, для мальчиков часто образцом для подражания выступают герои фильмов. В условиях увеличения гендерной асимметрии в первичных институтах социализации маскулинные качества воспринимаются подростками как абстрактные и не связанные с положительными образами. В итоге мальчики утверждают себя с помощью внешней символики (употребления алкоголя, наркотиков, курения). Поэтому по-прежнему острой остается проблема поднятия престижа отцовства как с точки зрения потребностей девочек и мальчиков, так и в качестве одного из возможных способов самореализации мужчин.

Анализ гендерных аспектов семейной социализации невозможен без рассмотрения такого конструкта, как «супружество». Международное исследование, в котором опрашивались отцы и матери детей до шести лет в России, Польше, Венгрии, Германии и Швеции, дало возможность заметить определенную специфику гендерных отношений в России по сравнению с другими странами⁵⁴.

Так, например, русские мужчины наиболее часто по сравнению с мужчинами других стран признают, что им было бы тяжело, если бы основным кормильцем стала жена, а ситуация, когда из двух супругов работает только жена, совсем невыносима для подавляющего большинства мужчин и почти половины женщин. В то же время среди них еще больше тех, кто придерживается убеждения, что независимо от того, работает жена или нет, дома мужа всегда должен ждать уют и порядок.

Основными причинами, по которым женщины могут оставить работу, они считают желание заботиться о семье и непосильность совмещения обязанностей в семье и на работе, а тезис о том, что женщины не оставляют работу лишь по финансовым причинам вообще вне конкуренции. Неудивительно поэтому, что столь значительная доля женщин (33 %) мечтают стать домохозяйками, хотя большая их часть вовсе не склонна считать это привлекательным образом жизни. М. Ю. Арутюнян отмечает: «Мужчины, обладающие более высокой квалификацией, с одной стороны, не так уверены в абсолютном равенстве женщин в семье и на работе, но, с другой стороны, не так категоричны в

⁵⁴ См.: Арутюнян М. Ю. Гендерные отношения в семье // Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96». М., 1997. С. 131–134.

требовании уюта во что бы то ни стало, как мужчины с низкой квалификацией».

В то время как часть женщин находит удовлетворение в роли домохозяек, удовлетворенность жизнью, включая самооценку и чувство собственной компетентности, выше у работающих женщин. Те же женщины, которые видят себя только в роли жены и матери, чаще всего испытывают так называемый «синдром домохозяйки». Он проявляется в чувстве беспомощности и безнадежности, частых депрессиях, низкой самооценке. Как показывает практика, годы, посвященные только заботам о семье, лишают женщин ощущений самостоятельности и компетентности, приводят, как правило, к потере собственного «Я», могут вести к алкоголизации, психическим и сексуальным расстройствам, к суициду⁵⁵.

Особенно тяжело сказывается подобная ситуация на одаренных женщинах, которые, отказавшись от получения высшего образования и посвятившие себя семье, чаще всего указывают на неудовлетворенность жизнью и наличие психологических проблем во взаимоотношениях с окружающими⁵⁶.

Весьма своеобразен, на наш взгляд, тот факт, что доля женщин, разделяющих идею справедливого главенства мужчин на рынке труда и в семье и избегающих конкуренции с ними, весьма высока; примерно столько же женщин придерживаются совершенно противоположного взгляда, что приоритет должен быть отдан женщинам. Но «латентная традиционность», выражающаяся в чувстве вины перед мужем за посягательство на мужскую роль, явно перевешивает чашу весов в сторону традиционных ролевых позиций.

В последние годы наметилась четкая тенденция к увеличению вариативности содержания гендерных конструктов. Прежде всего, это касается быстро прогрессирующих новых тенденций в сознании молодых девушек, так как изменения гендерных установок у девушек значительно более вариативны, чем у юношей. В экспериментах девушки явно проявляют склонность к свободному исследованию в сфере гендерного поведения, фактически предоставляя юношам лишь возможность ответной реакции. Доминирующая черта в поведенческих моделях респонденток может быть интерпретирована как «комплекс маскулинности», подразумевая условное использование этого термина при характеристике основных ориентации.

Как правило, «комплекс маскулинности» характерен для девушек с

⁵⁵ См.: Билинчис А. А. Анализ проблем женщин, обратившихся в службу «Телефон доверия» // Психол. журнал. 1997. № 4. С. 85–90.

⁵⁶ См.: Попова Л. В. Проблемы самореализации одаренных женщин // Вопр. психологии. 1996. № 2. С. 31–41.

ярко выраженной наступательной тактикой в поведении. Они независимы и самостоятельны в принятии решений, активны и честолюбивы, стремятся к лидерству, имеют четко сформулированные жизненные установки. Основной постулат, декларируемый девушками такого типа, – абсолютный приоритет их творческой самореализации перед всеми другими социально значимыми функциями женщины в современном мире. Девушек такого типа достаточно много – до 25 %.

В то же время опросы, проведенные О. М. Здравомысловой, показывают, что современный успешный мужчина в большинстве случаев описывается как «жесткий и даже жестокий, властный, агрессивный, упорный в достижении цели, уверенный и скрытный»⁵⁷, что подтверждается данными И. С. Кона, Дж. О'Нила⁵⁸. Оказывается, таким образом, что российское общество на данном этапе развития воскрешает традиционные нормы мужского поведения и одновременно маскулинизирует нормы женские!

Думается, что, несмотря на безусловное влияние особенностей выборки (в большинстве исследований – это население преимущественно центральных городов), полученные данные адекватно иллюстрируют современные тенденции развития нашего общества, частично подтверждая рассмотренную выше теорию Ю. Е. Алешиной и А. С. Волович.

По утверждению Е. А. Здравомысловой и А. А. Темкиной, наиболее распространенным и доминирующим гендерным контрактом в российском обществе является «контракт работающей матери», в соответствии с которым женщине предписывается работать и быть матерью⁵⁹. Подготовка девочек к этой роли осуществляется как в семье, так и в других институтах социализации. Постоянно воспроизводится двойная ориентация – на материнство и связанное с ним супружество, с одной стороны, и на активность в профессиональной сфере, с другой – хотя в последнее время гендерные контракты стали более разнообразными.

Нам представляется, что среди современных российских мужчин весьма распространен так называемый гендерный контракт «отца без детей», так как львиная доля обязанностей по воспитанию детей и уходу за ними традиционно выполняют женщины, следовательно, именно

⁵⁷ См.: Здравомыслова О. М. Брак, любовь, свобода: о современных представлениях о семье и браке российских граждан // Семья и школа. 1996. № 9. С. 14–15.

⁵⁸ См.: O'Neil J. M., Egan J. Men's Gender Role Transitions Over the Life Span: Transformations and Fears of Femininity // Journal of Mental Health Counseling. 1992. Vol. 14. № 3. P. 305–324.

⁵⁹ См.: Здравомыслова Е. А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина // Материалы первой российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96». М., 1997. С. 84–88.

последние будут оказывать большее влияние на детей, больше общаться с ними и иметь более близкие межличностные отношения. Практически не общаясь с ребенком в течение первого года его жизни, в последующем отец часто испытывает затруднения в установлении контакта с ним и, потерпев неудачу, иногда совсем отказывается от таких попыток. Не имея навыков общения с детьми, так как никто и не пытался научить его этому, мужчина может так и не найти общего языка с собственным ребенком. Однако данный контракт не учитывает профессиональной реализации, которая по значимости для современных мужчин стоит на первом месте.

В повседневной семейной жизни объективно нарабатанный комплекс маскулинности приходит в столкновение с существующей в России полоролевой традицией. В связи с этим часто происходит несовпадение ролевых ожиданий и ценностных ориентации, приводящих к конфликтам между мужем и женой, причем, чем более независимо и самостоятельно живет женщина, тем острее переживаются эти конфликты.

Исследования последних лет показали, что современные западные мужчины в значительно большей степени, чем их отцы, стали связывать собственную самореализацию с семьей и меньше с достижениями в профессиональной сфере. Можно утверждать, что они уже не просто хотят иметь семью, но хотят быть в семье. Современные отцы значительно больше вникают в воспитание детей, больше проводят с ними времени, берут на себя часть традиционно женских обязанностей. Эта тенденция оказалась достаточно значима, и социологи описывают семейную ориентацию мужчин как явление современного постиндустриального общества.

Однако есть и другая тенденция: мужчины, осознав сложность выполнения роли отца, отказываются от нее. В современных условиях молодые мужчины поняли, что отцовство предполагает не только финансовую, но и социальную ответственность, а они не готовы ее нести. Конечно, одиночество, отсутствие стабильных отношений или боязнь оказаться не в состоянии обеспечить детям достойное будущее играют здесь заметную роль. Но отказ от отцовства — это еще и индивидуалистический рефлекс, например, такие мотивы, как нежелание расставаться со своим хобби, расходы на ребенка и трудность сочетания семейной жизни с работой⁶⁰.

О. М. Здравомыслова отмечает, что, с точки зрения современных женщин, идеальный мужчина должен быть «честен, деликатен, способен к сопереживанию, образован, находчив, жизнерадостен, надежен»; а с точки

⁶⁰ См.: Здравомыслова О. М. Российская семья в 90-е годы // Гендерный калейдоскоп: Курс лекций / под ред. М. М. Малышевой. М., 2001. С. 473–488.

зрения самих мужчин, идеальный мужчина должен быть «честен, хорошо образован, справедлив, ответственный, способен к сопереживанию, находчив...»⁶¹.

В этом новом идеале нет ни намека на властность, агрессивность, грубую силу. Вспомним, что семейная жизнь становится для мужчины способом самореализации не в меньшей степени, чем профессия. Это заметно даже тогда, когда мужчина, живущий отдельно от семьи, продолжает оставаться (пусть и не всегда полноценным) отцом своего ребенка – ситуация, которая становится все более «нормальной» и распространенной на Западе, хотя в России не считается достаточно приемлемой.

Поэтому роль российской семьи в процессе гендерной социализации весьма специфична: с одной стороны, в семье стимулируется усвоение традиционных представлений о мужественности и женственности, а с другой – девочки ориентируются на профессиональную активность, которая не входит в число «чисто женских» качеств, в то время как мальчики испытывают дефицит положительных моделей поведения, в том числе и моделей отцовства и супружества.

Коробанова Ж. В.

4.2. Гендерный анализ взаимоотношений родителей и детей

Определений семьи в научной литературе достаточно много, причем в каждой научной области имеются свои, акцентирующие внимание на специфических вопросах, дефиниции семьи. Семья определяется и как пространство жизнедеятельности, и как институт социализации, и как малая социальная группа. С точки зрения психолого-педагогического подхода семья рассматривается как пространство совместной жизнедеятельности, внутри которого удовлетворяются специфические потребности людей, связанных кровными и родственными связями.⁶² Основные функции семьи проявляются в репродуктивной, воспитательной, хозяйственно-бытовой, экономической сферах, сфере первичного социального контроля, сфере духовного общения, социально-статусной, досуговой, эмоциональной, сексуальной сферах. В зависимости от того, какая функция признается ведущей, оформляется и семейный уклад – устройство семейной жизни, своеобразие конкретной семьи.

⁶¹ Здравомыслова О. М. Мужчина: роль, переписанная заново? // Семья и школа. 1997. № 1. С. 14–16.

⁶² См.: Основы психологии семьи и семейного консультирования: учеб. пособие / под общ. ред. Н. Н. Посысоева. М., 2004. С. 10.

В контексте гендерного подхода семья скорее рассматривается как институт социализации. Семья для ребенка – первая социальная микросреда. С точки зрения известного отечественного психолога В. Н. Дружинина, семья – это структура, состоящая из отношений доминирования-подчинения (власти), ответственности и эмоциональной близости, причем последние характеристики вовсе не являются необходимыми для семьи как социального института. По мнению В. Н. Дружинина, «не может быть никакого института общества более несвободного (в смысле навязывания определенных правил жизни человеку), более жесткого, чем семья».⁶³ Особенно точно данное высказывание отражает социализирующее влияние семьи в плане усвоения детьми стереотипов поведения.

Семья – институт социализации, с которого начинается процесс конструирования гендера, гендерной системы. Исследователями показано, что основными источниками реализации гендерных программ в период детства выступают родительские ожидания, установки, восприятие, представления о будущем дочерей и сыновей, ценностные ориентации, стратегии и тактики воспитания девочек и мальчиков.

Пол ребенка является одним из наиболее стойких факторов, определяющих ожидания родителей еще до его рождения. Как показывают опросы, во многих, даже широко различающихся культурах, родители отдают предпочтение рождению мальчика. По результатам опросов, предпочтение мальчиков перед девочками находится в соотношении 2 : 1, а среди отцов это соотношение равно 4 : 1.

Сразу после рождения девочки и мальчики начинают приобретать разный опыт как члены семьи и как члены общества. Описывая различия в процессе социализации, известный антрополог М. Мид писала о так называемой двойной цепи ожиданий, связывающей и мальчиков и девочек. Мальчика учат добиваться успеха, а девочку – демонстрировать свою беспомощность и несостоятельность.

В литературе описываются исследования восприятия взрослыми младенцев, особенности поведения и общения родителей с дочерьми и сыновьями.

Так, в известном исследовании испытуемым показывали фильм о девятимесячном ребенке, при этом одной половине зрителей говорилось, что этот ребенок – мальчик, а другой половине – что девочка.⁶⁴ Эта простейшая манипуляция приводила к совершенно разной оценке одного и того же поведения. Например, в одном из показанных эпизодов ребенок начинал кричать после того, как из коробки внезапно выскакивал

⁶³ См.: Дружинин В. Н. Психология семьи. М., 1996. С. 3.

⁶⁴ См.: Берн Ш. Гендерная психология. СПб., 2001. С. 204.

попрыгунчик. Те наблюдатели, которые считали ребенка мальчиком, воспринимали «его» рассерженным, те же, кто считал ребенка девочкой, воспринимали «нее» испугавшейся.

Несмотря на то что врачи не находят объективных различий во внешности, активности и поведении новорожденных детей родители считают, что девочки более маленькие, симпатичные и менее подвижные, чем мальчики, которые представляются большими, активными и громогласными.

Дж. Кондри и Д. Росс также установили, что пол ребенка влияет на то, каким образом его воспринимают взрослые.⁶⁵ В проведенном ими эксперименте зрителям показывался записанный на видеокамеру эпизод игры двух детей на заснеженной площадке; при этом одинаковые костюмы не позволяли определить их пол. В показанном эпизоде один ребенок постоянно толкал другого, насакивал на него и бросался снежками. Одной части зрителей говорилось, что оба ребенка – девочки, другой – что оба мальчики, третьей – что агрессором является мальчик, а жертвой – девочка, и, наконец, четвертой – что в качестве агрессора выступает девочка, а в качестве ее жертвы – мальчик. Взрослым предлагалось оценить степень агрессивности действий ребенка. Зрители, уверенные в том, что оба ребенка были мальчиками, сочли показанную сцену наименее агрессивной по сравнению с оценками зрителей трех других групп. При этом в оценках зрителей последних трех групп не наблюдалось серьезных различий. Поскольку буйное поведение играющих мальчиков считалось вполне нормальным явлением, оно не воспринималось агрессивным. Исследователи пришли к выводу, что пол выступает как когнитивная социальная категория, которая направляет предчувствия и ожидания по какому-то одному пути: вера в то, что ребенок является мальчиком, настраивает на одни ожидания, а вера в то, что девочкой, – на совершенно другие.

Родители по-разному реагируют на плач мальчиков и девочек. К мальчикам подходят не так быстро и успокаивают реже, давая возможность самостоятельно справиться с ситуацией; тем самым мальчики учатся полагаться на себя, быть независимыми. Исследователи обнаружили, что родители чаще поворачивают мальчика к внешнему миру и подталкивают его, девочку же тесно прижимают, поворачивая лицом к себе.⁶⁶ В раннем детстве матери чаще прикасаются к сыновьям, чем к дочерям, зато на девочек больше смотрят и чаще с ними разговаривают.

⁶⁵ Там же. С. 204.

⁶⁶ См.: Clark B. C. Growing up Gifted: Developing the Potential of Children at home and at School. Columbus et.al.: Merrill, 1988. С. 507.

Американские исследователи Дж. Бардвик и Е. Доуван предположили, что мальчики учатся справляться со стрессовыми ситуациями и переходят к самостоятельному способу действий в возрасте двух лет, тогда как девочек значительно дольше ограждают от подобных ситуаций, не обучая их сопротивлению.⁶⁷ Таким образом, стиль родительского воспитания в отношении девочек близок к гиперопеке. Психологические особенности личности, которые могут сформироваться в этом случае – пассивность, неуверенность в себе, необходимость в опоре и поддержке другого человека, внешний локус контроля.

Исследования дают основания полагать, что в процессе гендерной семейной социализации велика роль детских игрушек. К. Миллер показала, что детские игрушки все еще разделяются по полотипичному признаку.⁶⁸ Из 50 игрушек, использованных в ее исследовании, 41 были определены ее участниками как предназначенные исключительно для мальчиков или для девочек. Игрушки, которые испытуемые стереотипно классифицировали как «девчоночьи», характеризовались тем, что они относились к дому, например чайные приборы, куклы и мягкие игрушки. В то же время в число игрушек для мальчиков испытуемые включили транспортные средства, мячи, оружие и строительные игры.

Таким образом, в процессе игры с полотипичными игрушками ребенок впитывает традиционные гендерные роли, а также приобретает разные навыки. Полотипичные игрушки и игры помогают девочкам практиковаться в тех видах деятельности, которые касаются подготовки к материнству и ведению домашнего хозяйства, развивают умение общаться и навыки сотрудничества. Совсем иначе дело обстоит у мальчиков: игрушки и игры побуждают их к изобретательству, преобразованию окружающего мира, помогают развивать навыки, которые позже лягут в основу пространственных и математических способностей, поощряют независимое, соревновательное и лидерское поведение.

Целый ряд исследований показал, что детские предпочтения в области игрушек начинают формироваться взрослыми. Например, в исследовании Л. Сидорович и Дж. Ланни испытуемые общались с десяти месячным ребенком.⁶⁹ Участников случайным образом поделили на три группы. Одной группе сказали, что ребенок – девочка, другой группе – что мальчик, а третьей вообще ничего не сказали о поле ребенка. Общаясь с ребенком, взрослый имел в распоряжении три игрушки: резиновый мяч, куклу и кольцо для жевания. В результате реальный пол ребенка практически не влиял на выбор испытуемых, чего нельзя сказать о так называемой гендерной метке. Из той группы, которая считала, что перед

⁶⁷ Там же. С. 508.

⁶⁸ См.: Берн Ш. Гендерная психология. СПб., 2001. С. 63.

⁶⁹ Там же. С. 65.

ними мальчик, 50 % мужчин и 80 % женщин выбрали футбольный мяч (20 % из всех, кто так считал, выбрали для «мальчика» жевательное кольцо). В группе, которой ребенок был представлен как девочка, 72 % женщин и 89 % мужчин выбрали куклу. Лишь 28 % женщин из этой группы предложили «девочке» мяч, а из мужчин этого не сделал никто.

Начиная с дошкольного возраста взаимодействие мальчиков и девочек друг с другом затруднено. Чаще всего в большинстве культур наблюдается разделение мальчиков и девочек в играх, дружеских отношениях. Существуют различные точки зрения на причины разделения мальчиков и девочек в играх.⁷⁰ Одни исследователи объясняют причины такого разделения биологическими особенностями, например исходными различиями темпераментов детей. Другие исследователи природные склонности дополняют влиянием социальных факторов: мальчики и девочки учатся сначала выбирать разные игры и игрушки, а потом объединяются на основе этих предпочтений.

Игровое поведение мальчиков отличается тем, что они играют в больших группах и людных местах, в грубые игры с драками и придают большое значение физической силе. Девочки чаще играют с одной или двумя лучшими подругами и устанавливают с ними отношения равноправного сотрудничества. Девочки и мальчики по-разному используют речь: девочки – для поддержания дружеских отношений, мальчики – для самоутверждения.

Эти разные стили поведения и общения можно рассматривать как приобретенные навыки, необходимые для того, чтобы достичь определенного положения в группе. С одной стороны, эти навыки могут быть полезными при взаимодействии между взрослыми одного пола, с другой – они создают препятствия в отношениях между мужчинами и женщинами, так как являются потенциальным источником взаимного непонимания.

Б. Торн выделяет несколько видов так называемых пограничных действий, служащих усилению гендерных границ: соперничество мальчиков и девочек, игры с преследованием, ритуалы загрязнения (при этом другой пол считается «грязным») и вторжение в игру⁷¹. Мальчики, занимая в 10 раз больше места на игровой площадке, чем девочки, гораздо чаще вмешиваются в чисто «девчачьи» игры, девочки же, если и делают подобное, то обычно просят разрешения. Вторжения мальчиков настолько привычны, что девочки вырабатывают оборонительную тактику: охраняют свою игру, прогоняют мальчиков и жалуются взрослым.

⁷⁰ См.: Арчер Дж. Половые роли в детстве: структура и развитие // Детство идеальное и настоящее: сб. работ современных западных ученых: пер. с англ. / под ред. Е. Р. Слободской. Новосибирск, 1994. С. 201.

⁷¹ Там же. С. 204.

Согласно исследованиям зарубежных ученых родители демонстрируют незначительные различия в ожиданиях самостоятельности мальчиков и девочек в таких безопасных видах деятельности как уборка комнаты, складывание игрушек или одежды, в то время как в сферах с достаточной степенью риска родительские ожидания относительно мальчиков и девочек различны. Родители позволяют мальчикам играть вдали от дома, ходить с поручениями по соседству, переходить одним улицу, пользоваться острыми предметами и заниматься другими небезопасными видами деятельности в более раннем возрасте, чем это разрешается девочкам. Такое разное обращение может ограничивать развитие чувства компетентности, исследовательского поведения у девочек и повышать уровень конформизма и зависимости.

Различие в ценностных ориентациях родителей по отношению к дочерям и сыновьям приводит к тому, что с самого начала мальчиков чаще поощряют за инициативу, храбрость, предприимчивость, независимость, агрессивность. В литературе отмечается, что отцы девочек чаще играют с ними в игры, предполагающие проявление социально значимых, нравственно ценных качеств, ждут от дочерей умения поделиться, оказать помощь, проявить сочувствие.⁷² Отцы мальчиков предпочитают играть со своими сыновьями в шумные, подвижные игры. Они поощряют активность мальчиков и не одобряют излишнюю активность девочек. Живость, любознательность, предприимчивость воспринимаются отцами как качества, которые должны быть развиты скорее у мальчиков, чем у девочек. Исследователи обнаружили, что к 10-летнему возрасту за одно и то же агрессивное поведение мальчики ожидают меньшее неодобрение от родителей, чем девочки. От девочек ждут душевной чуткости, отзывчивости, нежности, послушания.

Мальчики менее свободны в пересечении межполовых границ. Поведение, присущее противоположному полу, для мальчиков неприемлемо, а для девочек допустимо: «маменькины сыночки» подвергаются насмешкам, а к девочкам - сорванцам относятся более благосклонно. Нетерпимость к проявлению у мальчиков поведения, свойственного девочкам, – это способ подчеркнуть более высокое положение мужчин по сравнению с женщинами.

Результаты исследования Л. В. Поповой и В. Я. Кисленко представлений родителей о будущем одаренных девочек и мальчиков показали, что родители привносят гендерные стереотипы в систему ценностей и в ожидания будущего своих детей.⁷³ Так, были обнаружены

⁷² См.: Титаренко Т. М. Такие разные дети. Киев., 1989. С. 71.

⁷³ См.: Попова Л. В., Кисленко В. Я. Представления родителей о будущем одаренных девочек и мальчиков / Научные труды МПГУ. Серия: психолого-педагогические науки. М., 2000. С. 359–370.

различия в выборе терминальных и инструментальных ценностей для мальчиков и девочек. Как для мальчиков, так и для девочек были сделаны традиционные гендерно стереотипные выборы.

Строгое соответствие поведения девочек и мальчиков гендерной роли отражается на интеллектуальных и творческих способностях. Так, в современной психологии проводятся исследования реализации одаренности девочек/девушек/женщин с позиции гендерного подхода. Внимание ученых к проблеме реализации способностей и одаренности девочек вызвано явлением так называемой «исчезающей одаренности», т. е. несоответствием успехов девочек в школьном возрасте и достижениями женщин в зрелом возрасте.

И девочки, и мальчики, рано приходят к выводу, что если они хотят получить одобрение, то совершенно необходимо соответствовать требованиям родителей. В результате одаренная девочка может предпочесть стать такой, какой ее будут ценить родители. Одаренные девочки особенно озабочены тем, насколько они соответствуют ожиданиям, связанным с их полом. Это может объясняться обостренной чувствительностью, которая вообще характерна для умных детей. В этом отношении критическим является подростковый период. Если такие качества, как настойчивость, независимость, стремление к лидерству, аналитическое мышление рассматриваются родителями, учителями и сверстниками как маскулинные, то для одаренной девочки может составлять проблему противоречие между умом и женственностью. Так, в семьях, поддерживающих гендерные стереотипы, одаренные девочки демонстрируют более низкий уровень интеллектуальной активности, чем тот, которого они способны достичь, характеризуются неуверенностью в себе, высокой внушаемостью, импульсивностью, внешнем локусом контроля.

Исследования свидетельствуют, что лучшим показателем интеллектуальных успехов являются собственные представления о своих способностях. Мотивация достижения влияет на формирование у ребенка чувства эффективности. На развитие мотивации достижения ребенка влияет уровень ожидания успеха его родителями. Проводились исследования по изучению способов родительской помощи детям в выполнении различных заданий.⁷⁴ Оказалось, что у тех детей, родители которых оказывали им неспецифическую помощь, т. е. просто поддерживали, не давая готового решения, наблюдался высокий уровень мотивации достижения. Соответственно у детей, родители которых оказывали им специфическую помощь в виде готового решения или

⁷⁴ См.: Развитие личности ребенка: пер. с англ. / общ. ред. А. М. Фонарева. М., 1987. С. 147.

прямой инструкции, наблюдался низкий уровень мотивации достижения. В результате выяснилось, что родители склонны оказывать специфическую помощь девочкам, тогда как мальчиков чаще ориентируют на самостоятельное выполнение задания.

Из-за асимметрии родительских представлений о будущем дочерей и сыновей у девочек и мальчиков формируются разные представления о типах профессиональной активности. Представление родителей о будущем мальчиков связано с ожиданием высоких профессиональных успехов, продвижения по службе. От девочек же ожидают, что они отдадут предпочтение не профессиональной, а семейной жизни.

Анкетный групповой опрос, проведенный среди 106 российских школьников 10-11-х классов, выявил устойчивые гендерные стереотипы в сфере профессионального выбора.⁷⁵ По результатам опроса 72 % опрошенных девушек и 57 % юношей считают, что есть типично женские и типично мужские профессии, 47 % девушек и 57 % юношей считают неприемлемым для себя заниматься нетрадиционной для своего пола работой. Таким образом, под действием стереотипов «мужских» и «женских» профессий резко сужается диапазон собственного профессионального выбора.

Психологи обнаружили, что содействие родителей и их вера в способности ребенка оказывает сильное влияние на веру ребенка в свои собственные способности и, в конечном счете, на те дисциплины, которые он выберет для изучения. Так, исследователи обнаруживают связь между непропорционально большим числом мальчиков среди подростков, одаренных в математике, и поддержкой родителей в изучении математики.

Родители в том случае, если успехи в математике делает их дочь, предпочитают объяснять их старанием, а не способностями. Что касается сыновей, для них действительно обратное. Исследователи отмечают, что восприятие родителей все равно остается гендерно дифференцированным, даже если их сыновья и дочери одинаково хорошо учатся. Подобные родительские ожидания и атрибуции влияют на самовосприятие ребенка и с большей вероятностью оказываются причиной того, что девочки впоследствии стараются избегать «мужских» занятий, в данном случае – математики и науки вообще. Однако следует отметить, что, согласно другим исследованиям, родители в равной степени поощряли математические достижения мальчиков и девочек, если они были экстраординарными.

⁷⁵ См.: Днепровская С. Ю., Фрейдзон С. В. Влияние половых представлений школьников на профессиональный выбор // Психол. газ. 1997. № 3. С. 10.

В литературе описываются результаты исследований, в которых было обнаружено, что матери, придерживающиеся убеждения, будто мальчики более сильны в математике, имели искаженное восприятие способностей своих детей в соответствии с гендерными стереотипами. Даже когда фактические успехи детей статистически контролировались, то и тогда отмечалась заметная корреляция между материнским восприятием математических способностей ребенка и восприятием своих способностей к математике у самого ребенка. Так, дочери женщин с сильными гендерными стереотипами считали, что они не способны к математике. Напротив, у дочерей тех женщин, которые не придерживались ярко выраженных гендерных стереотипов, подобных тенденций не наблюдалось.⁷⁶ В ряде других исследований также было показано, что восприятие своих способностей мальчиками и девочками соответствует убеждениям родителей.⁷⁷ В одном из психологических экспериментов мальчики 4-го класса приписывали успех в решении интеллектуальной задачи собственным способностям, а девочки проявили склонность занижать свой успех. Более того, мальчики приписывали неудачи простому невезению, а девочки чаще всего обвиняли самих себя.

Описанные выводы близки к результатам исследований Дж. Эклз и ее коллег, в которых было обнаружено, что родители приписывают успехи мальчиков и девочек в той или иной школьной дисциплине совсем разным вещам. Так, было установлено, что родители мальчиков, имевших хорошие оценки по математике, приписывали такой результат способностям своих сыновей, в то время как родители девочек, преуспевших в математике, приписывали это их старанию и усидчивости.⁷⁸ Помимо этого, Дж. Эклз и ее коллеги обнаружили, что подобные убеждения трансформировались в ожидании будущих успехов в учебе и, возможно, карьере.

В настоящее время в литературе активно обсуждается вопрос о достоинствах школ с раздельным обучением. Одним из аргументов «за» является утверждение, что именно такие школы предоставляют девочкам наилучшие шансы для достижения успеха. В США было проведено широкомасштабное исследование, в ходе которого установлено, что девочки, обучающиеся в смешанных школах, фактически занижают свои цели, чтобы понравиться мальчикам.⁷⁹ Даже те девочки, которым удалось достичь значительных успехов в учебе, расценивают это как своего рода недоразумение. По окончании школы девочки, по их словам, не

⁷⁶ См.: Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. СПб., 2002. С. 427.

⁷⁷ Там же. С. 427.

⁷⁸ См.: Берн Ш. Гендерная психология. СПб., 2001. С. 218.

⁷⁹ См.: Фримен Дж. Ваш умный ребенок. М., 1996. С. 164.

намеривались ставить пред собой высокие цели, так как считали, что слишком много ума не принесет им счастья.

Основываясь на результатах исследований, Дж. Эклз и ее коллеги выделили факторы влияния гендерных стереотипов родителей на поведение детей.⁸⁰ Согласно этим данным, гендерные стереотипы влияют на следующее.

1. На то, чему родители приписывают школьные успехи своих детей (способностям или старательности).

2. На эмоциональные реакции родителей на успехи детей в разных областях знаний.

3. На то значение, которое родители придают приобретению своими детьми различных навыков и знаний.

4. На те советы, которые дают родители по поводу приобретения детьми различных навыков и знаний.

5. На те виды деятельности, в которые родители вовлекают своих детей, и на те игрушки, которые они им покупают.

Исследователи предположили, что перечисленные выше пять факторов окажут влияние на:

1). уверенность детей в своих способностях;
2). заинтересованность детей в приобретении различных навыков;
3). эмоциональные реакции (чувства) детей при принятии участия в различных видах активности;

4) суммарное количество времени и сил, которые дети будут посвящать освоению и демонстрации различных навыков.

Впоследствии эти различия в самовосприятии и усвоенных навыках влияют на тот род работы, которую ищут и для которой имеют необходимую квалификацию мужчины и женщины.

Гендерные стереотипы налагают ограничения на проявление женщинами деловой активности. Исследование В. А. Хащенко и Г. В. Турецкой показало, что формирование установочной направленности деловых женщин связано с особенностями их референтных отношений в детстве и с наличием в семье примеров деловой активности.⁸¹ Было выяснено, что отношение родительских семей к деловой активности участвовавших в исследовании женщин неоднозначно: примерно в половине случаев родительская семья одобряет их участие в деловой жизни, но отношение к карьере как к средству самореализации и утрата некоторых традиционно «женских» качеств в связи с «неженскими» занятиями встречает отрицательную реакцию и сопротивление близкого окружения деловых женщин.

⁸⁰ См.: Берн Ш. Гендерная психология. СПб., 2001. С. 218–219.

⁸¹ См.: Хащенко В. А., Турецкая Г. В. Социально-психологический портрет деловой женщины // Психологическое обозрение. 1996. № 1(2). С. 14–17.

В формировании гендерной идентичности ребенка важны роли матери и отца. Отсутствие одного из родителей сказывается на становлении гендерной идентичности сыновей и дочерей. Психологи утверждают, что в неполных (материнских семьях) мальчики оказываются в более сложных условиях формирования гендерной идентичности по сравнению с мальчиками и девочками из полных семей. Особенно это касается раннего детского и раннего дошкольного возраста – возраста становления психологического пола. Возможные варианты развития мальчиков в неполных семьях чаще всего сводятся к усвоению ими женского типа поведения либо к усвоению жесткого, вульгаризированного стереотипа мужественности, выражающегося в агрессивности, грубости, резкости.

Отсутствие в семье отца сказывается на формировании гендерной идентичности дочери. Как отмечают психологи, дефицит мужской модели поведения может сказаться на взаимоотношениях девочки с будущим мужем и сыном в виде непонимания.

Еще одним важным фактором семейной социализации является количество детей в семье и порядок рождения. Обнаружено, что старшего ребенка независимо от пола воспитывают по мужскому типу, то есть поощряют ответственность, самостоятельность, раннее профессиональное самоопределение.

Таким образом, анализ отечественных и зарубежных исследований по проблемам гендерной социализации показывает, что родительское отношение к дочерям и сыновьям носит четкий гендерно асимметричный характер. Гендерная асимметрия родительских представлений может приводить к возникновению ряда проблем в личностном и социальном развитии девочек и мальчиков.

1. Возникновение барьеров на пути познавательного развития девочек. Гендерные представления родителей, реализованные в стратегиях и тактиках воспитания, ограничивают исследовательское поведение девочек, проявление активности, любознательности.

2. Формирование определенных черт личности, являющихся барьерами на пути психологического и социального благополучия, не позволяющих использовать свободный от жесткой половой типизации богатый поведенческий репертуар.

3. Ограничение сфер общественной жизни, выбора сфер профессиональной деятельности девочками и мальчиками, трудности профессиональной реализации девочек.

ГЛАВА 5. КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕНДЕРА В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Средства массовой информации, к которым относятся радио, телевидение, периодическая, художественная и другая литература, а также информационные компьютерные сети, переживающие в настоящее время период расцвета и, следовательно, постоянно увеличивающие свое влияние на людей, являются одним из важнейших факторов социализации в целом и гендерной социализации, в частности.

Для рассмотрения процесса конструирования гендера необходимо рассмотреть влияние средств массовой информации на формирование мужских и женских образов и стереотипов, а также исследовать представленность в СМИ различных гендерных конструкторов и широту гендерного дисплея как в недалеком прошлом, так и в настоящее время.

По сути, мы будем говорить о так называемых гендерных технологиях – способах, механизмах, каналах формирования гендера как идеологического продукта.

Но прежде чем приступить к непосредственному анализу этого вклада и, не претендуя на подробное рассмотрение столь сложной проблемы, как «язык и маскулинизм», хотелось бы указать на некоторые лингвистические «ловушки», которые подстерегают любого, кто берется рассуждать о «мужском» и «женском», поскольку большинство способов воздействия в современных средствах массовой информации являются вербальными, хотя и невербальный компонент, безусловно, присутствует и чрезвычайно важен. Особенность этих «ловушек» такова, что не угодить в них практически невозможно⁸².

Например, невинное обращение: «Уважаемые дамы и господа» можно рассматривать как обычную формулу вежливости, но можно увидеть в ней «пример лингвистического сексизма», т. е. половой дискриминации языковыми средствами. С этой позиции вряд ли слово «господа» (единственное число – «господин», т. е. хозяин, владелец) можно считать лишь нейтрально окрашенной частью лингвистической оппозиции и только указанием на половую принадлежность. В этом случае «господа» – это указание не только на пол, но и на роль, на значимость этого пола, его доминирующую функцию, а при таком раскладе и «дамы» – знак не только пола, но и иерархической подчиненности. Таким образом, обращение «дамы и господа» – это иерархическая структура, замаскированная под лингвистическую

⁸² См.: Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. М., 2002. С. 66–67, 164–165.

оппозицию. Примеры подобного сексизма можно проследить во многих языках. В ряде языков понятие «мужчина» обозначается тем же словом, что и понятие «человек» (например, в английском языке – «men»), а для обозначения понятия «женщина» употребляется другое слово – «women».

Маскулинно-иерархическую ориентированность языка, а также рассмотрение женщины как некой производной от мужчины достаточно отчетливо проступает уже из беглого анализа самого способа образования некоторых грамматических форм (ограничимся русским языком, ибо способы половой дискриминации различны в разных языках)⁸³.

Возьмем слова, обозначающие профессии. Практически сразу выделяются три группы. Первая – мужской и женский род равноправно образуются от одного корня путем приращивания к нему суффиксов и окончаний мужского и женского рода: художник – художница, певец – певица, актер – актриса и т. д. Вторая группа – женский род образуется от мужского путем приращивания к слову, обозначающему профессию, суффиксов и окончаний женского рода: поэт – поэтесса, писатель – писательница, депутат – депутатка, журналист – журналистка. Третья – это слова, или не имеющие женского рода или женский род которых обозначает не профессию, а жену: архитектор – архитекторша, президент – президентша, дирижер – дирижерша, композитор – композиторша и т. д. Оговоримся, что внутри этих групп есть некоторые исключения.

Очевидно, что третья группа, а частично и вторая, отражают воззрения общества на женщину как на производное от мужчины и создают определенный психолингвистический эффект. Таким образом, грамматический способ на самом деле оказывается не только средством словообразования, но и мощным идеологическим средством внушения и внедрения в глубины сознания мысли о том, что женщины, занимающиеся некоторыми профессиями (из третьей группы), являются как бы пародией на мужчину и занимаются «не своим» делом.

Примеров лингвистического сексизма множество. Причем одни из них достаточно явные, другие менее очевидны, третьи так хорошо замаскированы, что попадающий в «ловушку» даже и не осознает этого. Тенденция «выталкивать» женщину из многих грамматических форм, тем самым тщательно дозируя ее присутствие в языковом пространстве, по всей видимости, оказывает на психику более устойчивое воздействие, нежели грубые виды дискриминации, и проникает в более глубокие пласты именно в силу своей неочевидности.

Попытаемся показать вклад основных средств массовой информации в формирование основных гендерных конструкторов, а также способы их

⁸³ См.: Гендер как интрига познания. Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. М. 2002. 142 с.

воздействия на личность.

Галанова И. В.

5. 1. Гендерные образы в художественной и периодической литературе

Журналистика, как любое проявление массовой культуры и массового сознания, невозможна без стереотипных, устойчивых представлений о должном и недолжном, дурном и праведном, положительном и отрицательном. Эти стереотипы складываются из устойчивых представлений, восходящих к заповедям мировых религий, фольклорным представлениям и национальному опыту. В то же время стереотипы имеют свойство меняться с ходом времени. Не в последнюю очередь это относится к гендерным стереотипам – представлениям о «хороших» и «плохих» женщинах и мужчинах и взаимоотношениях их ролей в том или ином обществе.⁸⁴

Анализ газет, предпринятый Ассоциацией журналистов, показал, что в материалах национальных средств массовой информации доминируют преимущественно два типа женщин: это сексуальный объект и счастливая домохозяйка – подруга мужчины. Стереотипно предстают и образы «ролевых моделей»: мужчин – это, как правило, удачливый бизнесмен, претендующий на звание супермена во всем. Негативные оценки чаще всего получают женщины, несогласные с традиционными ролями.

В последнее время ситуация начинает меняться, и в периодике все чаще появляются статьи как об активных и успешных женщин, так и о мужчинах, готовых заниматься воспитанием детей и способных на проявление человеческих чувств.⁸⁵

Как отмечают Т. Д. Араканцева, О. В. Заводилкина, гендерные стереотипы – это рецидив несвободного сознания, доставшегося нашей прессе с советских времен, характерные проявления гендерной цензуры (по отношению к обоим полам); явление, обедняющее представление печати о реальной жизни и тормозящее свободное развитие средств массовой информации, а также развитие общественного сознания⁸⁶.

В практике средств массовой информации сегодня широко используются методы подсознательного стимулирования, когда отношение аудитории к тем или иным явлениям окружающей среды

⁸⁴ См.: Рождественская Н. А. Роль стереотипов в познании человека человеком // *Вопр. психологии*. 1986. № 4. С. 69–76

⁸⁵ См.: Ковалев Д., Сосновская В. Дамы в дамках // *Карьера*. 2005. № 3. С. 58–64.

⁸⁶ См.: Араканцева Т. Д., Заводилкина О. В. Как мальчики становятся мальчиками, а девочки девочками // *Семейная психология и семейная терапия*. 1997. № 1. С. 118–121.

формируется с помощью стандартизированных упрощенных представлений (стереотипов, имиджей, мифов, слухов), которые внедряются в поток «организованных» новостей, автоматически вызывая в массовом сознании либо отрицательную, либо положительную реакцию на конкретное событие. «В эпоху торжества метросексуалов мужские гляцевые журналы очевидным образом демонстрируют более тонкий вкус и больше женственности, чем дамские. Новую педагогику, однако, никто не придумал, но вот возможности обучения, выбора профессии и построения карьеры от физиологического пола более не зависят» – утверждает М. Леско⁸⁷.

Задача газет в процессе убеждения – создать прочное, устойчивое отношение к данному явлению. Печать имеет широкий диапазон целей и задач убеждающего внушающего влияния. Сюда входит не только формирование убеждений, но и побуждение к действию, воспитание привычек.⁸⁸

Г. С. Мельник подчеркивает то, что в последние годы усилился интерес журналистов к фрейдизму, объясняющему поведение человека как реализацию бессознательных инстинктов. Это связано с устранением цензуры, снятием табу на ранее запретные для массового обсуждения темы. В печати появилось немало текстов, в которых актуализируются влечения человека. Например, Н. Н. Богомолова считает, что печать предоставляет информацию, среди которой чуть ли не главное место занимает принуждение к сексуальному потреблению. Под давлением этого человек чувствует себя прямо – таки обязанным стремиться к сексу ради него самого, развивать интерес к сексуальности в ее деперсонализированном облики⁸⁹.

Н. И. Ажгихина пишет о том, что во многих публикациях, освещающих взаимоотношения полов, звучит правильная мысль о том, что секс повышает жизненный тонус, заряжает человека энергией, способствует развитию его творчества. Но часто в подобных публикациях читателя шокируют описание техники секса, откровенные подробности из жизни известных и неизвестных людей⁹⁰.

О. И. Ключко отмечает, что современная литература развивается достаточно традиционно. Вместо ограниченного выбора, типичного для советского периода, возникла огромная и разнородная масса, которую

⁸⁷ См.: Леско, М. Лицом в пол. // Карьера. 2005. № 3. С.53–57.

⁸⁸ См.: Мельник Г. С. MASS MEDIA: психологические процессы и эффекты. СПб., 1996. 160 с.

⁸⁹ См.: Богомолова Н. Н. Социальная психология печати, радио и телевидения. М., 1991. 127 с.

⁹⁰ См.: Ажгихина Н. И. А кони все скачут и скачут/ И. Н. Ажгихина В России что-то происходит. М., 2000. С. 13–15.

можно схематично дифференцировать следующим образом:

– ориентированы на женщин – книги по рукоделию и домоводству, воспитанию и обучению детей, руководства по оздоровлению, лечению и уходу за собой, реже – детективы и, конечно, абсолютные лидеры – любовные романы и журналы мод;

– ориентированы на мужчин – детективы и боевики, ужасы и эротика, пособия по боевым искусствам, несколько реже – справочная литература по строительству, ведению приусадебного хозяйства, охоте, рыбалке, безусловные бестселлеры – литература по вождению и ремонту автомобилей, а также рекламные издания типа «Авторевю» и «Клаксон». Таким образом, в литературе также четко разделены области доминирования мужчин и женщин с учетом традиционных образов и стереотипов.

Особенно показателен анализ таких книг, как "Энциклопедия для женщин" и "Энциклопедия для мужчин", содержание которых, как правило, включает в себя ту же тематику с добавлением четко разделенных по признаку пола правил поведения, которые превращают подобные издания в энциклопедии гендерных стереотипов.

Весьма характерно появление специализированных изданий типа «Как стать привлекательной и женственной». «Как нравиться мужчинам» и, наконец, «Как выйти замуж», так как они иллюстрируют тезис о том, что замужество и семья нужны преимущественно женщине, и она должна «заслужить» это и быть достойной мужчины. Это особенно актуально вследствие того, что мужчин по статистике меньше, чем женщин: например, в Мордовии на 1 000 мужчин приходится в среднем 1 160–1 180 женщин. Аналогичные издания для мужчин отсутствуют за исключением пособий по бодибилдингу, если, конечно, атлетическое сложение считать основным параметром привлекательности мужчин⁹¹.

Таким образом, влияние печати на формирование гендерных стереотипов юношей и девушек трудно переоценить. На основе тех образов, которые представлены в журналах, у юношей и девушек создается свой собственный образ «идеального мужчины», но основанный на том образе, который представлен в печати. Сравнивая себя с представленным образом «идеального мужчины» и «идеальной женщины», юноша и девушка стремятся вести себя соответственно данному образу. Если представления об «идеальном» образе мужчины/женщины не соответствуют реальному образу, возникают разнообразные комплексы и внутриличностные конфликты, возрастает тревожность.

⁹¹ См.: Ключко О. И. Мужчины и женщины: проблемы современной социализации. Саранск, 2002. С. 52.

5. 2. Телевидение как инструмент гендерных технологий

Стремительно возрастающий объем массовой информации стал отличительной особенностью современного общества. Информационный взрыв в значительной мере определяет психологический тип современного человека. Одной из самых актуальных проблем в изучении коммуникации, являются проблемы оценки и измерения психологических аспектов телевизионного воздействия на человека. Телевидение уделяет значительную часть экранного времени показу насилия. Корреляционные и экспериментальные исследования, описанные Д. Майерсом, сходятся во мнении о том, что просмотр сцен насилия по телевидению создает почву для усиления агрессивного поведения, снижает восприимчивость зрителей к агрессии и искажает их представления о реальности⁹².

Более того, было отмечено, что просмотр боевиков детьми 8-ми лет в умеренной степени предопределяет агрессивность в 19 лет, но агрессивность в 8 лет не предопределяет увлечение телебоевиками в 19 лет. Это означает, что не агрессивные наклонности делают людей любителями «крутых» фильмов, а напротив, боевики способны спровоцировать человека на совершение насилия. Если же человек от природы предрасположен к насилию, то эффект, оказываемый сценами насилия, особенно силен, когда привлекательный положительный герой совершает справедливый, реалистичный, но не травмирующий чувства зрителя акт насилия и остается безнаказанным.

Н. Н. Богомолова⁹³, Л. В. Матвеева⁹⁴ и другие считают, что социальное насилие вызывается не наблюдением насилия как такового, а возбуждением, продуцируемым наблюдением насилия. Возбуждение обычно нарастает лавинообразно и последовательно заряжает энергией различные виды поведения. Г. С. Мельник и другие исследователи считают, что наблюдение насилия растормаживает, программирует зрителя на агрессивное поведение, активизируя мысли, связанные с насилием⁹⁵.

Помимо агрессивного поведения, телевидение также преподает уроки позитивного поведения. Телевизионные просоциальные модели имеют даже большее влияние, чем антисоциальные модели. Люди, смотрящие позитивные, неагрессивные передачи более готовы к

⁹² См.: Майерс, Д. Социальная психология. СПб., 1996. С. 510–511.

⁹³ См.: Богомолова, Н. Н. Социальная психология печати, радио и телевидения. М., 1991. 127 с.

⁹⁴ См.: Матвеева, Л. В., Экранный образ и личностные особенности телеведущих // Психол. журнал. 1999. № 1. С. 20–30.

⁹⁵ См.: Мельник Г. С. MASS MEDIA : психологические процессы и эффекты. СПб., 1996. 160 с.

сотрудничеству, склонны к помощи и способны более точно определять свои чувства.⁹⁶

В восприятии телеизображения участвуют, так или иначе, все органы чувств человека и особенно зрительный. Телевидение создает искусственную среду общения, которую все склонны воспринимать как реальный мир. Телевидение, которое объединяет зрительный образ и устную речь, более приближено к межличностному общению, чем печать. Э. Г. Башров говорит о зрительно-звуковом языке телевидения, имея в виду синтез трех звуковых систем: устной речи, изображения и музыки.⁹⁷ Телевидение выполняет несколько значимых ролей:

- 1) регулятора динамических процессов;
- 2) интегратора массовых настроений;
- 3) канала циркуляции психоформирующей информации.

Все это делает телевидение могучим средством воздействия на конкретного человека. Телевидение воздействует на оценки, мнения и поведение людей. М. И. Еникеев отмечает, что, находясь под прессом социального контроля, телевидение становится средством утверждения духовных ценностей и базовых социальных норм, средством социализации подрастающего поколения⁹⁸.

Как определяет Н. Н. Богомолова, именно функция социальной ориентировки, опирающаяся на потребность аудитории в информации, имеет прямое отношение к процессам социализации, понимаемой в широком смысле как процесс и результат активного усвоения и воспроизводства индивидом социального опыта⁹⁹.

Проблемой влияния телевидения на гендерные стереотипы занимались также зарубежные ученые. Так, С. Сильорелли (1989) провел анализ недельных выборок телевизионных программ, которые занимали в эфире лучшее время и обнаружил, что 71 % появлявшихся на экранах людей (из них 69 % главных героев) – были мужчинами. Женщины на телевидении были в среднем моложе, чем мужчины; обладали более привлекательной внешностью и мягким характером; их показывали в контексте романтических интересов, дома, семьи; они же чаще оказывались в роли жертвы. Из десяти замужних героинь только три имели какую-либо работу за пределами дома (в реальной жизни работали

⁹⁶ См.: Матвеева Л. В., Экранный образ и личностные особенности телеведущих // Психол. журнал. 1999. № 1. С. 20–30.

⁹⁷ См.: Влияние средств массовой коммуникации на интересы детей и молодежи: сб. науч. тр. / под ред. Л. С. Школьника и др. М., 1989. 116 с.

⁹⁸ См.: Еникеев М. И. Общая и социальная психология: Учебник для вузов. М., 2000. 624 с.

⁹⁹ См.: Богомолова Н. Н. Социальная психология печати, радио и телевидения. М., 1991. 127 с.

больше половины замужних женщин), и даже если женщины работали, то им, как правило, отводились традиционные женские занятия.

Мужчины же не только значительно чаще появлялись на экране, но и имели уважаемую в обществе профессию (адвокат, врач) либо подвизались в специфически мужской области деятельности. Дж. Аткин и его коллеги исчерпывающим образом проанализировали и описали 555 телевизионных персонажей. Г. Вандеберг и его коллеги (1992) провели анализ 116 телевизионных программ, которые за две недели транслировались в лучшее эфирное время. По их подсчетам, ни в одной из программ соотношение мужских и женских ролей не превысило 2 : 1 (т. е. 65 % мужчин и 35 % женщин). Г. Вандеберг отметил, что мужчин часто изображают жесткими, эгоцентричными, настроенными на агрессию и соперничество. Отрицательными персонажами предпочитают делать мужчин, тогда как женщин стремятся показать чуткими и добросердечными. Д. Девис (1991) провел анализ всех телевизионных программ, вышедших в эфир этой весной. Он насчитал гораздо больше мужских персонажей, чем женских (65 % против 35%). Кроме того, он обнаружил, что взрослые женщины в целом значительно моложе, чем взрослые мужчины (примерно на 10 лет); женщина имеет в четыре раза больше шансов оказаться блондинкой, чем мужчина – блондином, и, наконец, женщины в четыре раза чаще оказываются провокационно одеты, чем персонажи мужского пола.

Анализ телепередач, проведенный Б. Силверстайном показал, что худых женщин на телевидении 69 %, тогда как мужчин – всего 17,5 %. На основе этого Д. Девис приходит к выводу, что такой телевизионный образ внушает нам, что женщина ценится, пока она молода и удовлетворяет принятым в данной культуре понятиям о красоте и женственности.

Анализируя результаты исследования мужского образа в спортивных программах, Д. Сабо и коллеги пришли к выводу, что в спорте мужчины показаны доминантными, мужественными, значимыми, тогда как женщин показывают управляемыми, женственными и обесцениваемыми. В частности, они сообщают, что спортивные средства массовой информации нередко низводят женщину до уровня сексуального объекта и что от 85 до 95 % времени, которое средства массовой информации уделяют спорту, занимает информация о мужском спорте. Из видов спорта, в которых участвуют женщины, полнее освещаются в СМИ те, что более женственны, например, фигурное катание. В репортажах о мужских видах спорта преобладает описание физической силы и доминирования. Когда речь идет о женском спорте, описание часто разворачивается вокруг внешнего вида, привлекательности, грации, а о силе практически не упоминается.

По данным Р. Кимбалл, у детей, которые смотрят телевизор, проявляется гораздо больше аттитюдов, типичных для гендерных норм, чем у сверстников, которые не смотрят телевизор. Люди со стереотипными аттитюдами могут отдавать предпочтение программам, пропагандирующим те же гендерные стереотипы. Дети, которым родители позволяют смотреть подобные передачи, оказываются во власти гендерных стереотипов больше, чем дети, чьи родители запрещают просмотр, но отнюдь не из-за влияния телевидения, а вследствие отношения родителей. Экспериментальные исследования показали, что телевизионные модели могут влиять на восприятие ребенком гендера.¹⁰⁰

Обобщая сказанное выше, можно сделать вывод, что телевидение является не только средством социализации личности, но и способом формирования гендерных стереотипов и ролей у мужчин и женщин. При этом формируются как позитивные, так и негативные гендерные роли, а также отношение к ним. Гендерные стереотипы являются очень устойчивыми и с годами меняются очень незначительно. Гендерные стереотипы, представленные в средствах массовой информации, в том числе и на телевидении, воздействуют на оценки, мнения, поведение людей. С помощью телевидения происходит «навязывание» людям определенных гендерных ролей.

5.3. Роль рекламы в формировании гендерных стереотипов

Телевидение обладает мощным потенциалом формирования общественного мнения, воздействуя на оценки и поведение людей; утверждает духовные ценности, базовые социальные нормы; является средством социализации подрастающего поколения, обеспечивая реализацию ее ведущего механизма и феномена полоролевой идентификации, усвоения стереотипов. В этом отношении значимость, авторитарность массовых коммуникаций имеют для старшего школьного возраста большое значение, так как старший школьный возраст является завершающей стадией персонализации, где главными новообразованиями являются развивающееся мировоззрение, образование целостных представлений о себе, или «Я-концепция», формирование жизненных планов, процессы личностного и профессионального самоопределения. Основными составляющими «Я-к о н ц е п ц и и» являются самооценка и «Я-образ».

¹⁰⁰ См.: Влияние средств массовой коммуникации на интересы детей и молодёжи: сб. науч. тр. / под ред. Л. С. Школьника и др. М., 1989. 116 с.

Наиболее ярко специфику массово-коммуникационных процессов отражает реклама. Реклама – это вид воздействующей коммуникации, высокотехнологическое и высокоинтеллектуальное производство образов, которые управляют людьми. На первом месте по частоте встречаемости, силе соблазнительности в рекламной продукции выступает стереотип идеального женского образа. Данный гендерный стереотип отрицательно сказывается на самореализации женщин, выступает барьером в развитии индивидуальности. Особую опасность транслируемые социальные нормы представляют для подрастающего поколения, они воспринимаются ими как «реальный мир», не подвергающейся сомнению. При сравнении юношами и девушками себя с эталонами мужественности и женственности не исключено формирование неадекватной самооценки, негативное принятие себя, что ведет к возникновению внутренних конфликтов, нарушению общения и в целом свидетельствует о неблагополучном развитии личности.

Пол с возрастом дает более глубокое по сравнению с принадлежностью к определенному классу или какой-либо социальной группе понимание того, какой должна быть наша первичная природа, в каких ситуациях она может и должна быть продемонстрирована. Так, Т. В. Бендас отмечает, что, поскольку мужчины и женщины в обществе не равны по статусу (мужчины – высокостатусные, обладающие властью, а женщины – низкостатусные, безвластные), то и в речи они демонстрируют различные паттерны. Мужчины нарушают правила очередности, доминируют, а женщины следуют правилам политеса – обходительного общения, заботясь о том, чтобы не обидеть партнера.¹⁰¹ В рекламе целесообразно делать акцент на «поэзии», фантазии, гендерном отличии между полами и др. Есть три темы, апеллирующие к бессознательным пластам психики и почти всегда вызывающие интерес: секс; криминал, связанный с насилием; успех. Следовательно, гендерная образность попадает в разряд тем, вызывающих обязательный интерес у зрителя.

Репрезентируемый через рекламные продукты гендерный «дисплей», «театр» гендерных отношений и гендерных стратегий носит прежде всего эротический характер, сводя все к технике заигрывания, при этом негласно отводя женщине традиционную роль объекта мужского вожделения, а мужчине – роль неутомимого сексуального охотника. В действительности же аспект гендерных отношений более широк, многообразен, глубок и сложен. Более того, сами эти отношения при участии рекламы превращаются в товар. Если товар «закономерно» становится отличительным знаком человека и его

¹⁰¹ См.: Бендас Т. В. Гендерная психология: учеб. пособие. СПб., 2005. С. 271.

отношений в потребительском обществе, то его образ, чувства и отношения легко превращаются в товар. Реклама осуществляет перенос социального статуса или индивидуального чувства на определенный продукт. Мы покупаем свое положение в обществе, на работе, в семье, на вечеринке, в школе, свое отношение к другим людям, свой образ и имидж.

Очевидно, что залогом успешной работы рекламы по ее воздействию на потребителя, помимо пронизываемости значений, является ее искушающе-соблазняющий характер. Реклама не только обещает получение удовольствия одновременно с приобретением продукта, но и формирует само желание. И первым шагом на этом пути является создание желаемого объекта.

Одним из самых соблазнительных и желаемых и, следовательно, одним из самых главных символов в мифологии потребления стала женщина, включая ее тело, которое является одновременно и инструментом, и средством; далее по силе эффекта привлекательности следуют дети, затем животные, особенно домашние, и только потом – мужчины¹⁰². Т. Я. Мурза отмечает, что рекламный образ обладает притягательной силой, ему хочется подражать. Существует некая средняя «рекламная женщина», образ которой, по замыслу его создателей, должен обладать магнетической притягательностью для всех¹⁰³.

Г. Ассэль говорит о том, что тело, являясь элементом «реального» порядка, в рекламе имеет атрибут господства, выступает инструментом исполнения власти. Женское тело, демонстрируемое сегодня на российской рекламной панели, несет достаточно новую для себя функцию экономического, а не политического обмена; в большинстве случаев это можно метафорически назвать «телом западной рекламы». Это новое тело порождает совершенно другой, незнакомый ранее новый культ здоровья, гигиены, раскрепощенности, юности и, наконец, красоты. Красота рассматривается теперь не как единство образа, а позволяет выделить те или иные части женского тела¹⁰⁴. Львиная доля рекламной продукции демонстрируется именно на фоне красивых женщин, частей женского тела или женских тел¹⁰⁵.

При всех колебаниях во взглядах на идеальное женское тело всегда остается образ нежной, стройной, миниатюрной, лишенной

¹⁰² См.: Грошев, И. В. Гендерные образы рекламы // *Вопр. психологии*. 2000. № 6. С. 119–133.

¹⁰³ См.: Мурза Т. Я. Реклама в женских журналах как социально-психологический феномен // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18*. 2001. № 3. С. 106–112.

¹⁰⁴ См.: Ассэль, Г. *Маркетинг: принципы и строения: учеб. для вузов*. М., 1999. 289 с.

¹⁰⁵ См.: Зазыкин, В. Г. *Психология в рекламе*. М., 1992. 199 с.

волос на теле, со «слабыми мускулами» женской фигуры, чьи формы округлы и плавно протекающие, а кожа мягка и гладка. Это тело не должно свидетельствовать ни о силе, ни о мощи, ни о самостоятельности и мужественности, т. е. о властных полномочиях.

Психологи отмечают, что женщины под действием рекламы, ориентированные на эти нормы, всегда неудовлетворены – и не стандартом, а собой. Рекламная «внушаемость» многих женщин пока не стала предметом серьезных психологических исследований, однако сам факт ее существования признается. Внушение в общем виде можно представить как психологическое воздействие, которое осуществляется с помощью речи и неречевых средств и отличается сниженной аргументацией. Внушение принимается индивидом при сниженной степени осознанности и критичности, становится его внутренней установкой, которая направляет, регулирует и стимулирует психическую и физическую активность, реализуемую при той или иной степени автоматизма.¹⁰⁶ Основой «рекламной внушаемости» женщин может служить их эмоциональность, внутренняя неуверенность в себе, стремление просить совета посторонних.

Реклама является своеобразным зеркалом, в котором женщина может увидеть собственное отражение, существующее в условиях определенного контекста. Неудовлетворенность собой, снижение самооценки, внутри – и межличностные конфликты, возникают у женщин при сравнении себя с рекламируемым образом. Итогом сравнения будет являться стремление женщин приблизиться к стандарту «идеального тела»¹⁰⁷. Можно сказать, что специфика образа женщин в современной рекламной продукции влияет на процесс социализации личности. В самом общем виде процесс социализации означает становление в человеке образа его «Я»¹⁰⁸.

Не стоит думать, что гендерные технологии в рекламе столь интенсивны лишь в отношении женщин. Современные «man's studies» (исследования мужских гендерных конструктов) активно исследуют формы и механизмы создания «настоящего мужчины». Наибольший интерес представляют материалы, посвященные таким институтам мужественности, как спорт, армия и бизнес. Скажем, в анализе традиций мужского воспитания в Америке хорошо показано значение национально-приоритетного развития футбола и бейсбола, создания организаций бойскаутов, оформления образов и символических фигур, репрезентирующих мужественность: Ковбой, Терминатор, Супермен и

¹⁰⁶ См.: Куликов В. Психология внушения: Учеб. пособие / под. ред. А. Г. Ковалева. Иваново, 1978. С. 79.

¹⁰⁷ См.: Современная реклама / под. ред. О. А. Феофанова. Тольятти, 1995. 704 с.

¹⁰⁸ См.: Лебедев-Любимов, А. Психология рекламы. СПб., 2002. 368 с.

Т. П.¹⁰⁹.

Однако в последнее время наблюдается некоторое снижение жесткости требований гендерных стереотипов в средствах массовой информации. Что проявилось, с одной стороны, в появлении большего количества женщин-дикторов и ведущих программ; женщин-аналитиков в сфере экономики и политики; образов женщин, занимающихся бизнесом, выполняющих обязанности полицейского, военного (кстати, пример названий профессий, не имеющих женского рода) и т. п. С другой стороны, наблюдается появление образов мужчин, которые стремятся к семье, к выполнению роли отца и мужа, помогающих жене как в домашних хлопотах, так и ее реализации в профессиональной сфере, и даже пытающихся выполнить функцию деторождения (в популярной комедии «Младший» с А. Шварцнегером в главной роли, который еще совсем недавно был символом традиционной мужественности, воплощенном в Терминаторе).

Можно сделать вывод, что наиболее полно гендерные стереотипы отражает реклама, которая рассматривает вещь (товар) как средство удовлетворения потребности в самоуважении, престиже, чувстве собственного достоинства. Особенно ярко в рекламе представлены гендерные стереотипы, где на первом месте по демонстрации, силе привлекательности и соблазнительности стоит стереотип идеального западного женского и мужского образа. Мужчины и женщины под действием рекламы, ориентированной на нормы идеального образа, всегда неудовлетворены и недовольны собой.

Гендерные стереотипы в СМИ препятствуют развитию индивидуальности человека: теряется чувство собственного «Я», формируется покорность и зависимость. Печать за свою долгую историю овладела богатством аргументации (умением убеждать, воздействовать на сознание людей). Телевидение же моделирует желания населения, глубоко укореняя традиционные гендерные роли.

В качестве рекомендаций для педагогов и родителей можно предложить следующее:

- необходимо формировать у детей адекватное самосознание, положительное отношение к себе, самоуважение, стремление к самопознанию и самоактуализации вне зависимости от пола ребенка;
- обучать критическому восприятию информации, представленной в разнообразных СМИ: детской литературе, периодике, радио и телевидении;

¹⁰⁹ См.: Кон И. Двойной стандарт: фрагм. из книги «Вкус запретного плода. Сексология для всех» // Семья и школа. 1996. № 4. С. 15-19. Кон И. Настоящий мужчина: мифы и страхи [отрыв. из кн.] // Семья и школа. 1996. № 3. С. 30-34.

➤ расширять содержание учебных предметов для показа и анализа разнообразных, нестандартных образов мужчин и женщин, их вклада в развитие науки и общества;

➤ использовать методы активного обучения с целью успешной социализации и индивидуализации нового поколения в контексте аудиовизуальной культуры (см. практикум).

Ключко О. И.

ГЛАВА 6. ГЕНДЕРНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

6.1. Гендерное измерение в образовании

Институт образования наряду с остальными агентами социализации определяет гендерные идентичности, а в связи с этим - имеющиеся у людей возможности личного, гражданского и профессионального выбора. Этот процесс не является явной или намеренной целью, и тем не менее образовательные учреждения преподносят влиятельные уроки гендерных отношений. Педагоги выделяют ряд направлений гендерного анализа образования или анализ так называемого скрытого учебного плана (калька с английского термина *hidden curriculum*). Это, во-первых, организация самого учреждения, включая гендерные отношения на работе, гендерную стратификацию учительской профессии. Во-вторых, сюда относится содержание предметов, а, в-третьих, стиль преподавания. Эти три измерения скрытого учебного плана не просто отражают гендерные стереотипы в процессе социализации, а поддерживают гендерное неравенство. Рассмотрим более подробно проявления скрытого учебного плана.

1. *Особенности социального устройства образовательного учреждения.* Образовательные учреждения отражают гендерную стратификацию общества и культуры в целом, демонстрируя на своем примере неравный статус женщин и мужчин: как правило, преподаватели, секретари и обслуживающий персонал – женщины, а директор школы или ректор университета – мужчина.

Педагогический состав учреждений начального и среднего образования на 90 % состоит из женщин, а с повышением статуса образовательного учреждения (от детского сада к университету) число женщин педагогов уменьшается. Хотя для современной России в целом характерна феминизация высшего образования и науки, все же среди преподавателей вузов мужчины сегодня представляют больше половины кадрового состава (в ряде вузов, например педагогических, количество мужчин не превышает 20 %), а менее оплачиваемый состав научных лабораторий почти наполовину состоит из женщин. При этом базовый средний оклад преподавателей-мужчин на 35 % выше, чем средний оклад преподавателей-женщин¹¹⁰.

Те учебные заведения, руководителями которых являются женщины, представляют чрезвычайно важный источник идентификации.

¹¹⁰ См.: Горшкова И., Беляева Г. Профессиональное самочувствие женских научно-педагогических кадров МГУ (Результаты опроса 1998 года) // Женщина. Гендер. Культура. М., 1999. С. 194–207.

Российскими исследователями было отмечено, что наши соотечественники среди школьных предметов важными для мальчиков считают математику, физику, физкультуру, компьютерные знания, а для девочек – домоводство, литературу и историю, этику и психологию семейной жизни, половое воспитание. Тем самым программируется и выбор профессии в зависимости от пола. Кроме того, в школах и училищах на уроках труда закрепляются стереотипы женской и мужской домашней работы. Соответственные роли усваиваются будущими учителями не только в их семьях, но и в педагогических вузах¹¹¹.

2. *Содержание предметов.* Стереотипное изображение мужчин как нормы активных и успешных, а женщин как «невидимок» (их просто нет, они отсутствуют в репрезентации) или маргинальных, пассивных и зависимых продолжает воспроизводиться в учебных материалах и специализированных источниках, применяемых в обучении на уровне среднего¹¹² и высшего образования¹¹³.

Последствия такой неадекватной репрезентации женщин в учебных материалах следующие. Во-первых, учащиеся могут незаметно для самих себя прийти к выводу, что именно мужчины являются стандартом и именно они играют наиболее значимую роль в обществе и культуре. Во-вторых, тем самым ограничиваются знания учащихся о том, какой вклад внесли женщины в культуру, а также о тех сферах нашей жизни, которые по традиции считаются женскими. В-третьих, на индивидуальном уровне стереотипы, содержащиеся в образовательных программах, в большей степени поощряют к достижениям мужчин, тогда как женщины выучивают модели поведения, в меньшей степени соотносящиеся с лидерством и управлением.

3. *Коммуникационные процессы.* Стиль преподавания, формы отношений в учебной аудитории влияют на гендерную социализацию учащихся и часто недооценивают женщин, их способ учиться и выражать знания. В 1982 году в США Р. Холл и Б. Сэндлер провели первое исследование вербальных и невербальных коммуникационных практик в образовании. Это исследование стало классическим образцом подобных проектов, которые проводились в школах и колледжах, на образовательных сессиях для взрослых и в университетах.

Воспитатели детских садов и учителя школ продолжают усилия семьи по формированию разного типа поведения у девочек и мальчиков:

¹¹¹ См.: Воронина О. А. Права женщин в сфере образования // Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания: в 2 т. Т. 1. М., 1998. С. 301–305.

¹¹² См.: Барчунова Т. Сексизм в букваре // ЭКО. Новосибирск. 1995. № 3.

¹¹³ См.: Гендерная экспертиза учебников для высшей школы / под ред. О. А. Ворониной. М., 2005. 260 с.

замечено, что выкрики с места, мелкие нарушения дисциплины, допущенные девочками, вызывают активное неприятие учителей, тогда как мальчикам те же действия «сходят с рук». Со стороны учителей и родителей на девочек оказывается сильное давление, чтобы заставить их беспрекословно подчиняться всевозможным нормам, правилам и традициям. К отклонениям от норм поведения мальчиков относятся терпимо, тем самым стимулируя у них исследовательскую деятельность, и налагают запрет на нее у девочек.

Различия в отношении учителей к учащимся разных полов выражены еще ярче в случае одаренных детей и подростков. Так, учителя считают, что одаренные мальчики превосходят одаренных одноклассниц в области критического и логического мышления, в творческом решении задач. Учителя-мужчины воспринимают одаренных учениц более традиционно, чем учительницы, т. е. более эмоциональными, покладистыми, доверчивыми, с менее развитым воображением, любознательностью, изобретательностью. Также было обнаружено, что учителя дают относительно низкие оценки тем ученицам, которые проявляют способности к аналитическому мышлению, к выдвижению собственных оригинальных идей, показывают сопротивление традиционным условностям. Мальчики же с подобными характеристиками имеют у учителей высокий рейтинг.¹¹⁴ Аналогичная практика взаимодействия продолжается и на уровне вузовского образования.

Скрытый учебный план, таким образом, отождествляется с метакоммуникацией как языком, посредством которого осуществляется социальный контроль. Прежде всего, это выражается в том, что педагоги поощряют мальчиков к самовыражению и активности, а девочек — к послушанию и прилежанию, опрятному внешнему виду; с мальчиками проводится больше индивидуальных занятий, им посвящается больше времени, чем девочкам. Кроме того, господствующие формы преподавания опираются на маскулинные способы общения. Например, экзамены в форме тестов, индивидуальные доклады, соревнование за оценки поощряют пресловутую «мужественность». От этого страдают как девочки, так и мальчики, хотя бы потому, что у тех и у других не развиваются навыки критического мышления, умения задавать вопросы, коллективно обсуждать и решать проблему¹¹⁵.

На существующее положение вещей, например на стойкость гендерных стереотипов о способностях и образовательных предпочтениях женщин и мужчин, влияет и популяризация выводов научных исследо-

¹¹⁴ См.: Попова Л.В. Гендерные аспекты самореализации личности: учеб. пособие к спецсеминару. М., 1996. С. 17–18.

¹¹⁵ См.: Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. М., 2002. С. 47–48.

ваний. Новые возможности для женщин и мужчин, принципы гендерного равенства в образовании могут осуществляться в пространстве рефлексивной игры и свободы, где отказываются от муштры, агрессии и «дрессировки» в пользу мягкости, деликатности и уважения. Учащийся и преподаватель выступают партнерами, которые совместно и активно планируют изменения, контролируют успехи и оценивают качество достигнутого, открыто обсуждают конфликты и находят способы их разрешения. Поэтому сама организация учебного процесса предполагает открытость и гибкость, возможность экспериментов и альтернативных решений наряду с традиционными.

6.2. Школьные учебники и детская литература как предмет гендерного анализа

На определенных этапах развития личности школа является одним из основных институтов социализации, и хотя учителя – важнейшие источники влияния на учащихся в школе, не следует забывать, что школьные учебники – неперенный атрибут учебного процесса и в период школьного обучения – средство массовой информации. Учащиеся постоянно ими пользуются, изучают и рассматривают то, что в них включено.

Анализ этого материала показывает, что учебники и учебные пособия полны проявлениями сексизма: в большинстве случаев мальчики изображаются главными действующими лицами, как правило – смелыми, независимыми, способными на риск, а девочки – пассивными, второстепенными персонажами, ожидающими помощи и поддержки. Л. В. Поповой и Н. А. Орешкиной был проанализирован ряд учебников для начальной и средней школы и обнаружено, что в них в качестве главных действующих лиц также преобладают мальчики¹¹⁶.

На иллюстрациях в 66 % изображены только мальчики и мужчины, тогда как девочки и женщины присутствуют только на 13,6 % картинок. Еще больший дисбаланс характерен для рассказов, упражнений и задач: в 81,2 % повествуется о только мальчиках и мужчинах и лишь в 17,9 % – девочках и женщинах. В подавляющем числе иллюстраций, рассказов, упражнений женские персонажи наделены стереотипными характеристиками: их спасают, защищают, поучают.

Однако известно, что количество может и не быть самым значимым показателем. Каково же содержание иллюстраций, рассказов, в которых

¹¹⁶ См.: Попова Л. В. Как школа может содействовать реализации способностей одаренных девочек / Л. В. Попова, Н. А. Орешкина // Педагогическое обозрение. 1995. № 3. С. 41–46.

фигурируют девочки и мальчики? Какие роли им отводятся, какими характеристиками они наделяются? Содержательный анализ помогает раскрыть доминирование обыденных стереотипов относительно места мужчин и женщин в жизни и обществе. В тех редких случаях, когда женщины и девочки появляются на страницах учебников, они в большинстве случаев представляются пассивными, зависимыми, несамостоятельными: они болеют, заблудились, им помогают, их спасают. Они показаны в ситуациях, закрепляющих стереотипные представления о полах: в математических задачах, в которых действуют лица женского пола (они составляют лишь 1/4 всех задач), они занимаются преимущественно покупками и кухней. Мужчины и мальчики на иллюстрациях в учебниках изображены активными, занятыми работой, своим хобби: играют в шахматы, во что-то играют все вместе, работают или же в традиционном виде (мальчик лежит на тахте в задумчивости).

А вот упражнение для закрепления порядковых числительных с примером для подстановки: «Я родился в ... году». Такой пример ставит, по крайней мере, половину класса в положение людей, которых не стоит замечать. Вот упражнение «Чем пахнут ремесла» из учебника русского языка: на сопровождающей картинке и в самом упражнении, посвященном профессиям, представлены только мужчины. Скрытое «послание» очевидно: мир профессий существует, в первую очередь, для мужчин, а для женщин – это второстепенно.

Стереотипные представления могут проявляться весьма тонко через неосознаваемый подбор лексики. Л. В. Попова отмечает, что «в учебнике математики для 1-го класса в тех случаях, когда речь идет о девочке, используется глагол отдала, т. е. поделилась, проявила женское качество заботы о других. Когда речь идет о мальчике, мужчине, чаще употребляется выражение он дал, которое имеет несколько другой смысловой оттенок»¹¹⁷.

Скрытый и явный сексизм присутствует в учебниках для старших классов, давая веские основания для предположения о некоторой доле влияния на профессиональный выбор девушек и юношей. Например, в учебниках по алгебре и началам анализа приведен ряд портретов ученых со времен древней истории до наших дней. В нем представлены только мужчины, несмотря на то что в истории человечества существовали выдающиеся женщины-математики, и им пришлось преодолеть исключительные препятствия (проявить исключительные качества личности) для того, чтобы реализовать свои способности.

Обращаясь к учебникам истории, мы также очень мало можем

¹¹⁷ См.: Попова Л.В. Гендерные аспекты самореализации личности: Учеб. пособие к спецсеминару. М., 1996. С. 19.

узнать о женщинах. Даже если известны их имена, то это имена жен и дочерей (по отношению к мужьям и их деятельности), а не самостоятельные личности. Например, княгиня Ольга известна как жена князя Игоря, отомстившая за убийство мужа. Однако ее по праву можно назвать родоначальницей древнерусской государственности: она отказалась от практики взимания дани «въсхыщая и грабя», установила фиксированные размеры дани согласно размерам и благополучию каждого племени, построила защитные «крепостицы». Княгиня продемонстрировала триумф средневековой дипломатии: за время ее правления (945–964 годы) Русь практически не воевала, решая конфликты с помощью переговоров (примечательно, что в составе ее посольств были женщины), а ее крещение, как показывает Н. Л. Пушкарева, было продуманным и далеко рассчитанным политическим шагом¹¹⁸.

Почему же мы почти ничего не знаем об Ольге как о выдающейся государственной деятельнице? Причин, скорее всего, две. Одна из них связана с доминирующей концепцией истории, безусловно, маскулинной, так как учебники истории рассказывают нам преимущественно о войнах, сражениях, завоеваниях и немного – об искусстве и науке. Княгиня Ольга не вела войн, а это с точки зрения военной истории не триумф, а поражение. Кроме того, история, с которой мы знакомы, – история военная, экономическая, политическая, но не социальная. В ней нет места повседневности и приватной сфере, следовательно, нет места и женщинам. Лишь в последние годы стал актуальным вопрос не только о реальном вкладе женщин в историю цивилизации, но и том, как влияет односторонняя историческая интерпретация на статус женщин в современном обществе. Вторая причина, вероятно, в существующих гендерных стереотипах, в частности, когда деятельность женщин интерпретируется как личная, семейная, а не общественно значимая¹¹⁹.

Исследователи разных стран неоднократно обращались к анализу детского чтения, выявляя в большинстве случаев те же жестко заданные стереотипы: например, мужчины чисто количественно значительно преобладают в сказках и детских историях и изображаются активными, ищущими приключений, спасающими друзей и девочек, которые традиционно попадают в беду. В детских книгах старательно обходятся примеры представленности женщин в «мужских» профессиях. Например, в книге «Чем пахнут ремесла?» нет ни одного изображения женщины. Зато дом на любой из картинок – место обитания женщины. Прекрасные стихи С. Михалкова «Мамы всякие важны» – редчайшее исключение в детской

¹¹⁸ См.: Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 17.

¹¹⁹ См.: Репина Л. П. Гендер в истории: проблематика и методология // Теория и методология гендерных исследований: Курс лекций / под общ. ред. О. А. Ворониной. М., 2001. С. 351–365.

литературе.

Совершенно исключительными по степени внушения гендерных стереотипов, по мнению Н. Пушкаревой, оказываются детские сказки¹²⁰. Многие героини любимых сказок («Морозко», «Крошечка-Хаврошечка») являются сначала жертвами, а потом объектами спасения, причем безропотные «золушки» одобряются и восхваляются. Награда же за послушание и рабский труд – прекрасный принц, жених и богатство.

Отцы и мужья героинь – добрые люди («Аленький цветочек», «Сказка о царе Салтане»), но не могут противостоять злу в виде мачех и чудищ и защитить дочь/жену. В русских народных сказках и былинах все же находятся сильные героини, например Василиса Премудрая, Василиса Микулишна, богатырки, царь-девицы, которые ни в чем не уступают мужчинам и даже часто превосходят их, однако таких сказок немного и они мало представлены в сборниках для детского чтения.

Близкий к детскому чтению род занятий – игра – тоже очень рано закрепляет в сознании детей репрезентацию мужского и женского. Например, магазины игрушек обычно категоризируют товары по половому признаку: игрушечные котята и крольчата рекомендуются девочкам, а львы и тигры считаются более подходящими для мальчиков. Более того, расположение игрушек в игровой комнате детского сада способствует разделению на зоны игры для мальчиков и девочек.

Таким образом, анализ показывает резкую гендерную асимметрию образования как в его содержании, так и в методах. Поэтому необходимо гендерное просвещение, охватывающее все уровни системы образования – педагоги и администрация дошкольных, общеобразовательных учреждений, средних и высших профессиональных учебных заведений, студентов – будущих педагогов.

Л.В.Штылева предлагает ряд мер по гендерному просвещению педагогов¹²¹:

1. изучение материалов по гендерным исследованиям;
2. изучение собственных гендерных стереотипов, установок, моделей поведения педагогов;
3. гендерный анализ методического сопровождения образовательного процесса – программ, учебных планов, книг для чтения и хрестоматий, методических и учебных пособий;
4. изменение предметной среды и методических материалов, используемых в работе с детьми: сценариев праздников и воспитательных

¹²⁰ См.: Пушкарева Н. Л. Сексизм в литературе для детей и пути его преодоления // Гендерный подход в дошкольной педагогике: теория и практика: в 2 ч. / под ред. Л. В. Штылевой. Мурманск, 2001. С. 49–51.

¹²¹ См.: Гендерный подход в дошкольной педагогике: теория и практика: в 2 ч. Ч. 2. / под ред. Л. В. Штылевой. Мурманск, 2001. С. 59.

мероприятий, планов занятий;

5. педагогическая рефлексия и изменение собственных моделей поведения во взаимодействии с детьми разного пола.

На сегодняшний день выделено несколько направлений работы с детьми по дополнению и расширению их гендерной социализации в системе образования:

- дополнение зон самореализации (например, поощрение девочек к занятиям спортом, а мальчиков – к самообслуживанию);
- снятие запретов на эмоциональное самовыражение мальчиками;
- создание для девочек условия для самопоощрения и повышения самооценки;
- создание условий для успешного межполового взаимодействия и общения;
- обучение детей социально-приемлемым формам выражения агрессии;
- предоставление информации о современном взаимодействии мужчин и женщин в семье, политике, экономике, искусстве и других сферах общества, демонстрирование реального разнообразия ролей мужчин и женщин.

Ключко О. И.

ГЛАВА 7. БАРЬЕРЫ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

7.1. Психологические ограничения традиционных гендерных ролей

Результаты гендерных исследований в области социологии, экономики, правоведения свидетельствуют о поразительном неравенстве женщин и мужчин во всем, что касается профессии, оплаты труда, статуса, власти в семье и обществе в целом. Женщины по сравнению с мужчинами непропорционально часто оказываются жертвами сексуальных преступлений и страдают от бедности. Культурные нормы, согласно которым женщин ценят в зависимости от их молодости, стройности и привлекательности, приводит многих к заниженной самооценке и стрессам¹²².

В 1963 году вышла книга Б. Фридан «Загадка женственности», которая и по сей день остается классической работой по психологии женщин¹²³. Она впервые опровергла миф о домохозяйке как успешной и благополучной женщине. Сложность, по мнению Б. Фридан, состоит в том, что многие женщины ощущают неудовлетворенность и одновременно стыдятся этого чувства, так как полагают, что должны быть довольны своей жизнью. Домохозяйки в основном обслуживают других – детей, мужа, престарелых родителей, и хотя их роль важна, женщины ощущают себя в стороне от главных событий. «Любовь, дети, дом – это хорошо, но это еще не весь мир, хотя большинство слов, написанных для женщин, говорят, что это именно так» – пишет Б. Фридан¹²⁴.

Действительно, идеализация материнства практически не позволяет обсуждать, каким тяжелым делом в действительности оно является. Для описания фрустрации, переживаемой женщинами, чьей единственной ролью оказалась роль матери и жены, даже введен специальный термин «синдром домохозяйки», который включает чувства изоляции, одиночества, зависимости, депрессию, сниженную самооценку и повышенную тревожность. Однако часть исследователей подчеркивает, что далеко не все домохозяйки подвержены этому синдрому, так как

¹²² См.: Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / под общ. ред. О. А. Ворониной. М., 2001. 416 с.

¹²³ См.: Фридан Б. Загадка женственности / пер. с англ. М., 1994. 496 с.

¹²⁴ Там же. С. 67.

находят достаточно времени для общественной жизни, хобби, развлечений, а также испытывают удовольствие от заботы о близких¹²⁵.

Женщина, зарабатывающая деньги самостоятельно, пользуется в семье большей властью, однако, как показывает статистика, этот факт практически не снижает тот объем работы по дому, который она выполняет после трудового дня. Во многом это объясняется меньшим размером заработной платы женщин, так как они сконцентрированы в низкооплачиваемых отраслях (здравоохранение, образование, социальная сфера, легкая промышленность), а также стереотипом о том, что именно женщина несет ответственность за дом и детей¹²⁶.

В России отмечается высокий процент женщин, которые являются главой семьи, так как держат в руках семейный бюджет и планируют основные затраты даже в том случае, если не работают. В этом случае мера их ответственности еще выше, но внешняя полнота власти также приводит к фрустрации: женщины заботятся о всех членах семьи, а о них — никто¹²⁷.

Работающая женщина постоянно сталкивается с явлением «стеклянного потолка», т. е. преградами на пути карьерного роста. Стереотип о том, что женщина не может быть хорошим руководителем, очень распространен, причем как среди мужчин, так и среди самих женщин. Это следствие неадекватной самооценки, сформированной во всех институтах социализации. Уровень образования и квалификация российских женщин высоки, но отсутствие карьерных амбиций и преимущественная направленность только на семью резко ограничивают их самореализацию в профессиональной сфере. Наконец, для работодателя женщина значительно менее выгодный работник, чем мужчина, из-за пакета социальных льгот, связанного с уходом за детьми. Она не может оставаться на работе по вечерам, выехать в длительную командировку, имея маленьких детей. Наконец, исследователи отмечают процесс «выталкивания» женщин из тех сфер занятости, которые стали хорошо оплачиваемыми, например банковское дело¹²⁸.

Последние десятилетия внимание психологов в рамках гендерного подхода было сосредоточено преимущественно на традиционной женской роли, что объясняется очевидностью ее недостатков. Однако

¹²⁵ См.: Берн Ш. Гендерная психология. СПб., 2001. С. 124–127.

¹²⁶ См.: Современная семья сквозь призму гендерного подхода // Гендерное просвещение: Вопросы и тексты для дискуссий // Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд), Институт социально-экономических проблем РАН. М., 2005. С. 157–190.

¹²⁷ См.: Лыткина Т. С. Домашний труд и гендерное разделение власти в семье // СОЦИС. 2004. № 1. С. 85–90.

¹²⁸ См.: Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / отв. ред. и сост. Е. Б. Мезенцева. М., 2002. 352 с.

исследователи приходят к выводу, что мужская гендерная роль также чрезвычайно стереотипирована и не лишена недостатков, причем весьма значительных. В число этих недостатков входит норма, отдающая приоритет достижению экономического успеха, что нередко происходит в ущерб личной удовлетворенности и близости с семьей. Эта норма означает, что ценность мужчины определяется величиной его заработка и успешностью на работе. Так как для миллионов мужчин значительный экономический успех недостижим, они могут компенсировать несостоятельность в этой сфере, преувеличенно выставляя напоказ другие аспекты мужской роли – чрезмерную независимость, агрессию, физическую силу и т. п. (так называемая компенсаторная мужественность, ее крайний и деструктивный вариант).

Ш. Берн также отмечает среди компонентов традиционной мужской роли следующие нормы.

1. Норма умственной твердости подразумевает, что мужчина должен быть знающим, компетентным и обязан всегда контролировать ситуацию. Эта норма может мешать восприятию новой информации, быть причиной серьезных ошибок и создавать проблемы в сфере взаимоотношений, так как человек просто не решается задавать вопросы, которые могут выдать, что он недостаточно разбирается в вопросе и отказывается признать, что кто-то более компетентен.

2. Норма физической твердости содержит ожидания того, что мужчина будет физически сильным, ловким и не станет избегать опасности. Это может быть причиной агрессии и раскованного поведения, которое часто включает злоупотребление алкоголем и наркотиками, безответственное отношение к своему здоровью, игнорирование недомоганий, отказ обращаться к врачу, легкомысленные сексуальные связи.

3. Норма эмоциональной твердости подразумевает, что мужчины не должны выражать свои чувства, показывать свои слабости и обязаны сами решать свои проблемы. Причины того, что мужчины получают меньшую эмоциональную поддержку со стороны и имеют меньше подлинно близких отношений, кроются именно в этом запрете на проявление эмоций.

4. Норма антиженственности содержит идею о том, что мужчине следует избегать занятий и личностных черт, ассоциируемых с женскими. Подобно норме эмоциональной твердости, эта норма также подавляет выражение эмоций, не позволяя проявлять желаемые, но считающиеся стереотипно женскими модели поведения, такие, как нежность и эмпатия. Она также может противостоять более справедливому распределению

домашних забот¹²⁹.

В сознании «традиционного» мужчины женские качества отождествляются со слабостью, и поэтому он стремится подавить в себе эти качества во что бы то ни стало. Попытки полагаться только на разум приносят неудачу и ощущение одиночества, так как часто мужчина оказывается некомпетентным в отношениях с близкими людьми. А боязнь оказаться зависимым оборачивается изоляцией: практика показывает, что мужчины с трудом говорят о своих страхах, потребностях, неохотно прибегают к помощи, в том числе и к психологической.

Традиционно мужественность означает отсутствие страха, беспокойства или желание скрыть, преодолеть эти чувства, что толкает мужчину на саморазрушительное поведение: употребление алкоголя, наркотиков, вовлеченность в азартные игры, погружение в работу, пренебрежение отдыхом, отрицание признаков усталости. И даже в сексуальной жизни, как утверждает Карен Хорни, «...стремление к любви часто затмевается переполняющей мужчину внутренней одержимостью доказывать вновь и вновь свою маскулинность себе и другим»¹³⁰.

Таким образом, если долгое время ученые считали, что мужчина более психологически здоров, когда он соответствует патриархальным представлениям о мужественности, то теперь все большее распространение получает следующая точка зрения: стереотипная мужская гендерная роль может быть источником тревоги и напряжения из-за того, что некоторые аспекты этой роли дисфункциональны и противоречивы.

Исследования выявили, что в конце XX века традиционная мужская роль принимается относительно слабо. Однако ранняя социализация и тот факт, что окружающие видятся нам одобряющими эту роль, отсутствие поддержки новых образцов поведения со стороны социальных учреждений – все это тормозит фундаментальные перемены в мужской роли. Клиническая психология и психиатрия также не спешат серьезно воспринять тот факт, что традиционная мужская роль наносит вред душевному здоровью¹³¹.

Большинство зарубежных и отечественных ученых убеждено, что в настоящее время мужская роль переживает глубокий кризис, спровоцированный переменами в обществе. Традиционные мужские способы проявления заботы (финансовое обеспечение семьи и пр.) ценятся по-прежнему высоко только в том случае, если мужчина – единственный источник доходов в семье, но большинство современных

¹²⁹ См.: Берн Ш. Гендерная психология. СПб., 2001. С. 163–189.

¹³⁰ Хорни К. Женская психология / пер. с. англ. СПб., 1993. С. 112.

¹³¹ См.: Психология здоровья: учебник для вузов / под ред. Г. С. Никифорова. СПб., 2003. С. 238–239.

женщин также работают и во многих случаях успешно. Женщины становятся все более независимыми и самостоятельными, а значит и более требовательными. От мужчин ожидается также забота о детях, выражение нежных чувств, помощь в домашних делах – поведение, выходящее за границы патриархальной мужской роли и требующее навыков, которыми большинство мужчин не обладает¹³².

Исследователи обнаружили, что современные женщины предпочитают мужчин скорее андрогинного, нежели традиционного типа. Однако, озадачивает тот факт, что, хотя традиционная мужская роль получает весьма слабую поддержку и мужчин, и женщин, стремление соответствовать ей среди самих мужчин остается скорее правилом, чем исключением.

Результаты гендерных исследований позволяют по-новому взглянуть на многие личностные качества, которые раньше считались преимущественно женскими или мужскими, и оценить их в другом контексте. Например, такое качество, как конформизм чаще понимается в негативном смысле и как более присущая женщинам характеристика. Однако всегда ли конформизм является негативной чертой личности? По мнению Д. Майерса: «Женщины более склонны к филантропии, так как считают, что очень важно помогать людям, попавшим в беду. То обстоятельство, что женщинам более свойственна этика заботы, помогает понять, почему каждый новый политический опрос дает все тот же результат: женщины чаще мужчин поддерживают социальные программы демократов и противостоят милитаристским инициативам»¹³³.

В большинстве случаев связь именно женщин – матерей, сестер, дочерей и бабушек, а не мужчин, скрепляет семью, женщины тратят больше времени на заботу о детях и престарелых родителях. Женщины в большей степени склонны описывать себя как эмпатичных, способных понять чувства других. И это объясняет, почему дружба именно с женщиной, а не с мужчиной может быть названа близкой и с точки зрения мужчин, и с точки зрения женщин. Нуждаясь в понимании и утешении, в ком-то, с кем можно поделиться радостью и горем, и мужчины, и женщины обычно обращаются к женщине.

Несомненно, что такие черты, как доброта, внимательность и теплота, хотя их несравнимо чаще относят к женским качествам, являются истинным благом для близких взаимоотношений. Практика показывает, когда муж или жена (лучше, если оба супруга сразу) обладали этими традиционно женскими качествами, удовлетворенность браком была выше: как правило, люди считают брак удачным, если находят в супруге

¹³² См.: Кон И. С. Российский мужчина и его проблемы // Гендерный калейдоскоп: Курс лекций / под ред. М. М. Малышевой. М., 2001. С. 229–241.

¹³³ Майерс Д. Социальная психология / пер. с англ. СПб., 1996. С. 231.

заботу и эмоциональную поддержку¹³⁴.

Все сказанное может привести нас к выводу о склонности женщин к конформизму. Если назвать эту незначительную тенденцию «различием в уровнях конформизма полов», не будет ли за этим скрываться некое негативное суждение о женщинах, как якобы «конформистках»? Быть может, это отличие женщин (социально ли или биологически ли оно детерминировано) было бы лучше назвать большей «ориентированностью на других». Вероятно, следует говорить, что женщины более гибки, проявляют больше открытости по отношению к другим, более заботятся о межличностных отношениях. Такой подход, на наш взгляд, совершенно по-другому раскрывает смысл утверждения о женском конформизме.

Таким образом, существующие гендерные стереотипы поддерживают традиционную гендерную систему с ориентацией на четкое разделение норм и правил поведения, сфер жизнедеятельности и обязанностей на «мужские» и «женские», жестко регламентируя и ограничивая развитие личности.

Сухарева Н. Ф.

7. 2. Гендерный подход к проблеме агрессии и насилия

Одной из актуальнейших проблем современности является проблема агрессии и насилия. Каждый день в газетах и журналах, по радио и телевидению сообщается о том, что кого-то избили, ранили, застрелили. Как агрессорами, так и их жертвами, по данным СМИ, чаще выступают представители мужского пола, но также много случаев, когда ими становятся женщины. Порой просто поражает не только отсутствие соответствующего наказания, но и полная вседозволенность, а иногда и вознаграждение агрессивного поведения мужчин, тогда как агрессия со стороны женщин вызывает совершенно другую реакцию общества. На общем фоне роста агрессии, жестокости и насилия наблюдается особенно сильный всплеск детской агрессивности, которая, как показывают зарубежные лонгитюдные исследования достаточно стабильна во времени, и проявляет сильную тенденцию перерастать в юношеском и взрослом возрасте в стойкое антисоциальное поведение¹³⁵.

В любой сфере жизнедеятельности людей: семье, образовательных

¹³⁴ См.: Здравомыслова О. М. Брак, любовь, свобода: о современных представлениях о семье и браке российских граждан // Семья и школа. 1996. № 9. С. 14–15.

¹³⁵ См.: Farrington D. P. Early predictors of adolescent aggression and adult violence // Violence and victims. 1989. V. 4. P. 79–100. Olweus D. Aggression and peer acceptance in adolescent boys: Two short-term longitudinal studies of ratings // Child development. 1977. V. 48. P. 1301–1313.

учреждениях, на производстве – везде мы сталкиваемся с агрессией, насилием, унижением человеческого достоинства. Удручающие данные мы находим в региональной статистике: каждый год в Мордовии сотни детей получают серьезные увечья от рук сверстников, более старших людей и даже собственных родителей. Десятки из них умирают или, не выдержав унижений, решают покончить жизнь самоубийством. Среди молодых людей эти цифры еще выше. Сотни женщин республики подвергаются нападению со стороны своих мужей. Однако многие из них предпочитают «не выносить сор из избы», терпя издевательства отцов и мужей. Мы утверждаем, что агрессия и прогрессивное развитие человечества несовместимы. Поэтому, если мы стремимся к процветанию нашей республики, страны, к гармоничному развитию всего человечества, нельзя умалчивать об этих проблемах. Они требуют всестороннего изучения специалистами разных областей, в том числе психологами.

Мы согласны с Е. И. Трофимовой, которая считает, что «гендерное “измерение” зачастую позволяет по-иному взглянуть на хорошо известные факты, интерпретировать их с учетом гендерной дифференциации, а также деконструировать, казалось бы, незыблемые категории»¹³⁶. Применяя гендерный подход к данной проблематике, мы сможем ответить на следующие вопросы: Почему агрессия и насилие так распространены в наше, казалось бы, цивилизованное время? Почему мы чаще сталкиваемся с мужской агрессией, а не женской? Почему женщины предпочитают умалчивать о «зверствах» мужа по отношению к ним и детям?

Прежде чем перейти к рассмотрению этих и других вопросов, необходимо остановиться на таких понятиях, как «агрессия» и «насилие». Термин «агрессия» имеет много различных трактовок и значений как в повседневной речи, так и в научных трудах. В своем исследовании мы придерживаемся следующего определения агрессии: «мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам и правилам сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), приносящее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт (отрицательные переживания, состояние напряженности, страха, подавленности и т. п.)»¹³⁷. Такое понимание агрессии, включающее как категорию намерения, так и актуальное причинение вреда другим, а также социально-нормативный фактор (осуждение обществом), является, на наш взгляд, наиболее исчерпывающим. «Насилие» – термин, который рядом специалистов употребляется как «крайняя форма агрессии, намеренного

¹³⁶ Трофимова Е. И. Терминологические вопросы в гендерных исследованиях // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 178.

¹³⁷ Психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. М., 1997. С. 10.

стремления причинить серьезный физический ущерб другому лицу»¹³⁸.

Теперь перейдем к обзору работ, посвященных особенностям агрессивного поведения представителей женского и мужского пола, и ответим на вопрос: действительно ли мужчины более агрессивны. Нужно отметить, что исследования такого рода единичны в отечественной психологии. Мы это связываем с двумя причинами. Во-первых, с тем, что у нас долгое время существовал негласный запрет на исследование этой проблемы. В соответствии с господствующей государственной идеологией считалось, что в нашей стране (ведущей социалистической державе) нет и не может быть агрессии и насилия, в отличие от капиталистических стран. Ориентация на «мирное» развитие общества делала данную проблематику неперспективной, что привело к ее фактическому исключению из области научного исследования. Во-вторых, объединяется отсутствием в российской науке, являющейся длительное время, по определению И. С. Кона, «бесполой»¹³⁹, а точнее андроцентричной или маскулинно-ориентированной, вплоть до 90-х годов прошлого столетия вообще каких бы то ни было гендерных исследований, в том числе агрессии и насилия.

В зарубежной психологии, в отличие от отечественной, накоплены многочисленные сведения об особенностях проявления агрессии лицами женского и мужского пола. Анализ психологической литературы выявляет противоречивость полученных в исследованиях данных. Э. Маккоби и К. Джеклин в своем знаменитом обзоре литературы по половым различиям сделали вывод, что агрессия – это единственное социальное поведение, для которого существуют доказательства, говорящие о совершенно явных половых отличиях¹⁴⁰. За небольшим исключением в полевых исследованиях, а также в лабораторных экспериментах мальчики проявляли более сильную агрессивность, чем девочки. Это различие, как отмечали авторы, существует во всех социальных слоях и наблюдается во многих культурах. Мальчики не оказываются агрессивнее девочек лишь сравнительно в небольшом количестве работ, на которые ссылаются авторы.

Спустя три года после выхода их книги А. Фроди, Дж. Макалэй и П. Р. Том опровергли утверждение о большей агрессивности представителей мужского пола. Женщины, по их мнению, не менее агрессивны, чем мужчины, если расценивают свои действия как справедливые или чувствуют себя свободными от ответственности за них.

¹³⁸ Берковиц Л. Агрессия: Причины, последствия и контроль: пер. с англ. СПб., 2002. С. 32.

¹³⁹ См.: Кон И. С. Психология половых различий // Вопр. психологии. 1981. № 2. С. 47–57.

¹⁴⁰ См.: Maccoby E. E., Jacklin C. N. The psychology of sex differences. Stanford, 1974. 634 p.

Они обратили внимание на то, что присущие женщинам тревожность, эмпатия и чувство вины часто приводят к подавлению агрессии там, где мужчины ее не скрывают. Не лишено основания и замечание о том, что агрессивность традиционно приписывается мужчинам, служит предметом их гордости и потому гораздо чаще упоминается в самоотчетах, тогда как женщины склонны умалчивать о ней. В целом же, полагают авторы, правильнее говорить не о половых различиях в агрессии, а о половых различиях ее детерминации в разных ситуациях¹⁴¹.

Т. Тайгер на основе обстоятельного анализа данных заключил, что до шести лет нет различий между мальчиками и девочками в уровне агрессивности¹⁴². В работе, явившейся ответом на статью Т. Тайгера, Э. Маккоби и К. Джеклин отстаивали высказанное ими ранее мнение. Проведя тщательный статистический анализ результатов наблюдений за детской агрессией, основывавшихся на 32 выборках, исследовательницы утверждали, что мальчики уже в 3-6 лет более агрессивны, чем девочки¹⁴³.

Последующий метанализ психологической литературы, проведенный Э. Х. Игли и В. Дж. Стеффен, также содержал вывод о существовании половых различий в агрессивном поведении. Вместе с тем исследовательницы пришли к заключению, что для взрослых эти различия весьма невелики. Отметим и другие результаты данного исследования. Во-первых, тенденция к большей агрессивности у мужчин была очевидна, когда им предоставлялась возможность причинить своим объектам физическую боль (например, когда им предлагалось «наказывать» партнера ударом электрического тока). Во-вторых, при исследовании реакции испытуемых на их собственное поведение мужчины, как правило, в меньшей степени испытывали чувство вины и тревоги. Напротив, женщины проявляли больше эмпатической тревоги о вреде, который мог быть нанесен объекту нападения. Они также были более обеспокоены тем, чем агрессия может обернуться для них самих, например, возможностью получить отпор со стороны жертвы¹⁴⁴.

К. Бйорквист считает, что в число факторов, влияющих на то, будут ли в конечном счете обнаружены половые различия в агрессии, входят вид агрессии и ситуационный контекст¹⁴⁵. Некоторые отечественные

¹⁴¹ См.: Frodi A., Macalay J., Thome P. R. Are women always less aggressive than men? A review of the experimental literature // *Psychological Bulletin*. 1977. V. 84, № 11. P. 634–660.

¹⁴² См.: Tieger T. On the ethological basis of sex differences in aggression // *Child Development*. 1980. V. 51, № 4. P. 943–963.

¹⁴³ См.: Maccoby E. E., Jacklin C. N. Sex differences in aggression: A rejoinder and reprise // *Child Development*. 1980. V. 51, № 4. P. 964–980.

¹⁴⁴ См.: Eagly A. H., Steffen V. J. Gender and aggressive behavior: A meta-analytic review of the social psychological literature // *Psychological Bulletin*. 1986. V. 100, № 3. P. 309–330.

¹⁴⁵ См.: Bjorkqvist K. Sex differences in physical, verbal and indirect aggression: A review of recent research // *Sex Roles*. 1994. V. 30, № 3–4. P. 177–188.

исследователи также полагают, что многие противоречия в полученных результатах могут быть сняты, если учитывать вид агрессивного поведения; количественный же критерий для описания половых различий в агрессии вообще нельзя считать адекватным¹⁴⁶. Действительно, целый ряд проведенных исследований, в которых рассматривались разные виды агрессии, дают веский повод усомниться в том, что представители мужского пола более агрессивны.

Так, К. Лагерспец и его коллеги опрашивали финских школьников о том, как ведут себя мальчики и девочки из их класса, когда сердятся. Полученные результаты показали, что мальчики чаще прибегают к прямым формам агрессии, включающим такие действия, как погоня за противником, подножки, пинки, толчки, дразнилки. Зато девочкам более свойственны косвенные формы агрессии, например наговор на противника за его спиной, бойкотирование обидчика, разрыв дружеских отношений, демонстрация обиды¹⁴⁷.

В последующем эти данные были подтверждены кросс-культурными исследованиями. В одном из них анализировалось агрессивное поведение девочек трех возрастных групп (8, 11 и 15 лет) в Финляндии, Израиле, Италии и Польше. Скрытая агрессивность была наиболее выраженным стилем поведения во всех странах, этнических и возрастных группах. Вербальная агрессия использовалась ими в меньшей степени, а физическая агрессия оказалась на последнем месте среди способов выражения агрессии¹⁴⁸.

Вышеописанные исследования основывались в основном на данных, полученных в результате опросов учеников и учителей, объяснялось это тем, что косвенные формы агрессии слишком нечетки, чтобы изучать их посредством наблюдения. Развитие технологий обеспечило новые возможности по сбору данных методом наблюдения, например, с помощью скрытых видеокамер и микрофонов с аудиопередатчиками, крепившимися на одежде детей. Подобные исследования снова продемонстрировали более высокий уровень косвенной агрессии у девочек. Отмечалось, что они чаще мальчиков вели себя следующим образом: в отсутствие жертвы выражали антипатию и неприязнь к ней, предлагали другим игнорировать жертву, исключить ее из общего дела или группы¹⁴⁹.

¹⁴⁶ См.: Каган В. Е. Воспитателю о сексологии. М., 1991. С. 43.

¹⁴⁷ См.: Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия: пер. с англ. СПб., 1997. С. 222.

¹⁴⁸ См.: Cross-cultural evidence of female indirect aggression / K. Osterman, K. Bjorkqvist, K. M. J. Lagerspetz, A. Kaukiainen, S. F. Landau, A. Fraczer, G. V. Caprara // *Aggressive Behavior*. 1998. V. 24. № 1. P. 1–8.

¹⁴⁹ См.: Tapper K., Boulton M. Sex differences in indirect and relational aggression: An observational study. Poster presented at the XVth Biennial Meeting of ISSBD, Berne, Switzerland, July 1–4, 1998. 6 p.

Тенденцию к использованию разных видов агрессии лицами женского и мужского пола отмечают также исследователи Й. Раншбург и П. Поппер: «если в 2-летнем возрасте в арсенале средств проявления агрессивности мальчиков и девочек примерно в одинаковой пропорции встречаются плач, визг и шлепки, то к 4 годам фрустрация, неудачи вызывают у них неодинаковую реакцию: мальчики большей частью дерутся, а девочки визжат»¹⁵⁰.

Таким образом, при описании половых различий в агрессии необходимо учитывать вид агрессивного поведения, а не просто констатировать разницу в уровне агрессии мальчиков (мужчин) и девочек (женщин).

Если обратиться к литературе, посвященной проблемам агрессии и насилия в семье, то здесь обнаруживаются противоречивые данные. Результаты исследований, проведенных в нашей стране, свидетельствуют о том, что «домашнее насилие» широко распространено в России, особенно в сельских районах, и что его жертвами чаще становятся женщины. Нужно отметить, что до недавнего времени насилие в отношении жен рассматривалось как приемлемый компонент брака. Женщины, считавшиеся собственностью мужа, подвергались самым разнообразным формам жестокого обращения, включая телесные наказания за «плохое поведение». «Патриархальная культура, основанная на насилии, оставлена в наследство современным семьям России»¹⁵¹; она впиталась в народные пословицы и поговорки («Муж бьет – значит, любит»). В то же время, исследователей удивило количество женщин, сообщивших о своем участии в цикле насилия.

Многие зарубежные ученые также указывают на то, что в случае семейного конфликта мужчины прибегают к насилию гораздо чаще женщин. Согласно же результатам Общенационального исследования проблем насилия в семье, выполненного в Америке в 1975 году, жены нападали на своих супругов, нанося им как легкие, так и серьезные повреждения примерно так же часто, как это делали их мужья. Второе Общенациональное исследование, выполненное десятилетие спустя, также показало, что агрессивность женщин не уступала агрессивности мужчин, а может быть, и несколько превышала ее. Для сравнения приведем некоторые данные, полученные в ходе исследования 1985 года.: Зарегистрировано 116 случаев (на 1 000 супругов) применения насилия со стороны мужа, причем 34 случая – грубого насилия (удары ногой, кулаком, нанесение ран и пр.), и 124 случая применения насилия со

¹⁵⁰ См.: Раншбург Й., Поппер П. Секреты личности: пер. с венг. М., 1983. С. 128.

¹⁵¹ Римашевская Н., Ванной Д., Малышева М. Окно в русскую частную жизнь. М., 1999. С. 226.

стороны жены, причем 48 случаев – грубого насилия¹⁵². Эти данные также свидетельствуют о неоднозначности ответа на вопрос о большей агрессивности представителей какого-то одного пола.

Итак, анализ исследований, посвященных особенностям проявления агрессии лицами женского и мужского пола, выявил противоречивость полученных данных. Одни исследователи полагают, что существуют значительные различия между полами по этому параметру, другие – считают их незначительными и зависящими от множества факторов, например ситуационного контекста и вида агрессии. Во многих исследованиях выявлено, что мужчины (мальчики) более склонны прибегать к физической и прямой агрессии, а женщины (девочки) – к вербальной и косвенной, хотя и отмечаются некоторые вариации. Ряд ученых утверждает, что «женщины разделяют с мужчинами способность к овладению всеми видами причинения вреда, и почти везде существуют женщины, которые так же агрессивны, как и мужчины»¹⁵³.

Мы считаем, что в настоящий момент рано делать однозначный вывод по этой проблеме, так как остается еще много спорных вопросов и противоречивых данных. Как в отечественной, так и в зарубежной психологии отсутствуют лонгитюдные исследования агрессивного поведения лиц женского и мужского пола, проживающих в разных культурных условиях (например, в сельской местности и в городе, в различных регионах одной страны, в разных государствах и т. п.). Нет работ, посвященных изучению комплексного влияния различных факторов на особенности агрессивного поведения мальчиков и девочек, существующие исследования, как правило, учитывают влияние какого-либо одного фактора. Таким образом, в изучаемой нами проблеме имеется больше нерешенных вопросов, чем точно установленных фактов.

До 80-х годов прошлого столетия на Западе и до 90-х годов в России социобиологическая модель половой детерминации была более популярной, ее принимало значительное число ученых. Согласно этой модели половая дифференциация – универсальный биологический процесс, который культура только оформляет и осмысливает с теми или иными вариациями. Анатомо-физиологические различия между полами настолько очевидны, что обусловленность психологических различий главным образом биологическими факторами представлялась весьма возможной.

Мнение о биологической обусловленности половых различий в проявлении агрессии высказывает ряд исследователей. Так, И. С. Кон

¹⁵² См.: Берковиц Л. Агрессия: Причины, последствия и контроль: пер. с англ. СПб., 2002. С. 283.

¹⁵³ Румянцева Т. Г. Агрессия: Проблемы и поиски в западной философии и науке. Минск, 1991. С. 91.

отмечает: «Половые различия охватывают очень широкий круг свойств и отношений. Здесь есть определенные транскультурные, даже межвидовые филогенетические константы. Такова, например, большая агрессивность мужчин...»¹⁵⁴. В более поздней работе исследователь пишет: «Мужская агрессивность действительно имеет природные предпосылки, но она не является чисто биологическим феноменом»¹⁵⁵. Э. Маккоби и К. Джеклин выделили четыре положения, подтверждающие данное мнение на них традиционно ссылаются и другие исследователи, придерживающиеся социобиологической модели: 1) мужчины агрессивнее женщин во всех обществах, сведениями о которых мы располагаем; 2) половые различия обнаруживаются с первых лет жизни человека, когда еще нет никаких оснований говорить о социальных прессах, формирующих различные проявления агрессии у обоих полов; 3) сходные половые различия обнаруживаются у людей и человекообразных приматов; 4) агрессия взаимосвязана с уровнем половых гормонов¹⁵⁶.

Рассмотрим каждое из этих положений. Что касается 1-го, то здесь, на наш взгляд, есть несколько нюансов, на которых стоит остановиться подробнее. Во-первых, во многих, но далеко не во всех человеческих культурах мужчины оказываются более агрессивными по сравнению с женщинами. Ряд проведенных исследований опровергает данное положение. Так, М. Мид было описано традиционное поведение представителей каждого пола в трех различных культурах на островах Новой Гвинеи. У арапешей оба пола кооперативны и не агрессивны. Агрессивное поведение подвергается здесь самому суровому осуждению, но порицают и осуждают арапеша не агрессора, а всякого, кто вызвал гнев и акты насилия у другого. Все воспитание направлено на то, чтобы задушить в зародыше мотивацию насильственного поведения. Драки и ссоры между детьми немедленно пресекаются. Сердитому ребенку позволяют кричать, кататься в грязи, бросать камни и поленья на землю, но ему не дозволено прикасаться к другому ребенку. Этот обычай вымещать свою ярость на каких-то предметах сохраняется и у взрослых: рассерженный человек будет целый час барабанить в гонг или же рубить свои собственные пальмы. У мундугуморов, наоборот, оба пола одинаково враждебны, агрессивны, подозрительны и жестоки. Враждебность детей по отношению друг к другу не вызывает у взрослых никакого осуждения. У чамбули картина обратная западной культуре: женщины доминантны и директивны, а мужчины пассивны и

¹⁵⁴ Кон И. С. Психология половых различий // Вопр. психологии. 1981. № 2. С. 52.

¹⁵⁵ Кон И. С. Маскулинность как история // Гендерные проблемы в общественных науках / отв. ред. И. М. Семашко. М., 2001. С. 24.

¹⁵⁶ См.: Maccoby E. E., Jacklin C. N. The psychology of sex differences. Stanford, 1974. P. 242–243.

эмоционально зависимы. Война давно уже перестала интересовать мужчин чамбули, воинские союзы развалились¹⁵⁷. Автор приходит к выводу, что именно культура является главным фактором, который учит детей, как думать, чувствовать и действовать в обществе. Если бы различия между полами были обусловлены биологически, то кросс-культурные различия, подобные тем, что описала Мид, не существовали бы.

Во-вторых, ряд исследований, о которых шла речь выше, утверждают, что мужчины и женщины предпочитают использовать разные виды агрессии. В большинстве же работ, направленных на исследование половых различий в агрессии, под последней понималась лишь физическая агрессия, а этот вид, как известно, вероятнее всего встречается у мужчин. Следовательно, и исследований, подтверждающих более высокий уровень агрессии у мужчин, больше.

В-третьих, по данным ряда исследователей, в освещении фактов такого рода имеются и некоторые предубеждения. Л. В. Попова отмечает: «Обычно к публикации привлекают внимание результаты, подчеркивающие различия, а не сходство между любыми психологическими характеристиками полов. О том, в чем девочки и мальчики, женщины и мужчины похожи, кажется неинтересно писать и невыгодно печатать. Подстраиваясь под такое негласное правило, исследователи избирательно представляют полученные результаты»¹⁵⁸. Само название «половые различия», по мнению автора, накладывает обязательства искать различия, формирует установку на поиск расхождений. Т. Г. Румянцева также считает, что «если половые различия в частоте такого поведения у детей высоки, о них сообщается. Если же они не обнаруживаются, то и фактов на этот счет нигде не приводится. Все это во многом похоже на манипуляцию фактами, когда из пестрого и достаточно разнообразного запаса сведений выбираются именно те, которые соответствуют определенной исследовательской позиции и служат ее подтверждением»¹⁵⁹.

В отношении второго аргумента, приводимого в подтверждение социобиологической модели, можно сказать, что он также не является убедительным. Половые различия в проявлении агрессии обнаруживаются у детей, по одним данным, примерно с 3 лет, по другим – с 6 лет. И хотя социализация в этом возрасте еще не завершена, дети начиная буквально с момента рождения, получают ясную информацию о том, какое поведение

¹⁵⁷ См.: Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. 429 с.

¹⁵⁸ Попова Л. В. Психологические исследования и гендерный подход // Женщина. Гендер. Культура. М., 1999. С. 128.

¹⁵⁹ Румянцева Т. Г. Агрессия: Проблемы и поиски в западной философии и науке. Минск, 1991. С. 97.

от них ожидается. От мальчиков – умение дать сдачу и защитить себя, а от девочек – кротость и покорность. И этим ожиданиям они стараются соответствовать.

Рассмотрим 3-й аргумент сторонников социобиологической модели, касающийся сходства половых различий в агрессии у людей и человекообразных приматов. Результаты опытов и многочисленных наблюдений за животными почти не вызывают разногласий: у подавляющего числа видов самцы проявляют больше склонности к агрессии, чем самки. Однако, мы считаем, недопустимо строить прямые аналогии между агрессивным поведением животных и человека. Тем более, и материал, почерпнутый из животного мира, оказывается чрезвычайно многообразным. Например, ряд ученых обращает внимание на высокую степень агрессивности самок, называемую «материнской», так как она относится главным образом к беременности, родам и кормлению. В это время самки нападают на любого самца, приближающегося к гнезду, включая партнера. Как видим, и в животном мире имеются исключения, служащие серьезным предостережением против признания этих различий в качестве универсальных и уж тем более против переноса результатов этих опытов на человека.

Обратимся к последнему пункту в списке Э. Маккоби и К. Джеклин: влиянию «мужских» и «женских» половых гормонов на агрессивное поведение человека. Нужно отметить, что большинство исследователей используют именно эти термины, тем самым подчеркивая, что между мужчинами и женщинами имеются коренные, врожденные различия. Мы считаем, что использование терминов «мужские гормоны» и «женские гормоны» является некорректным, так как и те, и другие образуются у обоих полов, только в различных соотношениях.

В большинстве работ, посвященных проблеме влияния гормонов на формирование агрессивного поведения, приводятся результаты измерения содержания тестостерона в крови. Для подобных исследований характерны три специфических подхода. Первый, подразумевающий изучение различий между насильниками и преступниками, не прибегающими к насилию, дал разноречивые результаты. Одни исследователи не обнаружили у них никаких различий на гормональном уровне, другие – обратили внимание на различный уровень тестостерона у тех и других. Например, Дж. Даббс с коллегами выявили, что уровень тестостерона у мужчин, осужденных за совершение насильственных преступлений, выше, чем у мужчин, осужденных за ненасильственные правонарушения. Однако, при проведении подобных исследований среди заключенных женщин были обнаружены противоречивые данные¹⁶⁰.

¹⁶⁰ См.: Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия: пер. с англ. СПб., 1997. С. 234.

Второй подход связан с попыткой установить взаимосвязь между агрессивным поведением и уровнем тестостерона у законопослушных граждан. В этих работах вновь были выявлены значительные противоречия. Так, психологи, просмотрев личные дела 4 500 мужчин (американцев, ветеранов войны во Вьетнаме), обнаружили, что лица с высоким содержанием тестостерона имели больше неприятностей с командованием и товарищами по службе, чаще пускали в ход кулаки, употребляли наркотики и т. п. Но в то же время на связь между уровнем гормонов и антиобщественным поведением влиял социально-экономический статус этой группы мужчин. Среди тех, уровень доходов и образования которых был ниже среднего, вероятность проявления такого поведения увеличивалась в два раза. Ученые объясняют это тем, что мужчины из более образованной и благополучной среды сильнее сдерживают свои наклонности, тем самым ослабляя гормональное влияние¹⁶¹.

Третий подход к вопросу о взаимосвязи уровня тестостерона и агрессии состоит в изучении воздействия различных методов лечения, способствующих повышению либо понижению уровня этого гормона. В некоторых европейских странах, таких, как Германия, Швейцария, Дания, мужчины, осужденные за определенные жестокие преступления, в том числе сексуальное насилие, добровольно соглашались на кастрацию, чтобы сократить срок пребывания в тюрьме. Исследователи изучили образ жизни и представления этих мужчин после их выхода из тюрьмы. По результатам их работ, искусственное снижение уровня тестостерона ведет к меньшей направленности на сексуальные действия и образ мыслей¹⁶². Однако нет данных о том, чтобы кастрация снижала уровень несексуальной агрессии. Таким образом, пока не существует убедительных экспериментальных доказательств наличия у человека связи «тестостерон – агрессия».

Итак, согласно социобиологическому подходу, особенности агрессивного поведения мужчин и женщин, мальчиков и девочек обусловлены, в первую очередь, влиянием биологических факторов. Выдвигается ряд аргументов в подтверждение данного подхода: во-первых, наличие половых различий в агрессии во всех человеческих культурах; во-вторых, обнаружение этих различий с первых лет жизни ребенка; в-третьих, их наличие у приматов и, наконец, связь агрессии с уровнем половых гормонов. Однако при детальном рассмотрении этих положений обнаруживается, что все они являются спорными. Открытия многих ученых, о которых уже шла речь, и которые будут рассмотрены

¹⁶¹ См.: Берковиц Л. Агрессия: Причины, последствия и контроль: пер. с англ. СПб., 2002. С. 466.

¹⁶² Там же. С. 467.

ниже, подтверждают влиятельную роль культуры и социализации в создании различий между полами.

В последнее время многие зарубежные и отечественные исследователи отдают приоритет социокультурной модели половой детерминации. Так, исследовательницы Э. Х. Игли и В. Дж. Стеффен считают, что половые различия в проявлении агрессии могут объясняться гендерными ролями, которые поощряют проявление мужчинами агрессии в некоторых формах, в то время как агрессивность у женщин не приветствуется, так как она несовместима с некоторыми важнейшими составляющими женской роли – нежностью, дружелюбием, заботливостью¹⁶³. Агрессивность входит в мужской стереотип, и поэтому от мальчиков и мужчин ожидается, что они будут вести себя агрессивно, а на агрессию девочек и женщин налагается запрет.

Рассмотрим более подробно влияние разных институтов социализации на процесс конструирования гендерных различий в агрессии и постараемся доказать, что эти различия не являются врожденными.

Наиболее значимым институтом гендерной социализации является семья. Исследователи Й. Раншбург и П. Поппер отмечают, что «открытые проявления агрессивности в поведении мальчиков родители наказывают не так строго (а в некоторых случаях просто одобряют), как те же проявления у девочек. В большинстве случаев родители считают, что идеальный мальчик должен уметь дать сдачи и вообще защитить себя, если на него нападают, тогда как среди качеств, которыми должна обладать идеальная девочка, умения драться мы не найдем»¹⁶⁴.

Показательный случай мы находим в исследовании А. Бандуры и Р. Уолтерса, которые спрашивали матерей и отцов, побуждают ли те своих сыновей драться. Одна женщина рассказывала, как ее муж учил сына давать сдачи, когда ребенку было 7 лет: «Все мальчишки задиристые и драчливые, а он не дерется никогда. И вот однажды мой муж смотрел в окно и увидел, как двое мальчишек били его (Глена). Тогда муж снял свой ремень, вышел на улицу и сказал: “Послушай, ты каждый раз приходишь домой и плачешься: “Он меня поколотил”. Так вот, Глен, я хочу тебе кое-что сказать. Ты сейчас побьешь этих мальчишек, или я тебя выпорю”. Так он заставил его подняться на ноги и драться с обоими мальчишками»¹⁶⁵. Подобные случаи, вероятно, не единичны.

¹⁶³ См.: Eagly A. H., Steffen V. J. Gender and aggressive behavior: A meta-analytic review of the social psychological literature // *Psychological Bulletin*. 1986. V. 100, № 3. P. 309–330.

¹⁶⁴ Раншбург Й., Поппер П. Секреты личности: пер. с венг. М., 1983. С. 128.

¹⁶⁵ Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия: Изучение влияния воспитания и семейных отношений: пер. с англ. М., 1999. С. 109.

Исследователями установлено, что отцы агрессивных мальчиков не допускали агрессию против себя, а вне дома активно поощряли их вести себя агрессивно. Большинство же отцов неагрессивных мальчиков (контрольная группа) стремились, чтобы их сыновья самоутверждались социально приемлемыми способами, и лишь в случае необходимости противостояли агрессии. Матери агрессивных мальчиков не только снисходительнее относились к агрессии против себя, чем матери из контрольной группы, но и активнее поощряли сыновей на агрессию вне дома. А. Бандура и Р. Уолтерс отмечают, что некоторые матери агрессивных мальчиков провоцировали своих сыновей на агрессию чуть ли не сильнее, чем даже отдельные отцы. Большинство же матерей из контрольной группы, наоборот, не поддерживали никакие асоциальные проявления агрессии, рассматривали ее как признак слабости.

Что касается девочек, то в период от 3 до 14 лет, как считают Й. Раншбург и П. Поппер, число проявлений агрессивности в их поведении постепенно сокращается, даже если в раннем детстве они были весьма драчливы. Ученые объясняют это тем, что агрессивность – это общепризнанный компонент традиционного представления о поведении мужчины, но не женщины. Агрессивность в поведении девочек наказывается строже, и поэтому девочки выбирают для себя те роли, которые лишены этого элемента. В результате агрессивные в детстве девочки постепенно учатся подавлять в себе агрессивные побуждения, а мальчики имеют возможность свободно выражать свой гнев в агрессивных формах.

Опишем еще один эксперимент, который также подтверждает нашу точку зрения. Дж. С. Кондри и Д. Ф. Росс показывали четырем группам зрителей эпизод игры двух детей на заснеженной площадке; при этом одинаковые костюмы не позволяли определить их пол. В этом эпизоде один ребенок постоянно толкал другого, насакивал на него и бросался снежками. Одной группе зрителей говорилось, что оба ребенка – девочки, другой – что оба мальчики, третьей – что агрессором является мальчик, четвертой – что в качестве агрессора выступает девочка. Зрители, уверенные в том, что оба ребенка были мальчиками, сочли показанную сцену наименее агрессивной, т. е. буйное поведение играющих мальчиков считалось вполне нормальным явлением и не воспринималось как агрессивное. Таким образом, исследователи пришли к выводу, что пол ребенка влияет на то, каким образом его воспринимают окружающие и какого поведения от него ожидают¹⁶⁶.

Несмотря на то что гендерный подход является в настоящий момент довольно разработанным, исследований, посвященных влиянию гендерных стереотипов родителей на агрессивное поведение мальчиков и

¹⁶⁶ См.: Берн Ш. Гендерная психология: пер. с англ. СПб., 2001. С. 204.

девочек, в зарубежной психологии очень мало. Что касается отечественной психологии, то лишь в одной работе мы обнаружили интересные нас сведения. В этом исследовании были выделены две группы агрессивных дошкольников. Первую (в нее вошли как мальчики, так и девочки) отличает то, что родители не занимаются ими, подвергают строгим, в том числе и физическим, наказаниям, между членами семьи существуют конфликтные отношения. Вторую группу (ее составили только мальчики) характеризует особая воспитательная позиция родителей, стремящихся сделать из своего сына «настоящего мужчину». Эти родители поощряют отстаивание ребенком своих интересов с помощью силы, стремление отомстить обидчику, они считают, что ребенок должен с детства уметь постоять за себя, для чего его записывают в спортивные секции или сами обучают «приемам»¹⁶⁷.

Школа является еще одним важным институтом гендерной социализации, однако исследований, посвященных изучению гендерных стереотипов педагогов и их влияния на поведение детей, как показал наш анализ литературы, также недостаточно. То, что педагоги (в большинстве своем – женщины), характеризуя мальчиков, используют такие выражения, как «невоспитанные, бесятся, хулиганят, более подвижны, много бегают, дерзкие, менее трудолюбивые», а девочек – «старательные, смирные, аккуратные, прилежные, послушные, ласковые, приветливые, помогающие», на наш взгляд, как раз отражает их подверженность традиционным представлениям.

Л. В. Попова отмечает, что мелкие нарушения дисциплины, сделанные девочками, вызывают активное неодобрение учителями, тогда как мальчикам те же действия «сходят с рук». На девочек оказывается сильное давление с тем, чтобы заставить их беспрекословно подчиняться всевозможным нормам, правилам и традициям. К нарушениям дисциплины и правил поведения, которые допускаются мальчиками, относятся снисходительно¹⁶⁸; то же можно сказать, как мы полагаем, и в отношении агрессивного поведения (однако подобных исследований мы не обнаружили).

Наличие гендерных стереотипов наблюдается и у самих детей. Когда мальчиков 8-11 лет спрашивали, что должны уметь делать мальчики, получали следующие ответы: «уметь драться, если встретишься с бандитом, быть сильным, быстро бегать, быть “крутым”, самостоятельным, уметь лазить и разводить огонь»¹⁶⁹. В группе мальчиков

¹⁶⁷ Копченова Е. Е. Что стоит за агрессивностью дошкольников // Психолог в детском саду. 1999. № 1. С. 64–66.

¹⁶⁸ См.: Попова Л. В. Гендерные аспекты самореализации личности. М., 1996. С. 18.

¹⁶⁹ Арчер Дж. Половые роли в детстве: Структура и развитие // Детство идеальное и настоящее / под ред. Е. Р. Слободской. Новосибирск, 1994. С. 205.

и подростков маскулинность может отождествляться с агрессивностью и драчливостью. Такой гипертрофированный идеал мужественности нередко доводит «соревнование» в силе и «мужских» качествах до крайних пределов, которым может быть совершение тяжких преступлений с применением насилия.

Еще одним важным источником гендерной социализации являются средства массовой информации. У детей, которые много смотрят телевизор, проявляется гораздо больше аттитюдов, типичных для гендерных норм, чем у их сверстников, которые смотрят телевизор в пределах разумного. Исследования показали, что СМИ насквозь пронизаны гендерными стереотипами. Мужчин часто изображают доминантными, жесткими, эгоцентричными, настроенными на агрессию и соперничество, тогда как женщин – управляемыми и обесцениваемыми. Агрессия мужчин в них часто не только не порицается, а, наоборот, восхваляется и героизируется; дерущихся женщин на экранах телевидения мы видим гораздо реже. СМИ неоднократно писали о том, что мужчина «по своей природе зол», таким образом, как мы считаем, оправдывая соответствующие поступки мужчин и призывая женщин к смирению и подстраиванию под их «нормальные и естественные» потребности.

Процесс гендерной социализации не заканчивается в детстве, он продолжается в течение всей жизни человека. Мужчины, стремясь соответствовать нормам «статуса», «твердости» и «антиженственности», составляющими мужскую гендерную роль, временами способны дойти до агрессии и насилия, особенно когда социальная ситуация предполагает, что не проявить агрессию, значит вести себя не по-мужски, или когда он чувствует, что его мужественность под угрозой или под вопросом.

Ряд исследователей считает, что мужчины не способны самореализоваться в жизни общепринятыми путями, особенно любят демонстрировать мужественность путем агрессии и насилия. Так, Т. А. Клименкова отмечает, что специфическая мужская «нехватка» преодолевается через использование агрессивности, демонстрацию силы. Таким образом реализуется неосознанная цель самоутверждения, восполнения энергетического неблагополучия¹⁷⁰. И. С. Кон пишет: «Отождествление маскулинности с насилием психологически типично не столько для сильных, сколько для слабых мужчин, которые не уверены в своей маскулинности и которым кажется, что их всюду подстерегают опасности»¹⁷¹.

Интересные данные мы находим в статье «Сильный и мускулистый = агрессивный? Строение тела и агрессия мужчин». Исследователями обнаружено, что физическая крепость тела и черты «маскулинного» лица

¹⁷⁰ См.: Клименкова Т. А. Женщина как феномен культуры. Взгляд из России. М., 1996. С. 102.

¹⁷¹ Кон И. С. Маскулинность как история // Гендерные проблемы в общественных науках / отв. ред. И. М. Семашко. М., 2001. С. 26.

(учитывалось 58 показателей) отрицательно коррелируют с показателями самоотчетов относительно ответной агрессии, раздражительности и аутоагрессии. Другими словами, по результатам данного исследования, мужчины, которые выглядят сильными и «маскулинными», менее склонны описывать себя как агрессивных, хотя строение их тела предполагает успешность проявления агрессии в ситуациях конфликта¹⁷².

Иначе говоря, агрессивность мужчин часто уходит корнями в компенсаторную мужественность (совокупность качеств, с помощью которых мужчины вынуждены компенсировать свое несоответствие общепринятому стандарту мужественности), т. е. агрессия и насилие являются для беспомощного в других областях мужчины единственным способом почувствовать себя сильным. Насилие над женщинами тоже может быть отнесено на счет компенсаторной мужественности. Данные о том, что мужчины-драчуны очень часто имеют заниженную самооценку и низкий социально-экономический статус, подтверждают это предположение.

А. Синельников считает, что основная причина, по которой мужчины подвергают своих жен жестокому обращению, – это то, что в нашем обществе отсутствует альтернативный традиционному образ мужчины. Это проблема, по мнению исследователя, не конкретно мужской половины общества или женской, а общества в целом¹⁷³. Тот образ, который сегодня создан, – это достаточно агрессивный и напористый тип. Он, с одной стороны, добытчик, а с другой – за то, что снабжает семью, оставляет за собой право «поучать» и «воспитывать» домашних, а также прибегать к насильственным и агрессивным способам разрешения конфликтов внутри семьи. А женщинам ничего не остается, как принять подобное положение вещей.

Для женщин стремление к соответствию женской гендерной роли, на наш взгляд, не менее драматично, чем для мужчин. Вот какие проблемы были обнаружены у «идеально женственных» женщин: ощущение подавленности, зависимости, потерянности в отсутствии мужчины. В результате у женщины накапливается неосознаваемая неудовлетворенность качеством взаимоотношений, раздражение и агрессивность, на проявление которой наложен запрет. Скрываемая агрессивность, как отмечает Л. В. Попова, требует выхода и прорывается в виде таких знакомых проявлений, как забывчивость, непонимание, склонность опаздывать, беспомощность, депрессия, религиозный фанатизм, а также болезни. Болезни молчаливое выражение

¹⁷² См.: Kerrin C., Rainer K. Strong and muscular = aggressive? Body build and aggression in men // *Aggressive Behavior*. 1995. V. 21, № 3. P. 169.

¹⁷³ См.: Синельников А. С. Насилие над женщиной // *Женское движение в контексте российской истории. Юбилейные чтения*. М., 1999. С. 36.

сопротивления и злости женщины, защитный механизм вынужденной быть «женственной» женщины¹⁷⁴.

К. Хорни описывает тип женщины, стесняющейся что-либо требовать или получать от своего мужа в результате вытесненного влечения к власти над отцом: «...такая женщина из-за возвращения вытесненного будет реагировать депрессией на неосуществление своих невыраженных желаний. Таким образом, она попадает «из огня да в полымя», как и ее партнер, поскольку депрессия ударит по нему гораздо сильнее, чем прямая агрессия. Очень часто вытеснение агрессии против мужчины отнимает всю жизненную энергию женщины. Она чувствует себя беспомощной перед жизнью. Она возлагает всю ответственность за свою беспомощность на мужчину, лишая и его возможности нормального существования. Перед нами тип женщины, которая под маской беспомощности и инфантильности доминирует над своим партнером»¹⁷⁵. На наш взгляд, подобная ситуация взаимоотношений женщины и мужчины характерна и для настоящего времени; правда объясняем мы ее не подавленным стремлением к власти над отцом, а существованием такой гендерной системы, как патриархат, системы неравенства, системы власти и доминирования одних над другими, а также стремления мужчин и женщин соответствовать эталонам мужественности и женственности.

Таким образом, в интерпретации особенностей проявления агрессии представителями женского и мужского пола мы отдаем приоритет гендерному подходу, основанному на идее о том, что различия в поведении и восприятии мужчин и женщин определяются не столько их физиологическими особенностями, сколько таким социальным фактором, как воспитание и распространенными в каждой культуре представлениями о сущности мужского и женского. Эти различия конструируются в течение всей жизни посредством гендерной социализации такими институтами, как семья, детский сад, школа, сверстники, СМИ и др., а также самими индивидами – на уровне их сознания, принятия заданных гендерных ролей и подстраивания под них. Целью такого конструирования является, на наш взгляд, поддержание существующей гендерной системы, в которой мужчины доминируют над женщинами.

Закончить хочется следующей цитатой: «Угнетенная, психологически угнетенная женщина, психологически несвободная женщина, женщина, которая психологически ощущает свою неполноценность, не может воспитать психологически спокойного, уверенного, обусловленного изнутри идеей добра и свободы человека, будь он мужчина или женщина»¹⁷⁶. Поэтому одной из важнейших

¹⁷⁴ См.: Попова Л. В. Гендерные аспекты самореализации личности. М., 1996. С.26.

¹⁷⁵ Хорни К. Психология женщины: пер. с англ. М., 2003. С. 119.

¹⁷⁶ Весельницкая Е. Женщина в мужском мире. СПб., 1995. С. 13.

социально-культурных задач настоящего времени должно стать, на наш взгляд, преодоление всех видов дискриминации и подавления свободного развития личности в том числе и по признаку пола.

Эта задача требует своего решения как на государственном уровне (пересмотр ценностей, воспроизводящих насилие), так и на уровне каждого из нас. В этой связи хочется рекомендовать родителям, педагогам и другим взрослым, занимающимся воспитанием детей, следующее:

- не оставляете без внимания и не поощряйте агрессивные поступки ребенка, будь то девочка или мальчик;
- учите его конструктивным способам разрешения конфликтных ситуаций (умению вести переговоры и находить взаимовыгодные решения);
- ограничьте просмотр телепередач со сценами насилия, не лишними будут и комментарии – разъяснения о том, что насилие недостойно подражания;
- не подавайте сами пример агрессивного поведения.

И если наше исследование даст толчок к раздумьям над теми проблемами, о которых шла речь выше, желанию что-то изменить в собственном поведении и восприятии окружающих, поможет стать более добрым, сочувствующим, понимающим, свободным, удовлетворенным собой и жизнью, мы будем считать, что внесли, хоть и небольшую, лепту в достижение этой цели.

Ключко О. И.

7.3. Гендерный конфликт

О'Нил выдвинул идею о гендерно ролевом конфликте – психологическом состоянии, проявляющемся в ситуациях, когда сексистские гендерные роли имеют негативные последствия. Например, гендерно ролевой конфликт может возникнуть, когда мужчина резко ограничивает свое поведение и поведение других, исходя из традиционного распределения ролей, когда окружающие оказывают на него давление за нарушение норм мужественности, что отражается как во внутриличностной, так и в межличностной сферах. Появляются тревожность, депрессия, снижение самооценки, конфликты на работе и в семье, всплывают вопросы власти и контроля в паре, возникают эпизоды физического и сексуального насилия¹⁷⁷.

¹⁷⁷ См.: O'Neil J. M., Egan J. Men's Gender Role Transitions Over the Life Span: Transformations and Fears of Femininity // Journal of Mental Health Counseling. 1992. Vol. 14. №

Гендерный конфликт – взаимодействие и психологическое состояние, в основе которого лежит противоречивое восприятие гендерных ценностей, отношений, ролей, приводящее к столкновению интересов и целей. Различия в моделях поведения мужчин и женщин могут стать причинами внутриличностных, межличностных и межгрупповых конфликтов. Например, исследования мужчин, обладающих внешними признакам идеала мужской красоты, установили, что у них чаще появляется тревожность, депрессия, снижение самооценки и стресс, нежели у людей с обычной внешностью. Это пример внутриличностного конфликта, который возникает из-за несоответствия индивидуальных типов характера стандартным ожиданиям общества. Несоответствие гендерного поведения культурным нормам выполнения гендерной роли также может порождать напряженность и конфликтность на работе. Например, от руководителя-женщины ждут большей мягкости и отзывчивости к подчиненным, чем от руководителя-мужчины. Если она не проявляет таких черт, это вызывает значительно более негативную реакцию, чем их отсутствие у него. Так может развиваться межличностный конфликт¹⁷⁸.

Борьба за равные права женщин, развернувшаяся с конца XVIII века, сформировавшая женские группы и организации, часто носила конфликтный межгрупповой характер. Проблемы любви и родительского долга оказались в политическом спектре, где представители правого крыла проповедовали супружескую верность, главенство мужчины в общественной жизни и доминирующее положение женщины в сфере частной жизни, а представители левого крыла требовали равенства полов¹⁷⁹. Гендерный конфликт имеет биологические, психологические и социальные истоки.

1. Благодаря дифференциации полов природа обеспечивает выживание биологических систем (мужчины отвечают за динамику вида и обеспечивают изменчивость генофонда, а женщины сохраняют имеющийся генофонд и ответственны за стабильность вида). Поэтому мужская часть популяции отличается от женской более высокой степенью отклонения от средних величин. Так, среди мужчин больше великанов и карликов, чем среди женщин; выше процент как гениев, так и умственно отсталых¹⁸⁰.

З. Р.305–324.

¹⁷⁸ См.: Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология: учеб. для вузов. 2-е изд. М., 2004. С. 314–328.

¹⁷⁹ См.: Теория и история феминизма: Курс лекций / под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков, 1996. 387 с.

¹⁸⁰ См.: Геодакян В. А. Мужчина и женщина. Эволюционно-биологическое предназначение // Женщина в аспекте физической антропологии / отв.ред. Г. А. Аксянова. М., 1994. С. 85–92.

2. Гендерные конфликты зачастую коренятся в информационных моделях, складывающихся в психике участников. Мужчины и женщины по-разному прочитывают послания друг друга, и тогда ошибки восприятия и реагирования приводят к конфликтности взаимоотношений. Рассказ о невзгодах, неприятностях для женщин является, прежде всего, попыткой получить сочувствие: они и не ожидают конкретных действий на свои жалобы. Мужчины же чувствуют себя обязанными отреагировать «делом» на высказанные проблемы. Обмен мелкими деталями информации для женщины – средство и свидетельство достижения близости, мужчина не любит вдаваться в незначительные детали. Хотя, конечно, индивидуальные различия здесь более важны¹⁸¹.

3. Кроме осознания проблем, имеющих личную значимость для участников, могут иметь значение и объективные социальные причины столкновения – из-за распределения домашних обязанностей и лидерства в семье, по поводу конкуренции на высокооплачиваемые и престижные рабочие места, участия во властных структурах и т. п. В конечном итоге конфликтные противоречия возникают не между мужчинами и женщинами как таковыми, а между традиционными и новыми ролями представителей разного пола. Следует помнить о негативных факторах глобализации, усиливающих гендерную иерархию¹⁸².

Гендерные конфликты возникают в случае несовпадения гендерных стереотипов с внутренними установками личности или противопоставления нескольких ролей. В ходе изучения гендерной проблематики студенты педагогического вуза подтверждали, что большинство среди них (до 65 %) испытывают на себе негативные последствия гендерного конфликта:

- хроническую усталость (например, при одновременном выполнении ролей жены, матери и студентки трудно образцово выполнить все роли);
- чувство вины за несоответствие традиционным гендерным стереотипам (например, «хорошая мать не бросает маленького ребенка на няню» или «хороший муж обеспечивает семью»);
- снижение самооценки, когда выглядят и ведут себя не как «настоящий мужчина» или «настоящая женщина»;
- агрессию, направленную на тех, кто нарушает установленные гендерные нормы «мужественности» и «женственности»;
- завышенные требования к окружающим людям, особенно противоположного пола;

¹⁸¹ См.: Гласс Л. Как достичь взаимопонимания между мужчиной и женщиной: пер. с англ. М., 2004. С. 59–102.

¹⁸² См.: Гендер и глобализация: теория и практика международного женского движения / под общ. ред. Е. А. Баллаевой. М., 2003. 292 с.

➤ трудности в выражении и интерпретации эмоций, страх потери самоконтроля, нежелание принять помощь (ограничения традиционной мужской роли);

➤ маскировка одаренности и неприятие компетентности у женщин и др.¹⁸³

Предстоит изучить особенности и содержание гендерного конфликта в образовании. Как отмечают исследователи, и учащиеся, и педагоги, и родители испытывают конфликты, обусловленные традиционными гендерными установками по поводу учебных предметов, поведения, личностных особенностей, необходимых, по их мнению, мальчикам и девочкам, юношам и девушкам, мужчинам и женщинам¹⁸⁴.

После 1960 года в индустриальных странах стали доступными средства контроля рождаемости, увеличилось количество работающих женщин, мужчины стали утрачивать былую власть в доме и монополию в общественной жизни. Движение женщин эффективно отстаивало предоставление равных прав женщинами по сравнению с мужчинами. Эти социальные процессы привели к появлению новых гендерных ценностей, изменились отношения между полами. В настоящее время женщины служат в армии, участвуют в спортивных соревнованиях по борьбе и поднятию тяжестей, летают на самолетах и являются премьер-министрами государств. Статус мужчин и женщин в обществе постоянно меняется. Однако конфликтности социальных отношений способствует существующее в обществах стереотипное сопротивление дальнейшему улучшению статуса женщин. Неравенство как образ жизни и мышления глубоко укоренилось в социальных институтах – семьи, школы, социализации.

Практика показывает, что содержание гендерных стереотипов и отношение к ним может и должно меняться в силу быстро изменяющихся условий жизни. Американский психотерапевт Джеймс О'Нил использовал метафору путешествия для описания фаз осознания личностью гендерных ролей и проблем, связанных с ними. С каждой фазой связано достаточно типизованное содержание и отношение к ней личности¹⁸⁵.

¹⁸³ См.: Ключко О. И. Гендерный компонент в профессиональной подготовке педагогов-психологов // Современная школа и психология: Материалы III республиканского научного семинара, г. Саранск, 3 февраля 2005 г. / Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 2005. С. 51–55.

¹⁸⁴ См.: Осетрова Н. Учителя о правах женщин и равенстве полов // Гендерное просвещение: Вопросы и тексты для дискуссий // Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд), Институт социально-экономических проблем РАН. М., 2005. С. 99–119.

¹⁸⁵ См.: O'Neil, J. M. & Egan, J. (1992) Men's and women's gender role journeys: A metaphor for healing, transition, and transformation. In B.R. Wainrib (Ed.) Gender issues across the life cycle. New York. P. 107–123.

ФАЗА 1. Принятие традиционных гендерных ролей

Личность принимает стереотипы мужественности и женственности, одобряет жесткое разграничение поведения по гендерным ролям, одобряет силу, контроль, власть, ограничение эмоциональности как нормы поведения для мужчин и теплоту, экспрессивность, заботливость, пассивность как нормы поведения для женщин; плохо понимает то, как жесткие гендерные роли ограничивают возможности личности.

ФАЗА 2. Двойственное отношение к гендерным ролям

Личность испытывает неудовлетворение стереотипными представлениями о гендерных ролях, вследствие соприкосновения с новыми точками зрения начинает сомневаться в необходимости ограничений, налагаемых гендерными ролями; начинает осознавать, что гендерные роли и сексизм являются насилием над личностью; испытывает страх перед смыслом изменений в представлениях о гендерных ролях или поведении; колеблется между ощущениями безопасности стереотипного представления о гендерных ролях и тревоги перед их изменениями; чувствует смятение и отсутствие ясности относительно связи сексизма с гендерными ролями.

ФАЗА 3. Гнев

Личность испытывает и выражает отрицательные эмоции по отношению к преобладающим социальным нормам, институтам и индивидам, поддерживающим сексизм и стереотипную гендерную социализацию; испытывает ограниченность выхода отрицательных эмоций и изоляцию; выражает отрицательные эмоции так, что порождает конфликты, тревожность, депрессию; ограничивает круг друзей только теми, кто может услышать или принять гнев.

ФАЗА 4. Активность

Личность изменяет свое собственное полоролевое поведение на менее ограничивающее и конфликтное, использует гнев против сексизма положительным образом, становится участником/участницей общественных, политических, образовательных акций, разрабатывает личные, политические и другие планы действий для того, чтобы раскрыть ограничивающую роль гендерных стереотипов и сексизма.

ФАЗА 5. Интеграция гендерных ролей

Личность испытывает новое, менее ограничивающее и менее стереотипное осознание себя и мира и удовлетворение от этого; последовательно интегрирует свой гнев против сексизма в эффективную работу; понимает путь осознания сексизма и гендерных ролей, который совершают другие люди; испытывает в личных и профессиональных взаимоотношениях большую свободу относительно гендерных ролей; продолжает активную работу по просвещению окружающих относительно насильственной природы гендерных ролей и сексизма.

Нет сомнения, что «мужские» и «женские» культуры, традиционно четко разделенные, сближаются и перемешиваются. Поэтому границы ролей «хозяина, добытчика и главы», «домохозяйки, жены, матери» постепенно разрушаются, теряют свою жесткость и определенность. Разумеется, это создает определенные трудности для как для мужской, так и для женской социализации, все еще тяготеющей к потерявшим актуальность моделям. Заметим еще раз, что последнее чрезвычайно характерно для современной России, где пока гораздо чаще говорят и пишут о возвращении к неким традиционным нормам, чем о кризисе этих норм, в том числе кризисе классических представлений о мужчине и мужественности, женщине и женственности.

Традиционный полоролевой баланс в России просуществовал дольше, чем во многих западных странах. По мнению исследователей феминизма, такое стало возможным благодаря мощи тоталитарного режима. И сегодня, судя по невысоким темпам развития демократии, феминистская идеология в ее наиболее рациональных и гуманных проявлениях вряд ли найдет легкие пути к массовому общественному сознанию, учитывая скептическое и даже резко негативное отношение к ней россиян.

Обобщая все вышесказанное, можно с уверенностью заявить о несомненном наличии резкой гендерной асимметрии и конфликтности в социальных отношениях во всех институтах социализации. Очевидно, что, с одной стороны, проявляя высокую социальную и межличностную компетентность, а также следование традиционным гендерным стереотипам, женщины получают взамен одобрение семьи и общества в целом, то, с другой стороны, эти же качества приводят к ограничению самореализации женщин в иных сферах. Высокие карьерные устремления мужчин приводят к игнорированию семьи и близких, а также к резкому снижению самооценки в случае низких достижений на профессиональном поприще.

Нам представляется, что женщины и мужчины имеют право выбора статус домохозяйки или карьера бизнесмена, как равно и любой другой, но этот выбор должен строиться на отрефлексированной оценке возможных вариантов жизненного пути, на понимании и переживании его будущих последствий.

В 90-е годы прошлого века в России оформилось новое направление гражданской активности – женское движение, и новое нетрадиционное направление академической деятельности – гендерные исследования. Благодаря усилиям тех и других в России началось гендерное просвещение. Были созданы гендерные и кризисные центры, появились специальные учебные курсы в вузах, регулярные конференции, семинары и тренинги в регионах, программы гендерного обучения для

руководителей, политиков, преподавателей. Начали издаваться книги, учебные пособия, сборники статей, монографии, появились специализированные Интернет-сайты и журналы.

Известно, что западный мир имеет долгую и непрерывную традицию развития гендерного дискурса, в то время как в нашей стране последние двадцать лет он существовал в ограниченной искусственно созданной среде энтузиастов-исследователей. В настоящее время созрела насущная необходимость расширения гендерного просвещения, экспансии гендерной проблематики за рамки академического преподавания.

Однако следует помнить, что для изменения общественного и индивидуального сознания, осознания необходимости гендерного равенства недостаточно введения новых учебных дисциплин, так как слишком велик диссонанс теории с реальной жизнью. Требуются масштабные изменения на уровне законодательной и исполнительной практики, гендерная экспертиза законодательства и СМИ, специальные программы, направленные на повышение статуса женщин.

Следует отметить необходимость широкого внедрения гендерного просвещения в образовательный процесс всех педагогических специальностей. Основной его задачей является, прежде всего, снижение уровня гендерной стереотипии, более осознанного восприятия гендерных стереотипов, снижение уровня конфликтности, обусловленного их влиянием, у всех участников образовательного процесса. Результатом гендерного просвещения может являться расширение сознания личности, предоставление ей больших возможностей самоактуализации, права самостоятельного выбора стиля жизни, в частности профессии и карьеры, а также возможности творчески подойти к собственной жизни. В конечном счете все это показатели эгалитарного демократического мировоззрения, вне которого невозможно вести речь о гендерном равенстве.

Сведения об авторах

Ключко Ольга Ивановна – кандидат философских наук, доцент кафедры специальной и прикладной психологии Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева. Имеет более 30 работ, посвященных гендерным исследованиям, в том числе монографию «Мужчина и женщина: проблемы современной социализации». Руководитель научно-исследовательского проекта «Гендерная толерантность».

Коробанова Жанна Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной и прикладной психологии Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева. Область научных интересов – гендерные аспекты развития одаренности, семья как институт тендерной социализации.

Галанова Ирина Витальевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной и прикладной психологии Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева. Специалист в области психологии труда и гендерного анализа средств массовой информации.

Яшкова Аксана Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной и прикладной психологии Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева. Сфера научных интересов - психология субъектности в образовании. Интенсивно разрабатывает проблему гендерного конфликта в образовательном процессе.

Сухарева Надежда Федоровна – старший преподаватель кафедры специальной и прикладной психологии Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, аспирант кафедры психологии Московского педагогического государственного университета. Занимается изучением гендерных аспектов агрессивного поведения у школьников.

Учебное издание

Коллектив авторов

ГЕНДЕРНАЯ ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

Учебное пособие

Печатается в авторской редакции

Дизайн обложки Н. В. Рунковой

Корректор Э. Т. Имашева

Компьютерная верстка Перяковой Е.В.

Сдано на верстку 00.00.05. Подписано в печать 00.00 05. Формат 60х84 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Петербург. Усл. печ. л. 0,00

Уч.-изд. л. 0,00. Тираж 000 экз. Заказ № 0000.

Издательство Мордовского университета

Типография Издательства Мордовского университета

430000, Саранск, ул. Советская, 24
